

Элизабет Вернер

Дорогой ценой

Элизабет Вернер
Дорогой ценой

«Public Domain»

1878

Вернер Э.

Дорогой ценой / Э. Вернер — «Public Domain», 1878

«Под ярким летним солнцем широко распростерлась зеркальная гладь озера, в которой картинно отражался живописно раскинувшийся на его берегу город. Далеко на горизонте на фоне голубого неба четко рисовались покрытые снегом зубчатые вершины гор...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	25
Глава V	34
Глава VI	44
Глава VII	55
Глава VIII	62
Глава IX	66
Глава X	70
Глава XI	79
Глава XII	87
Глава XIII	91
Глава XIV	100
Глава XV	116
Глава XVI	123
Глава XVII	127
Глава XVIII	133
Глава XIX	139
Глава XX	144
Глава XXI	155
Глава XXII	159

Эльза Вернер

Дорогой ценой

Глава I

Под ярким летним солнцем широко распростерлась зеркальная гладь озера, в которой картинно отражался живописно раскинувшийся на его берегу город. Далеко на горизонте на фоне голубого неба четко рисовались покрытые снегом зубчатые вершины гор.

Среди вилл и садов предместья скромно приютилась небольшая дачка – одноэтажный домик, скромный снаружи и, по-видимому, не скрывающий и в своих стенах особенной роскоши. Единственным его украшением была открытая веранда, вся увитая побегами дикого винограда; тем не менее благодаря светлым стенам и зеленым жалюзи на окнах домик выглядел очень милым и приветливым.

Вдоль веранды, защищенные от жарких солнечных лучей ее тенью, оживленно беседуя, прохаживались двое мужчин. Старшему было лет пятьдесят, но он казался рано состарившимся, – спина его сутулилась и волосы совершенно поседели. Глубокие морщины на лице свидетельствовали о борьбе и, может быть, о страданиях, перенесенных этим человеком, а резкая, не то горькая, не то саркастическая складка у тонких губ придавала его лицу почти отталкивающее выражение. Только в глазах мужчины еще блестел огонь, который не могли потушить ни годы, ни испытания.

Собеседник его, стройный, среднего роста человек с привлекательными чертами лица и серьезным взглядом голубых глаз, был еще молод. На его высокий чистый лоб падали светло-каштановые волосы, легкая бледность лица не имела в себе ничего болезненного, а лишь указывала на напряженную умственную работу. Лицо молодого человека выражало спокойную твердость, весьма редко встречающуюся в двадцатисеми-двадцативосьмилетнем возрасте.

– Итак, Георг, вы уже хотите покинуть нас? – спросил старший, и в его голосе послышалось сожаление.

– Уже? – усмехнулся молодой человек. – По-моему, господин доктор, я и так слишком долго злоупотреблял вашим гостеприимством. Я никак не думал пробыть у вас несколько недель; но вы приняли меня, чужого человека, связанного лишь университетской дружбой с вашим сыном, как близкого, любимого человека. Такой сердечности я никогда...

– Только без благодарностей за то, что мне самому доставило большое удовольствие! – прервал доктор. – Боюсь лишь, как бы вам не пришлось раскаяться. Едва ли ассессору Винтерфельду легко простят то, что он остановился у нас. Вы помните, я предупреждал вас, что пребывание в моем доме может повредить всей вашей карьере.

Это предостережение, произнесенное ироническим тоном, заставило молодого Винтерфельда слегка покраснеть, и он с живостью ответил:

– Мне кажется, я уже имел случай доказать вам, что сумею оградить свою самостоятельность при любых обстоятельствах. Надеюсь, мое положение не обязывает меня избегать дружеских отношений совершенно частного характера.

– А я убежден в совершенно противоположном, – возразил доктор. – Впрочем, это выяснится по вашему возвращении. Не забывайте, Георг, что вы работаете под начальством Равена.

– Не думаю, чтобы мой начальник заботился о том, как его чиновники проводят свой отпуск, – спокойно заметил Георг. – Правда, он неумолимо строг в отношении всего, что касается службы, но никогда не вмешивается в частную жизнь своих подчиненных. Хотя я и не принадлежу к числу друзей господина Равена, однако должен отдать ему справедливость. Вам ведь известно, что я решительный противник представляемого им направления, а следовательно, и

его личный противник, хотя в качестве подчиненного пока еще осужден на молчаливое повиновение.

– Пока еще? Уверю вас, Равен еще долго будет принуждать вас к такому повиновению и, если вы не проявите желания постичь его науку, постарается придавить и уничтожить вас. Таков стиль всех презренных выскочек.

Георг серьезно покачал головой.

– Вы преувеличиваете. У барона много врагов, и, я думаю, немало людей в тайне питают к нему неприязнь и даже ненависть, но презирать его, вероятно, никто еще не осмелился.

– Тем не менее я делаю это, – горячо воскликнул доктор, – и имею для того достаточно оснований.

Молодой человек молча взглянул на него, а затем сказал:

– Господин Бруннов, простите мне, может быть, нескромный вопрос: что произошло между вами и моим начальником? Услышав только его имя, вы проявляете такое горькое раздражение, которое едва ли вызвано лишь разногласием в политических убеждениях. Вы хорошо знаете его?

– Когда-то в молодости мы были друзьями, – глухо проговорил Бруннов.

– Как? – воскликнул Георг. – Вы и...

– Его превосходительство барон Арно фон Равен, губернатор Р-ской провинции, любимец теперешнего правительства, – закончил доктор, с резкой насмешкой подчеркивая свои слова. – Не правда ли, это удивляет вас?

– Разумеется; я не подозревал ничего подобного.

– С тех пор прошло более четверти века. Тогда его звали просто Арно Равен, и он был также беден и неизвестен, как и я сам. Мы учились в бурное, полное волнений время, и нас сблизила принадлежность к одной и той же партии. Равен, обладавший недюжинным умом, блестящими способностями и неутомимой энергией, вскоре стал нашим вождем; мы со слепым доверием следовали за ним, в особенности я, потому что я любил его, как никого на свете. Он был моим кумиром, на который я взирал с восторженным благоговением, моим идеалом, словом – всем... До того дня, когда он предал меня и нас всех, пожертвовал честью ради честолюбия и продался душой и телом нашим врагам, ценой нашей гибели купив блага себе... Умники, никогда не испытывавшие разочарования, ни разу не пережившие минут отчаяния, называют меня человеконенавистником. Но если это и так, то я сделался им с того самого дня, когда вместе с другом потерял и веру в людей.

Доктор стремительно отвернулся; видно было, как бушевала кровь в этом человеке при одном воспоминании о прошлом.

– Следовательно, слухи о том, что в прошлом барона есть какое-то темное пятно, не безосновательны? – тихо заметил Георг. – Мне не раз случалось слышать подобные намеки, но история не получила огласки, и в Равене все видят энергичного, неумолимого представителя власти.

– Ренегаты всегда становятся самыми беспощадными преследователями покинутой веры, – мрачно произнес Бруннов, – а Арно Равен всю жизнь отличался каким-то роковым, пламенным, всепожирающим честолюбием. Оно, собственно, было двигателем всех его поступков. Он с ранних лет мечтал о власти и величии, жаждал господствовать, повелевать, и это его желание теперь исполнилось. Карьера Равена почти беспримерна. Из тьмы и бедности он, ступенька за ступенькой, поднимался от отличия к отличию. Он стал зятем министра, любимцем которого был уже давно, добился баронского звания и теперь управляет одной из наиболее важных провинций страны. Он поднялся на высоту, о которой некогда только мечтал.

Однако меня, попавшего благодаря ему в тюрьму и ссылку, проводшего жизнь, полную разочарований, и на пороге старости вынужденного вести борьбу за существование, – меня не обманет его величие. Оно стоило Равену чести.

Бруннов оборвал свою речь и прошелся несколько раз взад и вперед, чтобы овладеть собой. Наконец он опять подошел к Георгу и снова начал:

– Я много лет не касался этой темы, но с вами хочу быть откровенным. Вы не принадлежите к тем людям, в которых, как в слепых и покорных орудиях, так нуждается Равен и которых он только и терпит возле себя. Поэтому, я думаю, наступит час, когда вам придется отказать ему в повиновении, если вы захотите отстоять свои убеждения и свою честь. Будьте тверды, Георг! В том противоречивом чувстве, которое вы питаете к этому человеку, звучит удивление перед ним, и это мне слишком хорошо понятно. Равен всегда обладал какой-то демонической властью над всеми, кто соприкасался с ним; вы тоже не можете совершенно избежать ее, потому я и счел нужным выяснить вам все о Равене. Теперь вы знаете, кто он такой...

– Так я и думал! Они опять увлеклись политикой или своими обычными бесконечными дебатами! – раздался голос позади них. – Я ищу тебя, Георг, по всему дому... Здравствуй, отец!

Молодой человек, подошедший к ним с этими словами, был несколько моложе Георга, но выше и плотнее, а его свежее открытое лицо, ясный взор и густые белокурые волосы были очень привлекательны. Пытливо взглянув на покрасневшее лицо доктора, он продолжал:

– Тебе не следует так горячиться в разговоре, отец. Ведь ты знаешь, как вредно это действует на тебя! Да кроме того, я вижу, ты слишком напряженно работал сегодня.

Он подошел к стоявшему на веранде столу, заваленному книгами и бумагами, и начал перелистывать рукописи.

– Оставь, Макс! – нетерпеливо сказал доктор. – Вместо того чтобы заняться глубокий научным исследованием, ты только производишь беспорядок в рукописях.

– Потому что у меня нет времени на эти исследования. Молодой врач, больничный ассистент, не может позволить себе целыми днями корпеть над книгами. Ты же знаешь, что я по горло завален работой.

– Время нашлось бы, недостает лишь охоты!

– Пусть будет так – недостает охоты. Я предпочитаю врачебную практику и полагаю, что с ее помощью пойду не менее далеко.

– Разумеется, не дальше, чем влечет тебя твое честолюбие, – с нескрываемым пренебрежением в голосе отозвался старик Бруннов. – Во всяком случае ты приобретешь обширную практику и будешь смотреть на свое призвание, как на прибыльное ремесло.

Макс, явно борясь с поднимавшимся в нем раздражением, тем не менее спокойно возразил:

– Разумеется, я постараюсь возможно скорее создать себе свою собственную практику. Ты мог сделать это уже двадцать лет назад, но предпочитаешь писать медицинские труды, которые кроме грошового гонорара в лучшем случае доставляют тебе известность в узком кругу специалистов. Вкусы различны.

– Так же различны, как и наши взгляды на жизнь вообще. Тебе ведь неизвестно, что значит жить ради науки и приносить себя в жертву ей.

– Я ни для чего не хочу жертвовать собой, – упрямо заявил Макс. – Я добросовестно исполняю свой профессиональный долг и считаю это вполне достаточным. Ты, отец, любишь бесцельное самопожертвование, я – нет.

– Оставьте, господин доктор, этого неисправимого реалиста! – вмешался в их спор Георг. – Я уже давно отказался от мысли обратить его на путь истинный. А теперь не станем мешать вам больше. Макс еще утром обещал пойти со мной в рощу на прогулку.

– Теперь, в обеденное время? – удивился доктор. – Почему не позже?

На лице молодого Винтерфельда отразилось легкое смущение.

– Потом придется заняться сборами в дорогу, а мне хочется еще раз насладиться видом озера и гор. Разлука с ними будет для меня тяжела.

– Охотно верю! – со странным, почти злым выражением подчеркивая слова, заметил Макс, но тотчас умолк, заметив сердитый и в то же время простительный взгляд своего друга.

Бруннов, видимо, не придал этому обмену словами и взглядами важного значения и, кивнув на прощанье, отправился к своему рабочему столу. Молодые люди сошли в сад; Макс отворил калитку, и они зашагали вдоль берега озера.

Несколько времени друзья молча шли вперед. Георг казался серьезным и сосредоточенным, молодой врач был явно в дурном расположении духа, равным образом вызванном как недавним разговором с отцом, так и близким отъездом друга.

– Итак, это – последний день твоего пребывания здесь, – наконец произнес он. – Да, впрочем, что мне в том, как и во всем твоём посещении? Полдня ты декларируешь с моим отцом взгляды на положение вещей в нашем любезном отечестве вообще и о диктаторской власти Равена в частности; когда же мне посчастливится отвлечь тебя от политики, ты злоупотребляешь моей дружбой, заставляя меня в полдень, при двадцати четырех градусах жары по Реомюру,¹ стоять на часах... Нечего сказать, приятный гость!

– Что за выражение! – попрекнул его Георг. – Я лишь просил тебя...

– Позаботиться о том, чтобы никто не помешал твоей – разумеется, совершенно случайной – встрече с баронессой Гарднер. По-моему, это и значит «стоять на часах». Сколько же таких «случайных» встреч у вас уже, собственно, было с моим участием и без него? Берегитесь, как бы мамаша не проследила эти совместные прогулки!

– Ты ведь знаешь, что мой отпуск кончается и что завтра мне нужно ехать, – коротко ответил Георг.

– И потому сегодня свидание продлится особенно долго! – вздохнул Макс. – Прости, Георг, вам, понятно, очень интересно, когда при солнце ли, при луне и звездах вы клянетесь в верности друг другу, но для непричастного человека это крайне скучно, особенно при сегодняшней температуре.

Между тем молодые люди достигли группы каштановых деревьев, покрывающих своей тенью лужайку на берегу озера – излюбленное место прогулок горожан. Отсюда открывался великолепный вид на озеро и горы во всей их красоте. В этот знойный полуденный час уединенный уголок был совершенно пуст.

Георг опередил своего друга и стал выжидательно осматриваться кругом – никого не было. Макс медленно брел за ним. Наконец он подошел к могучему каштану, вздымавшемуся на самом выгодном для обозрения ландшафта месте, и опустился на дерн. Он расположился поудобнее и не то с насмешкой, не то с состраданием стал наблюдать за своим другом, обнаружившим почти лихорадочное беспокойство.

– Скажи, пожалуйста, Георг, что, собственно, может выйти из твоего романа? – снова начал Макс после продолжительного молчания.

– Я уже не раз просил тебя не говорить об этом в таком тоне!

– Разве я недостаточно деликатно выразился? По-моему, в твоей любви немало романтического. Молодой чиновник мещанского происхождения, без всяких средств, и высокороденная баронесса и будущая наследница... тайные свидания, неизбежный протест всей семьи... борьба и волнения без конца... Поздравляю тебя с прекрасной перспективой! Я считаю такую ситуацию слишком неудобной.

– Охотно верю, – с легкой насмешкой ответил Георг, – но, милый Макс, ты плохой советчик в подобных вещах.

– Потому что обладаю совершенно прозаической натурой. Это для меня уже не ново. Отец довольно часто дает мне понять, что мне недостает идеалистического направления. Я не

¹ Тридцать градусов по Цельсию.

принадлежу к избранным натурам, как ты, например. Ты гораздо больше по вкусу моему отцу, и, мне кажется, он не задумался бы над тем, чтобы сменить на тебя своего сына.

– Если ты согласен, – слегка улыбнулся Георг, – я ничего не имею против.

– Попробуй, – сухо произнес Макс. – По отношению к тебе отец исключительно любезен, потому что питает к тебе какую-то особенную любовь, а вообще он недалеко от того, чтобы быть человеконенавистником. Ничто не удовлетворяет его, все возбуждает в нем раздражение и горечь, которые он считает неудовлетворенным идеализмом, и это служит поводом к вечной войне между нами. Он не хочет простить мне, что я отлично чувствую себя в ничтожном мире, с которым сам он не может примириться!

– Ты несправедлив к своему отцу, – заметил Георг. – Тот, кто, подобно ему, пожертвовал ради своих идеалов положением и свободой, имеет право прилагать высший масштаб к свету и людям.

– Но я слишком мал для этого «высшего масштаба», – сердито возразил молодой врач, – ты гораздо более соответствуешь ему. Отец сразу заметил это и забрал тебя в свое полное распоряжение. Разумеется, ты значительно упал бы в его глазах, если бы он мог заподозрить, что в первые же дни своего пребывания здесь ты сделал безграничную глупость влюбиться.

– Макс, прошу тебя, оставь! – раздраженно прервал Винтерфельд.

Но Макс в порыве гнева не обратил внимания на слова друга.

– Повторяю, это – глупость!

– Ты со своим серьезным взглядом на жизнь, неутомимой работоспособностью, со своими идеальными стремлениями и эта избалованная, легкомысленная Габриэль фон Гардер, выросшая в богатстве и роскоши, воспитанная во всевозможных аристократических предрассудках! Неужели ты и в самом деле думаешь, что она когда-нибудь будет в состоянии хоть поверхностно вникнуть в твои интересы? Будь уверен, она покинет тебя на первом же серьезном пункте этой дорожной идиллии, уступив влиянию своей семьи. Ты вложишь в свою любовь все лучшее, употребишь все силы для борьбы с ее родственниками, а к концу концов тебя принесут в жертву ради какого-нибудь графа или барона, который составит приличную партию для юной баронессы.

– Нет, нет! Ты ведь не знаешь Габриэли, ты только мельком видел ее, тогда как я... – Георг вдруг запнулся и продолжал упавшим голосом: – Я знаю, что, кроме этих внешних отношений, нас разделяет совершенно иная бездна... Но Габриэль еще так молода! До сих пор она видела жизнь только с ее светлой стороны, и... и я безгранично люблю ее.

– Каждый развлекается по-своему, – равнодушно заметил Макс. – Я, например, ни в коем случае не придавался бы безграничной любви, из которой ничего не может выйти... Впрочем, – Макс встал, – мне уже пора на свой пост – вон за сиренью мелькнуло светлое платье, и ты вспыхнул, будто все семь небес раскрылись перед тобой... Георг, сделай мне, пожалуйста, единственное одолжение – не забывай о существовании на свете обеденного часа, когда обыкновенные смертные считают необходимым поесть. Надеюсь, в благодарность за мое дружеское самопожертвование ты не заставишь меня голодать?

Бруннов ушел.

Винтерфельд едва ли слышал его последние слова, внимание молодого человека было всецело поглощено стройной фигурой, показавшейся на опушке рощицы. Девушка шла легко и грациозно, как будто едва касалась дерна, и через несколько минут была уже около него.

– Вот и я, Георг. Ты долго ждал меня? Сегодня было совершенно невозможно уйти незамеченной, и я уже почти отказалась от мысли об этом. Но было бы слишком жестоко заставлять напрасно томиться моего бедного рыцаря. Наверное, ты никогда не простил бы мне, если бы тебе пришлось уехать без торжественного прощания.

Георг крепко сжал руку девушки, пытавшейся после быстрого пожатия отдернуть ее, и с легким упреком сказал:

– Неужели разлука так легка для тебя, Габриэль? Неужели у тебя на прощание не найдется ничего другого, кроме шуток и поддразнивания?

Молодая девушка удивленно взглянула на него.

– Разлука? Но ведь через месяц мы снова свидимся!

– Через месяц? Это, по-твоему, – короткий срок?

– Верно, это больше четырех недель. В каждой неделе по семи дней. Конечно, тебе придется потерпеть это время. Но зато потом мы тоже приедем в Р. Ты ведь часто видишься с моим опекуном?

– С бароном Равеном? Конечно. Я состою, как тебе известно, в его канцелярии и иногда являюсь к нему с докладами.

– Я почти совершенно не знаю его, – равнодушно заметила Габриэль. – Я видела его лишь мельком, когда он на короткое время приезжал в столицу, в последний раз – три года тому назад. Тогда его превосходительство не обратил на меня никакого внимания и обращался со мной совсем как с ребенком, хотя мне уже исполнилось четырнадцать лет. Меня вовсе не восхищала перспектива жить в его доме, пока я, – она лукаво улыбнулась, – не познакомилась с неким Георгом Винтерфельдом и не узнала, что он имеет счастье принадлежать к числу чиновников моего опекуна.

На лице молодого человека мелькнуло выражение, ясно говорившее о том, что он был несколько иного мнения относительно такого «счастья».

– Ты ошибаешься, возлагая на это какие бы то ни было надежды, – серьезно возразил он. – Мои отношения с начальником – исключительно служебного характера, да и вообще я очень далек от него. Молодой чиновник мещанского происхождения с невысоким служебным положением не имеет доступа в губернаторский кружок и не может рассчитывать на близкое знакомство с баронессой Гардер. Мы будем далеки друг от друга, хотя бы я и ежедневно бывал в том доме, в котором ты будешь жить. Здесь, среди свободной обстановки летнего отдыха, мы смогли сблизиться и полюбить друг друга...

– Этим ты обязан в сущности только нашей лодке, вовремя севшей на мель, – прервала его Габриэль. – Вспоминаешь ли ты о нашей первой встрече? Мама до сих пор воображает, что мы находились в смертельной опасности, и считает тебя своим спасителем, потому что ты счастливо вытащил нас из мелкой воды на берег. В противном случае она едва ли разрешила бы тебе, при твоем простом буржуазном имени, так часто посещать нас. Однако для «спасителя жизни» она, конечно, сделала исключение. Если бы она только знала, что он уже объяснился мне в любви!

Нескрываемое торжество, прозвучавшее в последних словах Габриэли, по-видимому, оскорбило молодого человека, и он пытливо взглянул на нее.

– Ну, а если бы баронесса узнала об этом, что сделала бы ты?

– Я по всем правилам этикета представила бы тебя в качестве моего будущего господина и повелителя, – торжественно пояснила Габриэль. – Конечно, произошел бы взрыв... Начались бы слезы, упреки, истерики... В этой области мама очень сильна... Но это ничего не значит, в конце концов она сдастся, и я всегда ставлю на своем.

Она весело рассмеялась. По-видимому, мысль о раскрытии любовной тайны чрезвычайно забавляла ее.

Девушка опустила на дерн под каштаном и сняла свою соломенную шляпу. Солнечные зайчики играли на ее густых белокурых волосах и румянном личике с парой огромных карих глаз, улыбавшихся Божьему миру. Это нежное, милое личико, бесспорно, очаровывало своей прелестью, но ему недоставало той одухотворенности, которая придает лицу человека настоящее обаяние. Бесплезно было бы под задорной улыбкой, под брызжущим весельем искать серьезное, глубокое чувство, что, впрочем, нисколько не умаляло привлекательности этого цветущего создания, в котором все дышало юной свежестью.

Георг посмотрел на Габриэль со странной смесью неудовольствия и нежности.

– Габриэль, ты смотришь на все, как на игру, и совсем не представляешь себе предстоящей нам борьбы.

– Ты боишься борьбы?

– Я? – Лицо молодого человека начало покрываться румянцем. – Я готов на все, если ты будешь со мной. Но ты заблуждаешься, рассчитывая на уступчивость своей матери, когда на карту ставятся семейные традиции и предрассудки. И мало того: даже если тебе удастся убедить мать, на наш брак никогда не согласится твой опекун. Я достаточно хорошо знаю его.

– А я и не спрошу его согласия, – заметила Габриэль. – Я не приму во внимание ни его разрешений, ни его запрещений. Пусть попробует принудить меня!

– Никто и не станет принуждать тебя, – возразил Георг, – но нас разлучат. В тот самый момент, когда обнаружится наша любовь, будет решена и наша разлука. Это я ясно сознаю, и только это заставляет меня молчать. Тайна, которая кажется тебе столь прелестной, робкая игра в прятки, которую я вынужден вести, тяготит и унижает меня, претит моей натуре! Лишь теперь я впервые по-настоящему почувствовал, что значит быть бедным и неизвестным.

– И не беда, что ты беден! – беззаботно воскликнула Габриэль. – Когда-нибудь я буду очень богата. Мама ежедневно твердит мне, что я единственная наследница Равена.

Георг молчал; он крепко сжал губы, как бы удерживая какие-то горькие слова.

– Да, ты будешь очень богата, – проговорил он наконец, – даже слишком богата.

– Кажется, ты хочешь упрекнуть меня этим?

– Нет, несколько, но это еще больше расширяет пропасть между нами. Если бы ты принадлежала к моему кругу, я бы открыто явился к вам и потребовал если не твоей руки, то по крайней мере твоего слова до тех пор, пока буду в состоянии предоставить тебе свой собственный кров. Теперь же напротив... Что ответит мне барон Равен, если я дерзну просить у него руки его подопечной, его будущей наследницы? Он заменяет тебе отца, ты находишься в его власти.

– Но только до моего совершеннолетия! Через несколько лет наступит конец опекунской власти старого барона. Тогда я буду свободна!

– Через несколько лет! – повторил Винтерфельд. – А какими будут твои чувства и мысли тогда?

В его словах прозвучал такой робкий вопрос, что Габриэль не то испуганно, не то оскорбленно взглянула на него:

– Георг, неужели ты сомневаешься в моей любви?

– Я верю тебе, моя Габриэль, доверься и ты мне! Ведь мне не первому приходится пробивать себе дорогу, а я привык доверять своим силам и верить в свое будущее. Ради тебя я сделаю все возможное, чтобы создать себе достойную будущность. Ты не должна стыдиться своего выбора.

– Да, тебе следует сделать меня по крайней мере превосходительством, – поддразнила его Габриэль. – Я совершенно определенно решила, что ты будешь губернатором или даже министром... Слышишь, Георг? Я не желаю другого титула!

Винтерфельд вдруг выпустил руку девушки, которую до сих пор все еще держал в своей. Он ожидал совершенно иного ответа на вырвавшееся из самой глубины души признание.

– Ты не понимаешь меня! – воскликнул он. – Да, впрочем, как ты можешь серьезно смотреть на жизнь, если она еще не коснулась тебя!

– О, я могу быть и серьезной, – уверяла Габриэль, – чрезвычайно серьезной. Ты меня совершенно не знаешь.

– Возможно, – проговорил молодой человек с чувством возрастающей горечи. – Во всяком случае я не сумел пробудить твою душу.

Габриэль отлично видела, что обидела его, но предпочла оставить это без внимания. Она продолжала поддразнивать Георга и шутить, призвав на помощь всю свою веселость. Девушка рассчитывала на ту силу, которую не раз уже с успехом применяла, и она оказала свое действие и на этот раз. Лицо Георга мало-помалу стало проясняться; уныние и упреки не устояли перед лукавой улыбкой розовых губок, и когда любимая подняла на него свой взор, он тоже улыбнулся.

Из города донеслись звуки колоколов, возвещавших обеденную пору, и напомнили молодым людям о моменте разлуки. Георг страстно прижал руку молодой девушки к своим губам. Непосредственная близость дач и проезжей дороги мешала более нежным излияниям.

Габриэль, казалось, в самом деле легко мирилась с мыслью о разлуке. На мгновение она как будто стала серьезнее, и в ее глазах даже блеснули слезы, но через минуту юное лицо уже снова сияло весельем. Она еще раз кивнула на прощание и быстро удалилась. Глаза молодого человека, не отрываясь, глядели ей вслед.

– Макс совершенно прав, – как во сне прошептал Георг. – Я и это избалованное, легкомысленное дитя счастья! Почему я полюбил именно Габриэль, столь далекую от меня в том, в чем мы должны быть близки друг к другу? Да, почему... я тем не менее люблю ее?

Несмотря на все противоречия, предостережение друга нашло отклик в душе молодого человека, но что могли поделать благоразумие и трезвые рассуждения против страсти, наполнявшей все его существо? Георг уже давно знал, что не в силах бороться с очарованием, поработившим его.

Глава II

– Еще раз прошу вас, ваше превосходительство, отменить эти строгие мероприятия. Нельзя же делать весь город ответственным за выступления отдельных лиц.

– Я того же мнения, что не следует поступать так круто. Нетрудно будет найти виновных и обезопасить себя от них.

– Не нужно придавать этой истории столь важное значение, ваше превосходительство. В действительности она не заслуживает этого.

Барон Равен, к которому были обращены эти увещания, был, по-видимому, очень мало тронут ими и сухо ответил:

– Очень жаль, господа, что я совершенно противоположного мнения, но я принял свое решение после тщательного размышления, и к тому же вам хорошо известно, что я никогда не отменяю назначенных мер.

Мужчины, собравшиеся в приемной губернского правления города Р., по-видимому, провели довольно долгое и оживленное совещание; все они были порядочно взволнованы, не исключая и самого барона, хотя он с видом непоколебимого спокойствия откинулся в своем кресле.

– Мне кажется, – снова начал первый, – что мой голос представителя города тоже имеет некоторый вес в этом вопросе, тем более что на моей стороне и господин полицмейстер.

– Разумеется, – с нарочитой сдержанностью подтвердил последний. – Однако я слишком короткое время исполняю свою должность, чтобы в совершенстве знать положение вещей. Его превосходительство, конечно, может лучше судить об этом.

– Я боюсь лишь, чтобы не придали ложного смысла строгим мерам и не истолковали их как заботу о вашей личной безопасности, – заметил третий господин, в мундире полковника.

– Не беспокойтесь, – возразил барон с презрительной усмешкой, – меня слишком хорошо знают в Р., чтобы заподозрить в трусости. Что бы ни было, этот упрек не коснется меня.

Губернатор поднялся, давая понять, что совещание окончено.

Барон Равен, человек сорока шести – сорока семи лет, был весьма представительным мужчиной. Мощная фигура и повелительные манеры, полное энергии лицо, черты которого были если не красивы, то очень характерны, осанка, выражающая смесь неприступной гордости и спокойного достоинства, – все говорило о том, что этот человек привык повелевать и властвовать. Темно-карие глаза его еще молодо блестели, но взор их был строг и мрачен, а когда барон пристально смотрел на что-нибудь, приобретал пронизывающую, неприятную остроту. Темные густые волосы барона лишь слегка серебрились на висках, и это была единственная черта, выдававшая его возраст.

– Все это вовсе не касается меня лично, – продолжал он. – Пока ругательства и угрозы доходили до меня в виде анонимных писем, я попросту бросал их в корзину, не придавая им никакого значения. Но когда их стали расклеивать на стенах присутственных мест и начались попытки публично оскорблять меня, а господа граждане воздерживались от вмешательства, я счел своей обязанностью принять серьезные меры. Я – представитель высшей власти в провинции, и если буду терпеть оскорбления, наносимые лично мне, то тем самым уроню авторитет правительства, охранение которого при всех обстоятельствах является моей обязанностью. Повторяю вам, господин городской голова, мне очень неприятно издавать обязательные полицейские постановления, которые, может быть, будут весьма тягостны, но сам город заставил меня сделать это.

– Мы уже привыкли к тому, что при подобных обстоятельствах вы, ваше превосходительство, не принимаете во внимание никаких доводов, – резко произнес городской голова. –

Итак, мне остается лишь сложить на вас всю ответственность за это... Следовательно, наш разговор окончен.

Барон холодно поклонился и парировал:

– Не знаю случая, когда я не нес бы ответственности за свои мероприятия; также, разумеется, я несу ее и теперь... До свидания, господа!

Городской голова и полицмейстер вышли из приемной. На пути к выходу голова, седой старик холерического типа, не мог не дать воли своему долго сдерживаемому гневу.

– И вот, несмотря на все наши просьбы, увещания и представления, мы еще раз не добились ничего другого, кроме диктаторского «будет так!», – говорил он своему спутнику. – По-видимому, даже и вы преклонились перед этим излюбленным выражением его превосходительства: ваше противоречие разом смолкло.

Полицмейстер, еще довольно молодой человек с умным, выразительным лицом и очень вежливыми манерами, пожал плечами.

– Барон – глава управления, и так как он объявил, что превосходит меня своей ответственностью, то...

– Вы подчиняетесь его воле, – закончил городской голова. – В сущности это вполне естественно. Едва ли вы хотите разделить судьбу своего предшественника.

– Во всяком случае, я надеюсь дольше его сохранить свой пост, – вежливым, но решительным тоном ответил полицмейстер. – Насколько мне известно, мой предшественник был переведен на другую должность за неспособность к службе.

– Ошибаетесь, – возразил голова. – Он был смещен потому, что пришелся не по душе барону Равену и по временам осмеливался высказывать различное с ним мнение. Он принужден был уступить воле, которая так давно неограниченно господствует у нас. Сегодняшнее поведение нашего губернатора, надеюсь, сразу же показало вам, в чем собственно заключается здесь «положение вещей», и, как мне кажется, вы уже избрали себе лагерь.

Последние слова прозвучали очень язвительно, но полицмейстер ничего не ответил и только любезно улыбнулся, а так как они уже были в подъезде дома, то тотчас же расстались.

Барон Равен и полковник между тем остались в приемной правления. Полковник командовал полком, несшим гарнизонную службу в Р. Несмотря на свою военную осанку, мундир и ордена, он все же не мог выдержать сравнения с величественной фигурой губернатора, хотя и облаченного в простой штатский сюртук.

– Вам не следовало все же так круто поступать, ваше превосходительство, – возобновил он разговор. – В высших сферах бывают очень недовольны постоянными конфликтами со средним сословием.

– А вам кажется, что я люблю эти конфликты? – спросил барон. – Но уступчивость в данном случае была бы проявлением слабости, а последней, надеюсь, никто не заподозрит во мне.

– Вы знаете, что месяц тому назад я был в столице, – продолжал полковник, – и часто бывал в министерстве. Откровенно говоря, настроение там для вас неблагоприятно. Там недолюбливают вас.

– Это мне известно, – холодно ответил Равен, – я давно стал неудобен для столичных господ. Я никогда не был ни покорным исполнителем их воли, ни их преданным слугой; к тому же они никак не могут простить мне мое низкое происхождение. Помешать моей карьере было невозможно, но симпатиями в их кругах я никогда не пользовался.

– Тем более вы должны быть осторожны. Уже делались попытки поколебать ваше положение. Говорят о превышении власти, о произволе, и все ваши мероприятия подвергаются жесточайшей, часто весьма враждебной, критике. Неужели вы не боитесь этой паутины интриг?

– Нет, – не задумываясь, ответил губернатор, – я слишком нужен власть имущим лицам и позабочусь о том, чтобы, несмотря на мое «превышение власти» и «произвол», такая необхо-

димость не исчезла. Я отлично знаю всю трудность своего здешнего положения; но министерству нелегко найти другое лицо, пригодное занять губернаторский пост в этой провинции и сдерживать брожение умов в вечно оппозиционном Р. Тем не менее я очень благодарен вам за ваше предостережение.

– Я хотел по крайней мере предупредить вас, – сказал полковник, обрывая разговор. – Но мне пора. Я слышал, вы ожидаете сегодня гостей?

– Да, свояченицу, баронессу Гардер, с дочерью, – ответил барон, провожая полковника до дверей. – Они провели часть лета в Швейцарии и сегодня возвращаются оттуда. Я ожидаю их с минуты на минуту.

– Я имел счастье несколько лет тому назад познакомиться с баронессой в столице и надеюсь возобновить здесь знакомство. Осмелюсь просить вас, ваше превосходительство, засвидетельствовать ей мое почтение. До свидания, ваше превосходительство!

Через полчаса к подъезду губернаторского дома подъехала карета, и барон Равен спустился вниз, чтобы приветствовать гостей.

– Как я счастлива снова видеть вас! – с оживлением воскликнула сидевшая в карете дама, протягивая руку губернатору.

– Добро пожаловать, Матильда! – со своей обычной холодной вежливостью ответил на ее приветствие Равен, открывая дверцу кареты и помогая свояченице выйти. – Как вы перенесли дорогу? Сегодня чересчур жарко для путешествия.

– О, ужасно жарко! Продолжительная дорога совершенно издергала мне нервы. Вначале мы намеревались один день отдохнуть в К., но нас подгоняло желание как можно скорее увидеть нашего дорогого родственника.

– Тем не менее вам следовало остановиться в К., – заметил барон, равнодушно приняв комплимент. – Но где же дитя... Габриэль?

Лицо молодой девушки, только что выпрыгнувшей из кареты, при этом вопросе покрылось гневным румянцем. Но и барон запнулся, изумленно уставившись на «дитя», которое он не видел в течение трех лет и которое теперь совершенно поразило его своим видом. Однако изумление барона и торжество девушки по этому поводу были непродолжительны.

– Весьма рад видеть тебя, Габриэль, – спокойно произнес опекун и, наклонившись, слегка коснулся губами ее лба.

Это была та же беглая, равнодушная ласка, которую он некогда уделял четырнадцатилетнему ребенку, причем строгий взор его темных глаз скользнул по лицу девушки так пытливо, как будто он хотел проникнуть у глубину ее души. Затем он подал руку свояченице и повел ее наверх, предоставив девушке следовать за ними.

Баронесса разразилась целым потоком красноречивых любезностей, который прекратился лишь тогда, когда они достигли флигеля, где были расположены комнаты, предназначенные для дам.

– Вот ваше помещение, Матильда, – сказал барон, указывая на открытые комнаты. – Надеюсь, оно будет вам по вкусу. Вот здесь звонок к прислуге. Если вам что-нибудь не понравится, прошу сообщить мне. Теперь же позвольте покинуть вас. Вы и Габриэль, конечно, утомлены дорогой и нуждаетесь в отдыхе. За столом мы встретимся.

Барон ушел, явно довольный тем, что избавился от скучной обязанности принимать гостей.

Едва только за ним захлопнулась дверь, баронесса, сбросив с себя дорожный костюм, стала осматриваться кругом. Четыре комнаты, отведенные для нее с дочерью, были обставлены очень элегантно и даже роскошно, с учетом вкусов знатной гостьи; не оставалось желать ничего лучшего, и очень довольная осмотром баронесса Гардер возвратилась к дочери, все еще стоявшей посреди первой комнаты в дорожном костюме и шляпе.

– Почему же ты не раздеваешься, Габриэль? – нетерпеливо спросила баронесса. – Как ты находишь помещение? Слава Богу, наконец-то, после лишений нашего швейцарского изгнания, мы опять в привычной обстановке.

Габриэль не обратила на слова матери ни малейшего внимания.

– Мама, я не выношу дядю Арно! – вдруг с необыкновенной решимостью произнесла она.

Ее тон был так необычен, так противоречил ее обычной манере говорить, что баронесса невольно изумилась.

– Дитя мое, да ты едва ли рассмотрела его!

– Тем не менее я терпеть его не могу. Он обращается с нами с безразличной снисходительностью, оскорбительной для нас. Не могу понять, как ты можешь переносить такой прием!

– Ничего подобного, – успокоила ее баронесса. – Лаконичность и сдержанность – отличительные черты характера моего зятя. Познакомившись с ним поближе, ты привыкнешь к этому и полюбишь его.

– Никогда! Как ты можешь требовать от меня, чтобы я полюбила дядю Арно? Я вечно слышу о нем лишь дурное. Ты сама говорила, что он – страшный деспот. Папа не называл его иначе, как выскочка и авантюрист. А между тем ни папа, ни ты никогда не решались сказать ему ни одного неприятного слова...

– Дитя мое, ради Бога, замолчи! – прервала ее мать. – Неужели ты забываешь о том, что мы всецело зависим от благорасположения твоего дяди? Он непримирим, если считает себя оскорбленным. Ты не должна противоречить ему.

– Но если он – авантюрист, и только, то почему же ты высказываешь ему столько почтения? Почему дедушка выдал за него свою дочь? Почему он всегда был первым лицом в семье?

– Почему я знаю? – вздохнув, заметила баронесса. – Могущество этого человека мне всегда было непонятно, равно как и любовь к нему дедушки. Со своим мещанским именем и ничтожным тогда служебным положением он должен был смотреть на вступление в нашу семью, как на высокую милость, как на незаслуженное счастье, а между тем принял это, как нечто должное, полагающееся ему по праву. Едва он встал твердою ногой в нашем доме, как сразу подчинил себе всех, начиная с моей сестры и кончая прислугой. Нашего отца он совершенно забрал в свои руки, и тот не делал ни шага без его совета. Остальных же он попросту согнул в дугу. Право, не знаю, как это случилось, но и в обществе, и на службе он забрал себе власть, как и в нашем доме. Ничто не смело противостать ему!

– Ну, меня ему не подчинить себе! – воскликнула молодая девушка, упрямо закидывая головку. – Он думал и меня запугать своим мрачным взглядом, пронзившим меня насквозь, но я нисколько не боюсь его. Посмотрим, подчинит ли он меня, подобно остальным.

Баронесса испугалась; она не без основания боялась, что ее избалованная дочь, не привыкшая стеснять свою свободу, и в отношении барона будет так же своевольна. Она исчерпала весь свой запас просьб и доводов, однако напрасно – Габриэль находила своеобразное удовольствие в упрямом выражении вражды по отношению к опекуну и не собиралась сдавать свои боевые позиции против него. К тому же она слишком долго была серьезна и потому поспешила вернуть себе свой обычный легкомысленный тон.

– Мама, мне кажется, ты чувствуешь настоящий страх перед этим волком в образе дяди, – с веселым смехом воскликнула девушка. – Я смелее. Я подойду к самой его морде, и – ручаюсь тебе – он не сожрет меня!

Глава III

Дом губернского правления в Р. был некогда замком и в продолжение многих лет служил жилищем одной княжеской семьи. Затем он перешел в казну, и теперь в нем помещались главное управление провинции и квартира губернатора. Обширное здание было расположено вне города, на возвышении, и, несмотря на свое нынешнее предназначение, сохраняло вид средневекового замка. Его высокие башни и вышки, и вообще господствующее положение над окрестностью – все было очень живописно.

Из окон замка свободно просматривались город и вся долина, окаймленная венком гор. Главное здание было в исключительном пользовании губернатора, занимавшего его верхний этаж, а в нижнем помещалась канцелярия; в двух боковых флигелях были расположены прочие присутственные места и казенные квартиры чиновников.

Несмотря на такую планировку здания, его внутренние помещения носили тот же, что и наружный, вид, старинный характер, заложенный в самой архитектуре, и годы не в силах были изменить его. Комнаты со сводчатыми потолками, с глубокими дверными и оконными нишами были наследием восемнадцатого столетия. Длинные мрачные коридоры и галереи скрещивались в самых разных направлениях. Из одного этажа в другой вели каменные, гулко резонирующие лестницы. Старинный замковый двор и сад все еще сохраняли свой первоначальный вид.

Теперешний губернатор уже много лет бесценно занимал свой пост. Он был сыном простого бедного чиновника, умершего молодым, однако и жизненный уклад, и впечатление, производимое лично им, были безукоризненно аристократичны. Никто не знал, каким собственным образом Равен стал любимцем некогда всемогущего министра, которому он был обязан своей карьерой. Проницательный взор министра, вероятно, обнаружил в молодом человеке недюжинные способности. Многие склонны были видеть в этом другие, тайные причины, сыгравшие роль в возвышении Равена. Как бы то ни было, он был вдруг назначен секретарем министра, и в этой должности ему представилось обширное поле для применения своих способностей. Равен быстро стал доверенным лицом министра, при всяком удобном случае отличавшего его и даже открывшего перед ним двери собственного дома. Нижние ступени служебной лестницы были быстро пройдены, и однажды высшие слои столичного общества ошеломила неожиданная весть о том, что старшая дочь министра помолвлена с его молодым советником. Тотчас же последовало возведение Равена в баронское достоинство, и перед ним открылись ослепительные возможности.

Однако не только этому был обязан Равен своим головокружительным возвышением. Его действительно блестящие способности, по-видимому, лишь теперь нашли себе достойное применение и вскоре были так бесспорно проявлены, что всякая протекция стала совершенно излишней. Всего через несколько лет вполне объяснился «непонятный поступок» министра, который, вместо того чтобы противодействовать браку своей дочери, благожелательно отнесся к нему. Он знал чего мог ожидать от своего зятя в будущем, и действительно, его дочь в качестве баронессы Равен играла в свете гораздо большую роль, чем ее сестра, вышедшая замуж за барона Гардера, человека древнего происхождения, но весьма ничтожного.

Назначенный на ответственный пост в Р., барон Равен нашел там очень тяжелое положение. Правда, буря, потрясая несколько лет тому назад всю страну, на время затихла, но не была уничтожена в корне. В особенности в Р-ской провинции повсюду шло брожение, и Р., главный ее город, стоял во главе оппозиции правительству. Губернаторы тщетно пытались искоренить эту оппозицию, но им недоставало ни решительности, ни полноты власти, и они ограничивались полумерами, необходимыми для усмирения то и дело возникавших беспорядков, которые продолжали разрушать провинцию.

Когда губернатором был назначен Равен, все сразу почувствовали, в какие железные руки попали бразды правления. Он приступил к делу с энергией и беспощадностью, возбудившей против него настоящее возмущение. Посыпались протесты и жалобы правительству, но последнее хорошо знало и положение в провинции, и характер своего представителя, а потому оказывало ему поддержку. Другой, вероятно, испугался бы чрезвычайной непопулярности, вызванной крутыми мерами, или отступил перед неприятностями и затруднениями, но Равен остался на своем посту. Это был человек, скорее искавший в жизни борьбы, чем избегавший ее, а его деспотическая натура именно здесь нашла возможность развернуться. Он не задумывался над тем, что его постановления далеко не всегда были законны, и на все упреки в произволе и насилии отвечал непоколебимым «будет так!». Таким образом, он действительно умирил недовольные правительством элементы. Город и провинция убедились, что не могут бороться с человеком, ставящим свою власть выше их прав, для открытого же восстания еще не пришло время. Поэтому все поневоле покорились, и губернатор, отлично исполнивший свою задачу, был осыпан милостями.

С тех пор прошло много лет. К деспотичному управлению барона мало-помалу привыкли, и он даже снискал себе уважение своих политических врагов. Он провел ряд экономических реформ, которых не могли не одобрить даже его противники. В экономической сфере Равен был настоящим благодетелем вверенной ему провинции, неутомимым тружеником там, где дело шло о проведении в жизнь общепользных мероприятий! Он принимал горячее участие в развитии промышленности, земледелия, повышении благосостояния населения, и тем самым привлекал к себе многих, видевших в нем усердного защитника их интересов, так что число его приверженцев вскоре стало столь же велико, как и число врагов. Управление Равена было образцом порядка, неподкупности и строгой дисциплины, и его нововведения, сделанные с практической проницательностью, процветали повсюду.

Большое содержание и значительные личные средства позволяли губернатору жить на широкую ногу. Его покойный тесть был очень богатым человеком, и все его состояние перешло к двум дочерям – баронессе Равен и баронессе Гардер.

Брак барона был заключен по расчету, однако Равен никогда не забывал, что обязан этому браку блестящей карьерой, и его супруга ни разу не могла пожаловаться на недостаток внимания и уважения с его стороны. Баронесса была ограниченной женщиной и едва ли вообще могла внушить к себе любовь. Муж охотно исполнял все ее требования относительно светской жизни и роскошных туалетов, и таким образом между супругами никогда не намечалось разлада. Их бездетное супружество через семь лет закончилось смертью баронессы. Равен, к которому, согласно завещанию, перешло все состояние жены, не пожелал вступить в брак во второй раз. Этот гордец, с головой, вечно занятой честолюбивыми планами, был недоступен любви и семейным радостям и, вероятно, не женился бы и в первый раз, если бы женитьба не являлась ступенькой для его возвышения.

На следующее утро после приезда баронесса Гардер сидела с зятем в своей маленькой гостиной. Баронесса, несмотря на еще сохранившиеся следы былой красоты, уже совершенно увяла, и яркий дневной свет безжалостно обнаруживал правду сидевшему против нее барону.

– Не могу избавить нас, Матильда, от этого разговора, произнес барон, – хотя и отлично понимаю, как он мучительно тягостен для вас. Согласно вашему желанию, я занялся приведением в порядок дел барона. То был хаос, с которым я едва справился с помощью нашего адвоката. Теперь наконец все приведено в ясность. О результате я уже сообщал вам в Швейцарию.

Баронесса, прижав платок к глазам, взволнованно прошептала:

– Грустный результат!

– Но не неожиданный. К сожалению, нельзя было спасти даже ничтожную часть состояния. Я посоветовал вам на некоторое время уехать за границу, так как для вас было бы слишком унижительно присутствовать при продаже вашего особняка и всего имущества в столице.

Каше отсутствие давало возможность истолковать все это скорее добровольным решением, чем необходимостью, и я позаботился о том, чтобы никто в свете не узнал истинного положения дел. Во всяком случае, честь имени, которое носите вы и Габриэль, сохранена, и ни один из кредиторов не прибьет его к позорному столбу.

– Я знаю, какое вы проявили самопожертвование, – сказала баронесса. – Мой поверенный писал мне обо всем... Благодарю вас!

В искреннем порыве она протянула ему руку, но барон отклонил ее таким ледяным движением, что теплое чувство разом остыло.

– Я сделал только то, к чему меня обязывало уважение к памяти моего тестя; его дочь и внучка при любых обстоятельствах могут рассчитывать на мою защиту, и я во что бы то ни стало должен сохранить чистоту вашего имени. Только ради этого я принес свою жертву. Здесь ни при чем нежные чувства, да они и не имели оснований, потому что покойный барон и я отнюдь не были друзьями.

– Я всегда сожалела об этом, – стала уверять баронесса. – В последние годы своей жизни мой муж тщетно искал сближения – вы были недоступны. Он не мог дать большего доказательства своего уважения и глубокого доверия к вам, как передав в ваши руки самое дорогое для него на свете. На своем смертном одре он назначил вас опекуном Габриэли.

– Иными словами, после того как был разорен, он предоставил заботы о жене и ребенке мне, которому при жизни вредил при всяком удобном случае. Я прекрасно сознаю, как высоко должен ценить это доказательство его доверия!

– Арно, вы не знаете, как жестоки ваши слова! Неужели вы не пощадите чувств удрученной горем вдовы?

Вместо ответа взгляд барона скользнул по элегантному серому шелковому платью баронессы. Ровно в годовщину своего вдовства она сняла траур, так как знала, что черный цвет не идет ей. Нескрываемая насмешка во взгляде зятя вызвала на лице баронессы легкий румянец не то досады, не то смущения.

– Лишь теперь я начинаю оправляться от страшной катастрофы, – продолжала она. – Если бы вы знали, какие заботы и унижения предшествовали ей, какие потери обрушивались на нас со всех сторон! Это было ужасно!

Саркастическая усмешка появилась на губах барона. Он отлично знал, что все потери барона совершались за игорным столом, а все заботы его супруги состояли в том, чтобы затмить всех дам столицы. После смерти министра баронесса получила такое же состояние, как и ее сестра, и промотала его до последнего гроша, в то время как часть наследства, перешедшая к баронессе Равен, оставалась до сих пор нетронутой в руках ее супруга.

– Довольно! – оборвал речи баронессы Равен. – Оставим этот неутешительный предмет. Я предложил вам свой дом и очень рад, что вы приняли мое приглашение. После смерти моей жены я принужден был прибегать к помощи чужих женщин, которые, правда, умели вести хозяйство, но не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к представительнице дома. Вы умеете и любите представлять, Матильда, а я именно в этом нуждаюсь. Следовательно, наши интересы согласуются, и, я надеюсь, мы будем довольны друг другом.

– Постараюсь удовлетворить вашим желаниям, – ответила баронесса Гардер, следуя примеру своего зятя, который поднялся с места и направился к окну.

Равен обратился к ней еще с несколькими безразличными вопросами относительно того, довольна ли она обстановкой и прислугой, но едва ли слышал поток слов баронессы, уверявшей, что она от всего в восторге: его внимание привлекло нечто совершенно другое.

Под самым окном перед квартирой смотрителя дома, был разбит садик, и там прогуливалась Габриэль, вернее бегала взапуски с детьми смотрителя.

Молодая девушка вышла на утреннюю прогулку, чтобы ознакомиться с окружающим. Так по крайней мере она объяснила матери. Но ее интересовала собственно лишь известная

часть этого окружающего. Она знала, что Георг Винтерфельд ежедневно бывает в губернском правлении, значит, нужно было искать возможность почаще встречаться с ним, а это, по мнению Георга, было чрезвычайно трудно. Габриэль не разделяла такого взгляда, и ее рекогносцировка пока ограничивалась тем, чтобы разузнать, где именно помещалась канцелярия барона, в которой работал молодой человек. Тут на ее пути попались семилетний мальчик, сын смотрителя, и его сестрица, и она тотчас же завязала с ними знакомство. Веселые ребятишки доверчиво откликнулись на приветливость молодой девушки, и новое знакомство тотчас же отодвинуло на задний план всякую мысль о разведке и о том, ради кого она была предпринята. Габриэль дала детям увлечь себя в садик, любовалась вместе с ними кустарником и цветочными клумбами и совсем подружилась с детьми. Уже через четверть часа началась шумная игра, в которой Габриэль принимала оживленное участие. Она прыгала вместе с ребятишками через клумбы и на все лады поддразнивала их. Как ни неприлично это было для семнадцатилетней девушки, да притом еще племянницы губернатора, но для беспристрастного наблюдателя сцена была прелестна. Все движения молодой девушки были проникнуты бессознательной, естественной грацией. Стройная фигура в белом утреннем платье мелькала, как солнечный луч, среди темной листвы деревьев. Тяжелая коса распустилась во время веселой возни, и густые белокурые волосы рассыпались по плечам Габриэли, между тем как ее веселый смех и восторженные крики детей доносились до самых окон замка.

Баронесса ужаснулась этой распушенности, тем более что заметила, каким пристальным взором наблюдал сцену за окном ее зять. Какого мнения мог быть гордый, придерживающийся всех правил этикета барон о воспитании молодой девушки, допускавшей на его глазах такие вольности! Поэтому она постаралась сгладить дурное впечатление.

– Габриэль по временам бывает настоящим ребенком, – пожаловалась она. – Никак нельзя втолковать ей, что подобное ребячество совершенно неуместно в ее возрасте. Меня почти пугает появление Габриэли в свете, которое вследствие смерти ее отца отсрочено еще на год. Она в состоянии перенести и в салонную жизнь подобную распушенность.

– Предоставьте девочке ее непринужденность! – сказал барон, не отрывая взора от оживленной группы. – Она еще успеет научиться быть светской дамой. Теперь, право, жаль делать это, так как она – воплощенный солнечный луч.

Баронесса насторожилась. Она впервые слышала теплый тон в словах своего зятя, и впервые в его взоре не было ледяной холодности. Очевидно, ему понравилась резвость Габриэли, и практичная женщина решила немедленно воспользоваться этим, чтобы выяснить один пункт, тяготивший ее.

– Мое бедное дитя! – вздохнула она с деланным умилением. – Она беззаботно живет и не подозревает, какое серьезное, может быть, печальное будущее готовит ей судьба. Бедная девушка, это горький жребий, вдвое более горький для той, кто, подобно Габриэли, воспитан с надеждами и высокими требованиями к жизни. Она вскоре почувствует это.

Маневр удался. Обычно неприступный, Равен, по-видимому, был в мягком настроении. Он быстро обернулся и решительно сказал:

– Зачем вы, Матильда, говорите о печальном будущем? Ведь вам известно, что я бездетен и у меня нет собственных родственников. Габриэль – моя наследница, и потому, разумеется, не может быть и речи о бедности.

Торжество сверкнуло в глазах баронессы.

– Вы ни разу не говорили мне об этом, – заметила она, с трудом скрывая радость, – и само собой понятно, что я не смела коснуться данного вопроса. Эта мысль была так далека от меня...

– Неужели и в самом деле возможность моей смерти и мое завещание никогда не входили в круг ваших размышлений? – прервал ее барон.

– Но как вы можете так думать? – с глубоко оскорбленным видом воскликнула баронесса.

Равен не обратил внимания на ее возмущенный возглас.

– Надеюсь, вы не говорили об этом с Габриэлью, – произнес он (не зная, что это происходило почти ежедневно). – Я не хочу, чтобы она уже теперь считала себя богатой наследницей, и тем не менее желаю, чтобы семнадцатилетняя девушка принимала в расчет мое состояние и мое завещание, хотя это... вполне естественно для других.

– Вы всегда неправильно понимаете меня! – вздохнула баронесса. – Вам кажется подозрительным даже трепет матери за будущее своего единственного ребенка.

– Нисколько! Вы ведь слышали, что я считаю вполне естественным этот «трепет» и потому повторяю вам свои слова. Так как свое состояние я получил от тестя, то пусть оно в будущем перейдет к его внучке. Габриэль, вероятно, выйдет замуж еще при моей жизни, и тогда я позабочусь о ее приданом. После моей смерти, как я уже сказал, она будет моей единственной наследницей.

Баронесса или не чувствовала, или игнорировала то едва прикрытое внешней вежливостью презрение, с каким обращался к ней барон и которое не ускользнуло при первой же встрече от чуткой Габриэли. Баронесса сознавала, что питает к своему зятю так же мало симпатии, как и он к ней, и подчинялась лишь необходимости с любезной миной выслушивать его резкости. Однако перспектива стоять во главе такого блестящего дома, как дом губернатора, в качестве его родственницы играть первую роль в Р. и иметь доступ в его высшие слои примирала ее с этой необходимостью.

Через несколько минут, проходя через переднюю, Равен остановился у окна, выходявшего в садик смотрителя и, мельком взглянув вниз, проговорил про себя:

– И этому ребенку суждено было иметь таких родителей и получить такое воспитание! Пройдет немного времени, и Габриэль станет такой же кокеткой, как и ее мать, не знающая и не желающая знать ничего, кроме туалетов, интриг и салонных сплетен.

Канцелярия, куда направился теперь губернатор, располагалась в нижнем этаже замка. Хотя он и предпочитал работать в своем частном кабинете, но очень часто посещал канцелярию и другие отделения губернского правления. Его чиновники никогда не были гарантированы от неожиданного появления своего начальника, от внимательного взора которого не ускользало ни малейшее упущение.

Присутствие уже давно началось, и чиновники были на своих местах, когда барон вошел в канцелярию и с легким поклоном стал обходить ее отделения. Его обращение с подчиненными было сдержанно-вежливым, но тем не менее чиновники очень боялись его недовольства.

Когда барон вошел в последнюю комнату, навстречу ему из-за конторки поднялся пожилой чиновник, работавший один в этой комнате, высокий худощавый человек, с важным выражением на морщинистом лице и напыщенным видом. Его седые волосы были тщательно расчесаны, на черном сюртуке не виднелось ни морщинки, ни пылинки, а высокий белый галстук необычных размеров придавал ему чрезвычайно торжественный вид.

– Здравствуйте, господин советник, – любезно сказал барон, жестом приглашая чиновника последовать за ним в соседний кабинет. – Я рад, что вы возвратились, в течение этих нескольких дней я сильно чувствовал ваше отсутствие.

Советник Мозер, директор губернской канцелярии, с видимым удовольствием выслушал признание его необходимости.

– Я очень спешил, ваше превосходительство, – отозвался он, – вам ведь известно, что я просил об отпуске для того, чтобы привезти свою дочь из монастыря. Я уже имел честь представить ее вашему превосходительству, когда мы встретились вчера в галерее.

– Мне кажется, вы слишком долго держали молодую девушку под духовным надзором. Она уже теперь производит впечатление монахини. Боюсь, что монастырское воспитание окончательно погубило ее.

Мозер с выражением ужаса уставился на своего начальника.

– Что вы хотите этим сказать, ваше превосходительство? – проговорил он.

– Я хочу сказать, что она погибла для света, – поправился барон.

– Ах, так! Да, разумеется, вы правы, ваше превосходительство. Но мысли моей Агнесы всегда были далеки от мирского, а вскоре она и совершенно покинет свет – она решила постричься.

Барон взял в руки несколько бумаг и мельком пробежал их взглядом, в то же время продолжая разговор с чиновником, который пользовался его исключительным доверием.

– Ну, это не удивительно! – говорил он. – Когда девушку с четырнадцати до семнадцати лет держат в монастыре, то следует ожидать подобного решения. А вы согласны на это?

– Мне будет тяжело навсегда лишиться своего единственного ребенка, – торжественно сказал Мозер, – но я далек от того, чтобы воспрепятствовать такому святому намерению. Я дал свое согласие. Моя дочь еще несколько месяцев проживет в моем доме и в свете, а затем поступит послушницей в тот самый монастырь, где до сих пор была пансионеркой. Мать-настоятельница желает избежать и намека на принуждение.

– Мать-настоятельница, должно быть, уверена в своей питомице, – заметил барон с иронией. – Впрочем, если молодая девушка сама желает этого, то незачем убеждать ее в противном. Мне жаль только вас. На старости лет вы надеялись найти поддержку в своей дочери и теперь принуждены уступить ее монастырю.

– Господу Богу! – благочестиво подняв взор к потолку, воскликнул старик, – и перед этим права отца должны отступить на задний план.

– Конечно! А теперь за дела! Есть что-нибудь важное?

– Рапорт полицмейстера...

– Знаю, – перебил барон, – в городе подняли страшный шум из-за новых обязательных постановлений. Ничего, успокоятся! Что там еще?

– Обстоятельный доклад в министерство, о котором мы уже говорили. Кому прикажете составить его, ваше превосходительство?

Равен с минуту подумал и сказал:

– Ассессору Винтерфельду. Я хочу дать ему возможность отличиться или по крайней мере выдвинуться. Несмотря на свою молодость, он – один из способнейших чиновников.

– Но неблагонадежен, ваше превосходительство! Он крайне либеральных взглядов и примыкает к оппозиции, которая теперь...

– Все молодые чиновники таковы, – прервал его барон. – Все они хотят быть реформаторами и считают своим долгом повсюду быть в оппозиции, но с производством в более высокие чины это проходит. С получением чина советника либерализму наступает конец, и ассессор Винтерфельд, конечно, не составит исключения.

– Что касается его личных способностей, – продолжил Мозер, – то я совершенно разделяю ваше лестное мнение о нем, ваше превосходительство, но до моего слуха дошли такие сведения об ассессоре, которые свидетельствуют о его чрезвычайной неблагонадежности. К сожалению, достоверно известно, что во время своего последнего отпуска он, будучи в Швейцарии, близко сошелся с демагогами и революционерами.

– Никогда не поверю, – решительно возразил барон. – Винтерфельд не из тех, кто бесцельно и бесполезно ставит на карту свою будущность. Да и вообще он достаточно уравновешен, чтобы ему могли быть опасны подобные искушения. Вероятно, тут что-то не так. Я сам займусь этим вопросом. Что же касается доклада, то я остаюсь при своем прежнем решении. Прошу позвать ко мне ассессора.

Мозер вышел, и через несколько минут вошел Георг Винтерфельд. Он знал, что поручаемый ему доклад был для него отличием перед его сослуживцами, но это явное предпочтение не радовало его. Со спокойным вниманием он выслушал указания своего начальника, в совершенстве уяснил себе его краткие деловые указания, схватив на лету отдельные намеки, кото-

рые тот счел необходимым сделать при этом. Несколько метких замечаний молодого человека доказывали, что он вполне достоин возложенной на него задачи.

Равен, которому слишком часто приходилось сталкиваться с тупоумием и неспособностью своих чиновников, не мог не почувствовать, какое удовольствие – быть понятым с первого слова.

Через несколько минут с докладом было покончено, и Георг, собрав бумаги с пометками своего начальника, ожидал разрешения удалиться.

– Вот еще что, – сказал барон тем же спокойным, деловым тоном, которым говорил до сих пор. – Последний свой отпуск вы провели в Швейцарии?

– Точно так, ваше превосходительство.

– Говорят, вы завязали там некоторые знакомства, несовместимые с вашим положением чиновника.

Барон устремил на молодого чиновника свой проницательный взгляд, которого так боялись все его подчиненные, но тот нисколько не растерялся и спокойно ответил:

– Я посетил в Цюрихе своего университетского товарища и по его настоятельному, любезному приглашению остановился в доме его отца, который действительно политический эмигрант.

Равен нахмурился.

– Это неосторожность, которой я никак не ожидал от вас. Вы должны были понимать, что подобное посещение будет неизбежно замечено и покажется подозрительным.

– Это было дружеское посещение, не более того. Могу дать слово, что в нем не играли роли никакие политические мотивы. Простое знакомство, и только.

– Все равно следовало считаться со своим положением. Дружба с сыном политически скомпрометированного человека еще допустима, хотя и она может повредить вашей карьере; но отношений с его отцом и продолжительного пребывания в его доме необходимо во что бы то ни стало избегать... Как имя этого человека?

– Доктор Рудольф Бруннов!

Это имя твердо и ясно прозвучало в устах Георга, в свою очередь не спускавшего теперь пристального взгляда с лица начальника. Он видел, как тот слегка вздрогнул, заметно побледнел и крепко сжал губы, но это продолжалось всего секунду. К барону быстро вернулось само обладание, и он медленно повторил:

– Рудольф Бруннов... так?

– Разве вашему превосходительству известно это имя? – дерзнул спросить Георг и тотчас раскаялся в своей опрометчивости.

Их взгляды встретились, и взор барона буквально пронзил молодого человека, как будто проникая в сокровенные тайны его души. Этот взор выражал мрачную угрозу, предостерегая от малейшего шага в этом же направлении.

Георгу показалось, что он стоит на краю пропасти.

– Вы находитесь в тесной дружбе с сыном доктора Бруннова? – спросил барон. – А следовательно, и с его отцом?

– Я только что познакомился с доктором и, несмотря на некоторую его резкость и озлобленность, нахожу его человеком, достойным уважения; он вызывает у меня симпатию.

– Лучше будет, если вы умерите свою откровенность, – ледяным тоном перебил его Равен. – Вы – чиновник государства, раз навсегда отрекшегося от подобных личностей и беспощадно осудившего их. Вы не должны поддерживать близких отношений с тем, кто открыто называет себя врагом государства. Ваше положение обязывает вас избегать подобной дружбы. Примите это к сведению, господин ассессор.

Георг молчал; он понял угрозу, скрывавшуюся под маской ледяного спокойствия. Она относилась не к чиновнику, а к свидетелю того прошлого, которое барон Равен, вероятно, считал давно погребенным и позабытым и которое теперь так неожиданно встало перед его взором.

Однако это лишь на мгновение поколебало хладнокровие барона, и когда он поднялся и движением руки отпустил молодого человека, вся его фигура выражала прежнюю неприступную гордость.

– Теперь вы предупреждены; случившееся пусть считается опрометчивостью, но будущее лежит на вашей ответственности.

Георг молча поклонился и вышел из кабинета начальника. Он понял, как прав был Брунов, предостерегая его от демонической власти своего бывшего друга. Молодой человек считал себя вправе после тяжких разоблачений доктора презирать предателя друзей и убеждений, но с тех пор как вступил в зачарованный круг влияния могучей личности Равена, чувствовал, что ему это не удастся. Презрение не выдерживало взгляда, повелительно требовавшего повиновения и почтения; оно, казалось, отскакивало от человека, так высоко и гордо несшего свою повинную голову, как будто он не признавал над собой никакого судьи. Как ни мало импонировало Георгу высокое положение его начальника, тем не менее он не мог не преклоняться перед его умственным превосходством. Притом он понимал, что ему предстоит ожесточенная борьба с бароном, от которого зависела будущность Габриэли, равно как и счастье всей его жизни.

Ведь нельзя было рассчитывать на продолжительное сохранение тайны... А что тогда? Пред мысленным взором молодого человека всплывал образ любимой девушки, которая со вчерашнего дня жила под этой самой крышей, но которую он не имел возможности даже видеть. А рядом с ней – железное, неумолимое лицо Равена... Только теперь Георг полностью осознал, как тяжела будет борьба, в которой он должен завоевать свое счастье.

Глава IV

Прошло несколько недель. Баронесса Гардер и ее дочь сделали необходимые визиты, чтобы завязать знакомства, и приняли ответственные визиты дам. Баронесса с удовольствием заметила уважение и внимание, оказываемые им, как родственникам губернатора. С еще большим удовольствием она заметила, что ее зять и в самом деле не требовал от нее ничего, кроме почетного представительства в качестве хозяйки дома. Вначале она побаивалась, что ей навяжут обременительные хозяйственные обязанности, но этого не случилось. Все заботы и ответственность по строго заведенному порядку по-прежнему лежали на старом дворецком, уже много лет исполнявшем свою должность.

Поэтому перед лицом общества баронесса была хозяйкой дома, но в действительности – лишь гостьей в нем. Другая на ее месте чувствовала бы себя униженной, но властолюбие было также чуждо баронессе, как и понятие об обязанностях. Она была слишком поверхностной для того и другого. Ее положение оказалось много приятнее всего того, чего можно было ожидать после катастрофы, последовавшей по смерти ее мужа. Она со своей дочерью жила в блестящей обстановке, Равен назначил ей довольно крупную ежемесячную сумму на ее личные расходы, и Габриэль была признана им единственной наследницей – все это искупало некоторую зависимость, неизбежную при совместной жизни с бароном.

Габриэль тоже быстро освоилась с новой обстановкой. Аристократически торжественный строй жизни барона, аккуратность и строгость, царившие во всем, безупречная почтительность прислуги, всегда бывшей начеку, – все это импонировало молодой девушке, но вместе с тем и удивляло ее. Этот дом был полной противоположностью тому, к чему она привыкла у своих родителей в столице, где рядом с пышным блеском царил и величайший беспорядок, где слуги были распушены и невежливы, а семейная жизнь разрушалась в погоне за удовольствиями.

Когда накопилась куча долгов и дела запутались, между отцом и матерью Габриэли начались безобразнейшие сцены, во время которых они упрекали друг друга в разорении. Девочка-подросток слишком часто бывала свидетельницей подобных сцен.

Избалованная и предоставленная самой себе, Габриэль была лишена каких бы то ни было серьезных жизненных воззрений, так как ее родители нисколько не заботились о ее воспитании. Даже события последнего года – смерть отца и наступивший после того денежный крах – прошли почти бесследно для молодой девушки, в своем беспечном легкомыслии ничего не принимавшей близко к сердцу. Однако Габриэль обладала достаточно критическим взглядом, чтобы видеть, что дом «высочки» имел более аристократический стиль, чем дом ее родителей, и часто сердила мать своими замечаниями относительно этого.

Однажды баронесса сидела в своей гостиной и перелистывала модный журнал. В доме губернатора предстоял бал; нужно было решить важный вопрос о туалетах, и мать с дочерью с большим увлечением предавались этому занятию.

– Мама, – сказала Габриэль, – дядя Арно вчера назвал свои большие приемы тягостной обязанностью, возлагаемой на него его положением. Он не находит в них никакого удовольствия.

– Ну, он не находит ни в чем удовольствия за исключением работы, – пожала плечами баронесса. – Я еще не встречала человека, который так мало заботился бы о своем покое и отдыхе, как мой зять.

– Покое? – повторила Габриэль. – Он вообще не понимает, что такое покой! С самого раннего утра он уже сидит за своим письменным столом, и свет в его кабинете виден далеко за полночь. Он то в канцелярии, то в какой-нибудь комиссии; затем он отправляется осматривать и инспектировать разные учреждения; затем следует прием всевозможных лиц, заслушивание докладов. Право, мне кажется, он один работает столько же, сколько все его чиновники вместе.

– Да, у него всегда была неутомимая натура. Сестра говорила, что одна мысль о беспокойной деятельности супруга расстраивает ей нервы.

Габриэль задумалась, опустив голову на руку.

– Мама, замужество твоей сестры, наверное, было очень скучным? – наконец спросила она.

– Скучным? Почему так решила?

– Ну, я думаю так после всего, что слышала в замке. Тетя жила в правом флигеле, а дядя – в левом; часто он по целым неделям не заглядывал в ее комнаты, а она – никогда в его; мне кажется, они ни разу не обедали вместе. У каждого были отдельные экипажи и прислуга; каждый устроил жизнь по-своему и не справлялся о ней у другого. Очень странная жизнь.

– Ты ошибаешься, – возразила баронесса, для которой в подобного рода жизни не было ничего странного. – Это был счастливый брак во всех отношениях. Сестра никогда не испытывала огорчений и не знала сцен, которые в последние годы так часто приходилось переживать мне.

– Да, вы постоянно ссорились с папой, – наивно заметила Габриэль. – Дядя Арно, вероятно, никогда не делал этого, но зато и не заботился о своей жене, между тем как ему есть дело до всего, даже до моего прежнего воспитания. С его стороны было очень неучтиво сказать в твоём присутствии, как он это недавно сделал, что он находит мое образование слишком недостаточным и запущенным и что с первого взгляда видно, что я была предоставлена исключительно боннам и гувернанткам.

– К сожалению, я уже привыкла к такой бесцеремонности с его стороны, – со вздохом заметила баронесса. – Но переносу ее исключительно ради твоей будущности, мое дитя.

Но дочь, по-видимому, была не очень тронута материнской заботой.

– Он стал экзаменовывать меня, как маленькую школьницу, – продолжала она ворчать. – Своими перекрестными вопросами он загнал меня в такой тупик, что я не могла выбраться оттуда, и затем, пожав плечами, постановил, что мне нужно учиться и учиться. Он хочет пригласить для меня учителей из города, но я напрямик заявлю ему, что считаю это совершенно излишним.

– Ради Бога, не делай этого! Ты и так постоянно противоречишь своему опекуну, и я довольно часто испытываю смертельный страх, что твое своеволие и упрямство в конце концов рассердят его. Правда, до сих пор он с непонятным терпением относится к твоим выходкам, хотя обыкновенно не выносит ни малейшего противоречия.

– А мне очень хотелось бы, чтобы он когда-нибудь рассердился, – задорным тоном воскликнула Габриэль. – Я терпеть не могу, когда он со снисходительной улыбкой смотрит на меня с высоты своего величия, как будто я – слишком ничтожное дитя, чтобы рассердить его, и всегда лишь улыбается, когда я стараюсь сделать это. А когда он оказывает величайший знак своей милости, целуя меня в лоб, мне просто хочется сбежать от него. Как только я приближаюсь к дяде Арно, у меня такое чувство, что мне нужно всеми силами защищаться от всего, что исходит от него. Право, не знаю, что именно, но что-то тяготит и мучит меня. Я не могу обращаться с ним, как с прочими людьми, да... и не хочу этого.

В последних словах молодой девушки звучала твердая решимость; она взяла со стола шляпу и светлый зонтик и направилась к двери.

– Куда ты? – спросила баронесса.

– В сад... на полчаса, в комнатах слишком жарко. Баронесса стала отговаривать ее, убеждая прежде покончить с вопросом о туалетах, но Габриэль, по-видимому, потеряла всякий интерес к ним и не обратила ни малейшего внимания на доводы матери. Через минуту ее уже не было в комнате.

Сад находился позади замка, стены которого ограничивали его лишь с одной стороны, с другой он простирался до самого края замковой горы, оканчивавшейся крутым обрывом,

высокая стена обрушилась, а остатки ее, обвитые густым плющом, не мешали свободно смотреть вдаль. Вид на долину отсюда был замечательно красив. Сад, тенистый и мрачный, почти не пропускал солнечных лучей, но обладал своеобразной прелестью: его осеняли великолепные вековые липы, ветви которых сплетались в непроницаемый густой шатер. Могучие деревья как будто оберегали молодую поросль, поднявшуюся на месте прежних валов и укреплений и украшавшую своей свежей зеленью замковую гору. На зеленой лужайке посередине сада журчал старинный во вкусе восемнадцатого века фонтан. Темный влажный мох покрывал головы и руки каменных ундин,² поддерживающих раковину, из которой водяная струя, рассыпаясь тысячами брызг, падала в обширный бассейн.

«Ключ ундин», как называли фонтан, был так же стар, как и замок, и пользовался своеобразной славой в окрестности. С ним была связана легенда о его целительной силе, и никакой прогресс, никакое просвещение, ни даже то обстоятельство, что старый замок давно превратился в простое казенное здание, не могли уничтожить народное суеверие. В известные дни года из фонтана черпали «целительную» воду, которую употребляли как лекарство против всех болезней, к неудовольствию губернатора, протестовавшего против такого беспорядка. Он запретил вход в сад посторонним, но эта мера оказалась как раз обратное действие: стали подкупать подарками слуг и делали тайно то, чего не могли делать открыто, а вода из ключа стала с тех пор во мнении народа не только целебной, но и святой.

Габриэль уже слышала об этом от барона, высказывавшего неудовольствие по этому поводу, и возможно, что именно чувство противоречия заставило ее избрать «Ключ ундин» любимым местом для прогулок. Вот и сегодня она пришла сюда и села на стоявшую у фонтана скамейку, но ни ундины, ни чудесный вид не могли приковать к себе внимание девушки.

Габриэль была в скверном расположении духа и имела к тому все основания. Она никак не могла примириться со строгим режимом в доме Равена, тем более, что он делал невозможными частые свидания с Георгом Винтерфельдом, на которые она рассчитывала. Они были теперь совершенно разлучены. Не считая случайных встреч при свидетелях, им приходилось ограничиваться мимолетными взглядами издали и приветствиями, которые Георг укрادкой посылал к ее окнам. Он, конечно, искал свидания с девушкой и даже сделал визит баронессе, на что, как знакомый, имел право. Баронесса не возражала против визитов любезного молодого человека, но Равен дал понять свояченице, что не желает короткого знакомства между ними и молодым чиновником, который не должен был претендовать на такое отличие. Поэтому Георга приняли любезно, но не пригласили повторить визит.

Впрочем, Габриэль скорее нетерпеливо, чем болезненно, переносила все стеснения. После того как барон решительно определил ей роль ребенка, девушке сильно не доставало нежного и страстного ухода Винтерфельда, на которое прежде она смотрела, как на нечто само собой разумеющееся. Георг не находил ее образования «недостаточным и запущенным», он не экзаменовал ее и не навязывал необходимости учиться, как опекун. Для Георга она была любимым, обожаемым идеалом, он был счастлив уже от одного приветствия, которое она бросала ему издали. Но все-таки Габриэль сердилась на него. Почему он не пытался энергичным натиском сломать преграду, разделявшую их? Почему держался на таком почтительном отдалении? Почему не писал ей? Габриэль была слишком неопытна, чтобы оценить нежную заботливость, с которой Георг избегал всего, что могло бросить на нее хоть малейшую тень, и не понимала, что он предпочитал скорее переносить разлуку и быть вдали от своей любимой, чем предпринять что-либо, что могло скомпрометировать ее.

– Что, Габриэль, ты стараешься разгадать тайну «Ключа ундин»? – вдруг раздался голос позади нее.

² Ундины – водяные духи в образе женщины.

Девушка быстро обернулась – перед ней стоял барон Равен. Вообще он редко заходил в сад – у него не было ни времени, ни желания для уединенных прогулок. И сегодня его привело сюда, вероятно, что-нибудь особенное, так как, подойдя к фонтану, он начал внимательно осматривать его.

– Ну, дядя Арно, с этими тайнами ты, должно быть, лучше меня знаком, – смеясь, ответила Габриэль. – Я ведь здесь еще чужая, а ты уже давно живешь в замке.

– По-твоему, у меня есть время заниматься детскими сказками?

Презрительный тон, которым были произнесены эти слова, рассердил молодую девушку.

– Неужели ты никогда не любил детских сказок? – спросила она. – Даже когда был мальчиком?

– Даже и тогда. У меня и в то время было о чем подумать. Однако, несмотря на это, я шел сегодня именно к «Ключу ундин». Я приказал сломать его и засыпать источник, но прежде счел нужным убедиться, не пострадает ли от этого сад.

Габриэль испуганно вскочила и возмущенно воскликнула:

– Уничтожить фонтан? Зачем?

– Да в конце концов мне надоел беспорядок, связанный с ним. Никак не искоренить смешного суеверия: несмотря на мое строгое запрещение, все продолжают тайно черпать воду из фонтана и тем самым дают новую пищу людской глупости. Пора покончить с ней, а это возможно лишь путем уничтожения предмета суеверия. Жаль только, что приходится принести в жертву старую достопримечательность замка.

– Но тогда сад лишится самого лучшего своего украшения! Именно шум уединенного фонтана придает ему особенную прелесть. Неужели светлую серебристую воду навсегда загонят в мрачную землю? Это ужасно, дядя Арно! Я не перенесу этого.

– Ты не перенесешь? – спросил Равен, пристально глядя на девушку. Однако это не был тот грозный, повелительный взгляд, которым он умел пресечь всякое противоречие. По лицу барона даже скользнула улыбка. – В таком случае, конечно, не остается ничего другого, как взять назад свое приказание; правда, это было бы со мною впервые... Неужели, дитя мое, ты можешь подумать, что я пожертвую своим решением ради твоих романтических бредней?

Он опять снисходительно улыбнулся, что всегда приводило Габриэль в совершенное отчаяние. Выражение «дитя», естественно, не исправило дела. Глубоко оскорбленная в своем семнадцатилетнем достоинстве, она предпочла вовсе не отвечать и удовольствовалась возмущенным взглядом на опекуна.

– У тебя такой вид, как будто уничтожение фонтана – личное оскорбление для тебя, – сказал барон. – Мне кажется, ты все еще питаешь уважение к рассказам нянюшек и боишься призранных ундин.

– Я хотела бы, чтобы ундины отомстили за эту насмешку и за угрозу уничтожить их! – воскликнула Габриэль довольно раздраженным тоном. – Меня, понятно, не коснулась бы их месть.

– Кого же, по-твоему? Меня? Успокойся, мое дитя, их месть может грозить лишь поэтическим натурам! По отношению ко мне все очарование ундин было бы бесполезно.

Они стояли возле самого фонтана. Вода журчала, с однообразным звуком падая из раковины в бассейн.

Вдруг дуновение ветра отклонило струю, и тысячи сверкающих брызг обдали душем барона и Габриэль. Девушка с легким криком отскочила, барон спокойно остался стоять на месте.

– Нам попало обоим, – сказал он. – Твои ундины, по-видимому, очень неразборчивы. Они адресуют свои влажные объятия как врагу, так и другу.

Габриэль подбежала к скамейке и стала носовым платком смахивать водяные капли с платья. Насмешка барона чрезвычайно рассердила ее, тем более что она не нашла, что на

нее ответить. Всякому другому она в свою очередь ответила бы насмешкой, но здесь не могла. Шутки барона всегда скрывали в себе сарказм, в его улыбке не было и следа веселости, и только злая ирония на мгновение прогоняла с его лица обычное серьезное выражение.

Барон быстрым движением стряхнул с сюртука водяные капли и тоже подошел к скамейке, на которой сидела девушка.

– Мне очень жаль, – продолжал он, – что приходится лишиться тебя твоего излюбленного места, но приговор над фонтаном уже произнесен. Тебе придется примириться с этим.

Габриэль бросила взгляд на фонтан, мечтательное журчание которого с первых же дней очаровало ее какой-то таинственной прелестью, и почти со слезами сказала:

– Да, я знаю, ты никогда не спрашиваешь о том, не причиняют ли твои приказания кому-нибудь горе, и потому просить тебя совершенно бесполезно.

– В самом деле? Ты уже знаешь это? – иронически спросил Равен.

– Да. Поэтому никто и не просит тебя ни о чем. Все боятся тебя... все, все – и слуги, и чиновники, и даже мама, и только я...

– А ты не боишься меня?

– Нет!

Слово прозвучало очень твердо и решительно в устах девушки. Она снова была в воинственном настроении и твердо решила рассердить опекуна; однако напрасно – он оставался совершенно спокойным.

– Счастье, что твоей матери нет здесь, – заметил он. – Она испытала бы смертельный страх за дерзкую девочку, которая не считает нужным покориться, что она сама делает с большим самоотречением. Тебе следовало бы взять с нее пример.

– Да, мама – сама покорность по отношению к тебе, – воскликнула Габриэль, все более и более волнуясь, – и требует того же от меня. Но я не хочу лицемерить, а любить тебя я не могу, дядя Арно, потому что ты не добр по отношению к нам и никогда не был добрым. Первый же твой прием был так унизителен, что я готова была тотчас же уехать от тебя, и с тех пор ежедневно, ежечасно, ежеминутно ты стараешься дать нам почувствовать, что мы зависим от тебя. Ты обращаешься к маме с таким пренебрежением, что очень часто заставляешь краснеть меня. С тем же пренебрежением ты говоришь и о моем отце, который уже в могиле и не может защищаться, а со мной обращаешься как с игрушкой, с которой вообще не стоит считаться.

Ты взял нас к себе, и мы живем в твоём замке, где все гораздо богаче и роскошнее, чем было в доме моих родителей. Но я охотнее оставалась бы сейчас в нашем швейцарском изгнании, как мама называет нашу маленькую дачу на озере, где все было просто и скромно, и где мы едва ли имели все необходимое, но зато были свободны от тебя и твоей тирании. Мама требует, чтобы я терпеливо сносила ее, потому что ты богат и от тебя зависит моя будущность, но я не желаю твоего состояния. Мне нет дела до того, кого ты назначил своими наследниками. Я хочу лишь уехать отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Габриэль вскочила и стояла перед Равеном в страстном возбуждении, энергично выдвигая вперед свою маленькую ножку, с глазами, полными слез от гнева и обиды. Однако в этой бурной вспышке было нечто большее, чем упрямство своенравного ребенка. Каждое слово девушки выдавало оскорбленное достоинство, душевную обиду, и слишком много правды звучало в обвинении, смело брошенном ею в лицо опекуну.

Равен не прерывал ее ни единым словом. Он лишь пристально смотрел на нее и, когда она смолкла, а из ее глаз хлынул поток слез, он вдруг склонился к ней и с глубокой серьезностью в голосе произнес:

– Не плачь, Габриэль! По отношению к тебе я не был несправедлив.

Габриэль перестала плакать. Опомнившись, она ясно представила себе всю неосторожность своих слов. Она ожидала взрыва гнева, и вдруг вместо него это непонятное спокойствие; молча, почти робко, она потупилась.

– Итак, ты «не желаешь моего состояния», – продолжал барон. – Откуда же тебе вообще известно, кого я намерен назначить своим наследником? Я никогда не говорил тебе об этом, и, значит, относительно этого предмета у тебя были беседы с твоей матерью.

Молодая девушка вся так и вспыхнула.

– Не знаю... мы никогда...

– Не пытайся отрицать, дитя мое, – прервал ее Равен. – Ложь так же не свойственна тебе, как и расчетливость, иначе ты не вела бы себя так со мной. Я не сержусь на тебя за это; я могу простить тебе твое упрямство, но никогда не простил бы расчета и лицемерия в твои семнадцать лет. Слава Богу, воспитание еще не так испортило тебя, как я предполагал.

Как будто ничего не произошло, барон спокойно взял ее за руку, притянул к скамейке и сам сел рядом. Габриэль слегка отодвинулась.

– Что же, ты предлагаешь мне считать войну объявленной? – сказал барон. – Твоя мать, конечно, не примет в ней участия, по крайней мере открыто. Она, во всяком случае, внушает тебе необходимость быть в высшей степени любезной по отношению к «выскочке».

– Зачем ты так говоришь? – смущенно пробормотала девушка.

– Ну, это не может быть тебе неизвестно. Насколько я знаю, только так величали мою особу в доме твоих родителей.

На сей раз Габриэль смело выдержала взгляд барона.

– Я знаю, что мои родители не любили тебя, но ведь и ты всегда враждебно держался по отношению к ним.

– Я ли по отношению к ним, или они по отношению ко мне – в конце концов это все равно. Есть вещи, о которых ты еще не в состоянии судить, Габриэль. Ты не имеешь понятия о том, что значит с таким положением, какое когда-то было у меня, вступить в аристократическую семью и ее общество. У меня там был один единственный друг – твой дедушка. У всех остальных я еще должен был завоевать себе место, а для этого существуют лишь два пути: либо, делая вид, что высоко ценишь честь, которой тебя удостоили, терпеливо склоняться перед всеми унижениями, в изобилии сыплющимися на голову выскочки, и довольствоваться тем, чтобы быть терпимым, – а все это не в моем характере; либо стать во главе всего общества, дать почувствовать, что есть еще иная сила, кроме родословных, и при каждом удобном случае попирает ногами предрассудки представителей «общества». Таким образом заставляют преклоняться их самих. Вообще покорять людей гораздо легче, чем думают. Нужно только уметь импонировать им, в этом заключается вся тайна успеха.

Габриэль покачала головой и, как бы про себя, тихо промолвила:

– Суровые принципы!

– Это – опыт тридцати лет, на которые я старше тебя. Неужели, по-твоему, у меня так никогда и не было идеалов, мечтаний и одушевления? Не было пылких переживаний юности? Но со вступлением в жизнь всему этому наступает конец. В такую жизнь, как моя, не берут с собой мечтаний. Они приковывают к земле, а я хотел вознестись – и вознесся. Правда, я дорого заплатил за это, пожалуй, даже слишком дорого, но все равно достиг своего.

– И счастлив благодаря тому? – сорвалось с уст девушки.

– Счастлив! – пожал плечами Равен. – Ведь жизнь – борьба, а не блаженство. Либо повергают соперника, либо он повергает тебя. Третьего исхода нет. Правда, ты смотришь на все совершенно другими глазами. Жизнь для тебя – это солнечный день. Ты еще веришь в то, что там, в мерцающей дали, за голубыми вершинами гор, лежит рай счастья и блаженства... Ты ошибаешься, дитя мое. Золотые лучи солнца освещают целое море печали и горя, а за голубыми вершинами гор – тот же тернистый путь от колыбели до могилы, который мы еще более затрудняем своей злобой и борьбой за существование. Жизнь существует лишь для ежедневных поражений, а мы, люди, – для того, чтобы презирать их.

Эти слова звучали сурово, но выражали решительное убеждение человека, защищающего свои непоколебимые принципы. Правда, глубокая горечь, которой они были проникнуты, ускользнула от чуткой молодой девушки, с какой-то смесью жалости и возмущения выслушивающей исповедь своего опекуна.

– Однако наступает время, когда эта вечная борьба надоедает наконец, – продолжал Равен, – когда задаешь себе вопрос, стоит ли та высота, о которой когда-то мечтал, того, чтобы пожертвовать ради нее всем; когда подводишь итог всех своих успехов, борьбы и усилий и чувствуешь, что устаешь сердцем в этой игре... А я часто устаю... очень часто.

Он откинулся на спинку скамьи и устремил задумчивый взгляд вдаль. В этом взгляде сейчас отражалось страдание, а в голосе ясно слышалась глубокая усталость, о которой он говорил. Габриэль молчала, пораженная оборотом, который принял их разговор. До сих пор она знала в бароне лишь железного, неприступного человека с ледяным спокойствием и повелительным тоном. Даже его обращение с ней всегда было лишь снисхождением к кругозору ребенка. Он никогда и не говорил с ней иначе, как с насмешливым добродушием, и сейчас впервые изменил строгой замкнутости своей натуры. Габриэль заглянула в такую глубину, о которой даже не подозревала. Но она инстинктивно чувствовала, что не следует касаться и вызывать наружу все то, что там погребено.

Наступила продолжительная пауза. И барон, и девушка смотрели на далекий ландшафт, открывавшийся перед ними. Лето, казалось, развертывало перед своим уходом все свое величие. Яркие лучи солнца заливали старинный город, ложились на луга и поля, на ближние и дальние селения, сверкали на поверхности реки, протекавшей по долине. Вокруг смыкали свое кольцо горы, уходя вверх мягкими линиями или выступая зубчатыми пиками. Среди зеленых пастбищ и темных рощ виднелись то белая часовня, то старинное горное укрепление. А над всем этим раскинулся лазоревый небосвод, и золотистый солнечный свет, казалось, насыщал собой весь воздух и всю землю.

Не могло быть более резкого контраста, чем этот солнечный мир и глубокая, прохладная тень и уединенность замкового сада. В его зеленом сумраке неумолчно журчала струя фонтана, рассыпаясь мириадами брызг.

Прокравшийся сюда солнечный луч вдруг касался капель воды, и они, сверкнув как алмазы, тут же угасали. И снова в тени сквозь дымку водяной вуали призрачно просвечивали фигуры ундин.

Знойный полдень, казалось, погрузил все в мечтательный покой; ни одна птица не нарушала неподвижности воздуха, ни один лист не шевелился на деревьях. И журчание «Ключа ундин» только подчеркивало царящую кругом глубокую тишину. То был язык источника, с незапамятных времен пробившего себе ложе в горе и уже более столетия в своем каменном одеянии верно сторожившего покой замкового сада. Он пережил времена, когда на месте замка стояло горное укрепление; дикие, кровавые годы, полные борьбы и раздоров, побед и поражений; блестящую, великолепную эпоху, наступившую с появлением княжеского замка. Мировые события возникали и проходили, поколения рождались и умирали; наконец наступило и новое время, когда все изменилось и приобрело другую окраску, все, кроме источника замковой горы, как будто старая легенда оградила его защитной стеной. Но вот теперь наступил и его час; каменные фигуры, окружавшие ключ, должны были пасть, а ему самому предстояло уйти из-под солнечных лучей в вечное изгнание в темные земные недра.

Мечтательное журчание оказывало свое магическое действие и на мрачного человека, дотоле никогда не знавшего ни одиноких грез, ни их поэзии, и на юную, цветущую девушку, до сих пор порхающую по жизни с неизменной улыбкой, не имея понятия о горестях и заботах. Кипучая жизненная борьба честолюбца и радостные детские грезы девушки исчезли в этом загадочном очаровании. Внешний мир с его ярким солнечным светом отходил все дальше под монотонное мелодичное журчание и наконец совершенно исчез для них. Мрачные тени оку-

тали обоих и увлекли, как в глубоком сне в таинственную глубину, куда не проникал шум жизни, где замерли борьба и желания, счастье и горе...

Снизу, из города, донесся звон полуденного колокола. Мягкие звуки рассеяли странные образы, навеянные журчанием фонтана. Равен поднял голову, словно неприятно пробужденный от сна. Габриэль быстро вскочила со скамьи и почти бегом направилась к руинам стены, там она склонилась, прислушиваясь к звукам колокола. Они плыли по тихому воздуху, как тогда на озере, когда она прощалась с Георгом.

Габриэль не закончила своей мысли.

Почему имя Георга прозвучало в ее памяти как бы укором? Почему его образ так отчетливо предстал перед ней, словно защищая свои права? Звуки колокола ведь ничего не сказали, когда она с легкомысленной улыбкой простилась с Георгом; а теперь при воспоминании об этом они заставили ее сердце болезненно сжаться, словно прося не уклоняться от золотистого солнечного света ради неизведанных глубин, словно предостерегая от неизвестной опасности, окружавшей ее. Девушкой овладело невыразимо жуткое чувство.

Барон тоже поднялся и подошел к ней.

– Ты ведь форменным образом сбежала, – медленно произнес он. – От кого? Может быть, от меня?

Габриэль с улыбкой, стараясь овладеть собой, ответила:

– От журчания «Ключа ундин». Он так странно, призрачно журчит в этот тихий полуденный час.

– И все же ты избрала его своим излюбленным местом?

– Он ведь так стар, а завтра по твоему приказанию, может быть, превратится в груды земли и камней, и...

– И я не справился о том, не огорчит ли кого-нибудь мое распоряжение? – добавил Равен, когда она запнулась. – Пусть так, но... неужели ты и в самом деле настолько любишь этот источник, Габриэль, что его уничтожение причинит тебе серьезное горе?

– Да! – тихо произнесла Габриэль, поднимая на него свой взор.

Девушка не выразила своей просьбы словами, но ее глаза, на которые снова навернулись слезы, горячо молили за источник, которому грозило уничтожение. Равен молча отвернулся; наступила продолжительная пауза. Наконец он сказал:

– Прежде я испугал тебя своими суровыми воззрениями на жизнь. Но кто сказал, что ты должна разделять их? Я забыл, что юность имеет свои права на грезы и что жестоко отнимать их у нее. Продолжай верить в золотое будущее. Тебе еще рано не доверять людям, и едва ли ты скоро ознакомишься с их ненавистью.

Его голос звучал особенно мягко, и во взоре не было обычной жестокости. Но Арно Равену недоступны были такие душевные движения, и, очевидно, они вообще не суждены были ему, потому что как раз в эту минуту сзади раздались шаги, и когда они обернулись, то увидели смотрителя замка, направлявшегося к ним с пожилым человеком, по внешнему виду ремесленником. При виде губернатора оба остановились и почтительно раскланялись. Равен разом сбросил с себя непривычную мягкость.

– Что вам нужно? – спросил он обычным повелительным тоном.

– Ваше превосходительство изволили приказать сломать фонтан и засыпать источник, – ответил ремесленник. – Это будет исполнено сегодня же, через час придут мои рабочие; я хотел только посмотреть, много ли труда и времени потребуется для этого.

Барон молча взглянул на фонтан и перевел взор на Габриэль, все еще стоявшую возле него; в течение нескольких секунд в нем происходила едва заметная борьба.

– Отошлите людей, – приказал он затем. – Уничтожение фонтана может повредить саду, пусть останется. Я отдам относительно него другие распоряжения.

Барон жестом отпустил зрителя и ремесленника; они, конечно, не осмелились сказать ни слова, но когда уходили, лица их выражали крайнее изумление. Это был первый случай, когда губернатор отменял решительно отданное приказание.

Равен подошел к краю фонтана и стал смотреть на падающие капли воды. Габриэль осталась стоять у стены, затем медленными, нерешительными шагами подошла к барону и вдруг протянула к нему обе руки.

– Спасибо! – взволнованно произнесла она. Барон улыбнулся, но без своего обычного сарказма.

По его лицу словно промелькнул солнечный луч, когда он схватил протянутую руку девушки, вместе с тем притягивая к себе левой рукой ее головку, чтобы поцеловать в лоб. В этом не было ничего необычного – он всегда делал то же, когда Габриэль за завтраком здоровалась с ним, и она до сих пор принимала это настолько же непринужденно, насколько холодно и равнодушно ее опекун пользовался своим отеческим правом. Сегодня молодая девушка впервые невольно отклонилась от его ласки, и Равен почувствовал, как ее рука дрогнула в его руке. Он вдруг выпрямился, даже не коснувшись губами лба Габриэли и выпустил ее руку.

– Ты права, – сказал он сдавленным голосом, – в журчании фонтана действительно есть что-то призрачное... Пойдем!

Они направились к замку. Позади них пел и искрился источник. Угрожавшее ему уничтожение было предотвращено, молчаливая мольба девушки и ее слезы спасли его. Суровый человек, давно переживший пору романтических увлечений, вероятно, почувствовал в эту минуту, что и он не застрахован от очарования ундины...

Глава V

Георг Винтерфельд сидел у себя дома за письменным столом. У него был утомленный вид; свежий цвет лица, с которым он возвратился из недавнего путешествия, уже успел исчезнуть. Георг слишком много работал. Служебные обязанности отнимали у него очень много времени, а он еще считал необходимым посвящать каждую свободную от занятий минуту своему дальнейшему образованию, которое могло принести ему пользу в будущем. Очень часто молодой человек работал в ущерб своему здоровью, руководствуясь более благородными побуждениями, чем честолюбие. С каждым шагом вперед уменьшалась бездна, лежавшая между ним и его возлюбленной, а он был слишком уверен в своих силах, чтобы не питать надежды на то, что в недалеком будущем это бездна совершенно исчезнет.

Сослуживцы Винтерфельда, ограничивавшие свой труд теми обязанностями, которые несли в стенах канцелярии, не имели понятия о его усиленной умственной деятельности. Только пронизательный взор его начальника заметил его огромное трудолюбие и недюжинное дарование, хотя у молодого чиновника еще не было случая проявить их на деле.

Георг особенно любил работать утром. Вот и сегодня он сидел над юридическим сочинением и так углубился в него, что совершенно не заметил, как в передней хлопнула дверь.

– Не трудитесь, пожалуйста! Я сам найду дорогу к господину асессору, – произнес чей-то знакомый голос, и только при его звуках Георг в изумлении вскочил со своего места.

В ту же минуту посетитель уже вошел в комнату.

– Здравствуй, Георг! Это я!

– Макс! Какими судьбами? – радостно воскликнул Винтерфельд, спеша навстречу другу. – Как ты попал в Р.?

– Прямо из дома, – ответил Макс Бруннов, дружески здороваясь с товарищем. – Я всего лишь полчаса тому назад остановился в гостинице и тотчас же отправился к тебе.

– Но почему же ты не написал мне? Хотел сделать сюрприз?

– Вовсе нет. Ты, может быть, думаешь, что меня привело сюда идеальное чувство дружбы? Ошибаешься, далеко не то. У меня здесь совершенно реальное дело, а именно хлопоты о наследстве. Но прежде всего – что с тобой? Ты так побледнел... Впрочем, если с самого раннего утра ты уже сидишь за книгами... Георг, ты неисправим!

С этими словами Макс выразил явное намерение схватить приятеля за руку, чтобы проверить пульс, но Георг, смеясь, оттолкнул его и усадил на диван.

– Оставь, пожалуйста, свои докторские замашки, я чувствую себя великолепно! Итак, ты приехал по делу о наследстве? Что же, на тебя свалилось богатство?

– Не богатство, – возразил Макс Бруннов, – а лишь небольшое состояние, оставшееся после одного старого родственника, владевшего поместьем близ Р. Я даже не знал его лично. Между ним и моим отцом уже давно произошел полный разрыв все из-за того же политического прошлого. Теперь родственник этот умер, не имея прямого наследника и не оставив завещания, и здешний окружной суд известил об этом отца, как его ближайшего родственника, приглашая предъявить свои права на наследство. Разумеется, отец не может сделать это лично, поскольку, едва переступив границу своего отечества, очутится в крепости, которую некогда покинул не совсем обычным путем, а именно при помощи веревочной лестницы. Поэтому ему пришлось послать меня в качестве своего доверенного.

– У тебя есть доверенность? – спросил Георг.

– Самая полная, – ответил Макс. – Но, несмотря на это, будет достаточно много проволочек и формальностей. Во-первых, усложняет дело бегство отца и его продолжительное отсутствие, а затем порочное имя революционера едва ли расположит здешних судей к особенной любезности по отношению к нему. В предвидении этого я взял более продолжительный отпуск

и думаю пробыть в Р. до окончания дела. Я весьма рассчитываю на твои юридические советы и помощь.

– Весь к твоим услугам. Но прежде всего переезжай из гостиницы ко мне, у меня хватит места.

– С твоего разрешения я не сделаю этого, – сухо ответил Макс.

– Почему?

– Потому что не хочу навлечь на тебя неприятности со стороны начальства. Разве ты можешь дать мне слово, что твое пребывание у нас осталось незамеченным и не имело никаких последствий?

– Правда, мне пришлось выслушать несколько неприятных слов от своего начальника. Однако осторожность в моем положении имеет свои границы. Я ни за что не пожертвую дружбой.

– Этого вовсе и не требуется, но незачем вызывать и конфликты. Тебе известно, что я ни во что не ставлю бесцельное самопожертвование, а твое приглашение является именно таковым. Не возражай, Георг, я останусь в гостинице. Ты и так достаточно компрометируешь себя в глазах всех этих лояльных господ, не отрекаясь от дружбы со мной.

Отказ был произнесен таким решительным тоном, что Георг не стал настаивать.

– В таком случае позволь по крайней мере поздравить тебя с получением наследства, – сказал он. – Я думаю, что если оно и не велико, то все же весьма существенно для вас.

– Конечно, и главным образом для отца. Теперь, когда вопрос о хлебе насущном навсегда отойдет на задний план, он сможет беспрепятственно отдаться своей любимой науке. Да и я приобрету благодаря этому давно желанную самостоятельность. Я уже давно бросил бы свое место в больнице, если бы не необходимость прочного обеспечения нашего домашнего обихода. А теперь это излишне. Я создам себе практику и женюсь.

– Ты хочешь жениться? – изумился Георг. – На ком же?

– Я и сам не знаю. Как только обзаведусь собственным углом, начну подыскивать невесту.

– Среди дочерей Швейцарии?

– Конечно. Я высоко ценю деятельный и практический характер этого народа, хотя по временам его представители бывают довольно грубоваты. Впрочем, я и не ищу нежной жены – муж и жена должны подходить друг к другу.

– Ты весьма трезво рассуждаешь, – насмешливо заметил Георг. – Вероятно, уже составил и перечень тех качеств, которыми должна обладать твоя будущая жена? Итак, параграф первый!

– Состояние! – лаконически произнес Макс. – Оно необходимо. Параграф второй: практическое домашнее воспитание, что не менее важно, если хочешь вести удобный образ жизни. Параграф третий: цветущее здоровье; для врача, который возится всю жизнь со всевозможными болезнями, вовсе не желательно разыгрывать эту профессиональную роль и в своем доме. Параграф четвертый...

– Ради Бога, перестань! – прервал его Винтерфельд. – Я верю, что для твоего семейного счастья необходимо по крайней мере двенадцать параграфов. Но любовь, надо полагать, не упомянута ни в одном из них?

– Любовь приходит сама собой после свадьбы, – уверенно сказал молодой врач, – по крайней мере у людей благоразумных, и самыми лучшими браками оказываются те, при заключении которых принимаются в расчет характер будущих супругов и материальные условия. Как только я найду девушку, подходящую к моей программе, сейчас же сделаю предложение и женюсь...

Георг, положив руку на плечо своего друга, сказал:

– Милый Макс, я отлично понимаю, к кому относится вся твоя проповедь; к сожалению, она бесполезна. Разумеется, ты сам поймешь это только тогда, когда страсть перевернет вверх дном все твои параграфы.

– О, я не мечтатель! – возразил Макс. – Предоставляю мечтания другим. Кстати, как обстоят твои дела с твоей возлюбленной? Имеешь ли ты в виду и здесь для меня роль поверенного любовных тайн, а при необходимости и часового?

– Нет, Макс, об этом не может быть и речи! Я почти не вижу Габриэли и всего лишь единственный раз говорил с ней в присутствии ее матери. Губернатор окружил себя и свой дом настоящей крепостной стеной важной замкнутости, и нет никакой возможности преодолеть ее.

– Бедняга! – с состраданием произнес Макс. – Теперь мне вполне понятен твой элегический вид. Видишь, что бывает, когда принимаешь слишком близко к сердцу подобные вещи? Моя «программа» и мои «параграфы» вполне гарантируют меня от этого.

Георг взглянул на часы и сказал:

– Прости, пожалуйста, мне нужно идти в канцелярию. Скоро начнутся занятия. После трех я опять буду свободен и тогда приду к тебе. Может быть, проводить тебя до гостиницы?

Молодой врач предпочел проводить своего друга до места его службы, и они вместе отправились в путь. Оживленно разговаривая, они не заметили, как достигли подошвы замковой горы и здесь столкнулись с советником Мозером.

Последний жил в самом здании губернского правления, но ежедневно перед началом занятий совершал прогулку по городским улицам. С нее-то он и возвращался теперь. Он шел своим обычным медленным, мерным, торжественным шагом и с большим достоинством ответил на поклон своего молодого подчиненного.

– У вас утомленный вид, господин ассессор, – начал он весьма благосклонно. – Даже его превосходительство изволил заметить и спрашивал меня об этом. По мнению его превосходительства, вы слишком много работаете и подрываете этим свое здоровье. И для добрых дел должна быть мера, вам следует щадить себя.

– Я довольно часто проповедую это своему другу, – заметил Макс, – но безуспешно. Он не обращает никакого внимания на мои врачебные советы.

– Вы – врач? – спросил Мозер, очевидно ждавший, что ему представят незнакомого молодого человека.

– Мой друг доктор Бруннов, – произнес Георг Винтерфельд, – советник Мозер.

Старый чиновник вдруг разом вынырнул из своего галстука.

– Бруннов... Бруннов, – повторил он, словно что-то припоминая.

– Вам знакомо это имя, господин Мозер? – спокойно спросил Макс.

С лица старика сразу исчезло благосклонное выражение, и он почти с ужасом резко ответил:

– В былое время это имя часто упоминалось, сперва во время революции, затем на суде и наконец в крепости, при бегстве оттуда одного из арестантов. Надеюсь, у вас нет ничего общего с доктором Брунновым, о котором я говорю?

– Совершенно напротив, слишком много общего, – с весьма учтивым поклоном возразил Макс. – Доктор Бруннов – мой отец.

Мозер торопливо отступил на несколько шагов, словно желая оградить себя от возможного соприкосновения с одиозной личностью, а затем повернулся спиной к Бруннову и обратил весь свой гнев на Винтерфельда.

– Господин ассессор, – начал он уничтожающим тоном, – существуют чиновники... весьма деятельные и способные чиновники, которые почему-то не знают или не хотят признавать первого и самого священного долга каждого слуги государства – лояльности. Знаете вы таких чиновников?

– Не знаю... – как будто смутился Георг.

– Ну, а я знаю, – с необыкновенной торжественностью произнес Мозер, – и очень жалею их, потому что они в большинстве случаев являются жертвами заблуждения или дурного примера. Молодой человек нахмурился. Правда, он привык к подобным благочестивым проповедям своего начальника, но теперь, в присутствии своего друга, не мог смириться с нотацией и потому раздраженно ответил:

– Будьте уверены, господин советник, что я отлично сознаю свой долг, но об этом...

– Да, я знаю, что молодежь вся поголовно считает себя реформаторами и находит обязательным для себя быть в оппозиции, – прервал его Мозер, очень любивший кстати и некстати

цитировать изречения своего начальника, – но это весьма опасно, так как оппозиция ведет к революции, а революция... – старый чиновник даже вздрогнул, – это нечто ужасное!

– Чрезвычайно ужасное, господин советник! – с особенным ударением повторил Бруннов.

– Вы находите? – спросил Мозер, несколько сбитый с толку неожиданным единомыслием.

– Безусловно, – подтвердил Макс, – и потому я нахожу, что вы поступаете весьма достойно, стараясь образумить моего друга. Я и сам часто говорил ему, что он недостаточно лоялен.

Мозер остолбенел при этих словах, произнесенных совершенно серьезным тоном. Он только что собрался отвечать, как вдруг опять нырнул в свой галстук и, приняв почтительно позу, вполголоса произнес, снимая шляпу:

– Его превосходительство!

Это в самом деле был губернатор, пешком направлявшийся в город. Он с холодной сдержанностью ответил на их поклон, мельком скользнул взглядом по Макс Бруннову, и затем обратился к Мозеру:

– Хорошо, что я встретил вас, господин советник! Мне нужно кое-что сообщить вам. Пойдемте на несколько минут со мной.

Мозер присоединился к губернатору, и они направились в город, между тем как молодые люди продолжали свой путь к замку.

– Вот это и есть ваш деспот? – спросил Бруннов. – Пресловутый и грозный барон Равен! Нужно отдать ему справедливость, у него очень представительная внешность. Какая княжеская осанка! И при том этот повелительный взор, которым он окинул меня! Сразу видно человека, привыкшего властвовать.

– И сгибать всех в дугу, – с горечью добавил Георг. – Мы только недавно снова имели случай наблюдать это. Весь город взволнован неслыханными полицейскими постановлениями, изданными губернатором. Он силой желает сломить оппозицию, которая становится все более и более мощной и грозной. Он дал этим пощечину всем жителям города.

– И добрые горожане Р. спокойно приняли ее?

– Что же им делать? Восстать против назначенного правительством губернатора? Это повлекло бы за собой тягостные последствия. А между тем, пожалуй, достаточно, было бы раскрыть правительству истинное положение вещей и обнаружить пред всей страной произвол и самоуправство представителя власти, злоупотребляющего вверенными ему полномочиями. Если бы это случилось, его падение было бы неизбежно.

– Или правительство вместо того устранило бы неудобного критика, что уже бывало, и не раз. Равен не похож на человека, которого легко свергнуть; при своем падении он по крайней мере увлечет за собой всех своих врагов.

– И все же рано или поздно это случится, – решительно произнес Винтерфельд. – Найдется же в конце концов такой смельчак!

– Не ты ли будешь им? Не глупи, Георг, и не суйся прежде других в огонь! Это может стоить тебе не только карьеры, но и жизни. Да и кроме того... разве ты забыл о том, что барон – опекун твоей обожаемой Габриэли? Если ты прогневаешь его, у него хорошее оружие в руках, чтобы на всю жизнь лишить тебя счастья.

– Барон сделает это и так, – мрачно возразил Георг. – Он безусловно постарается связать Габриэль каким-нибудь блестящим браком, и если только узнает, что я могу помешать этому, то мне придется ожидать всего наихудшего.

– А с ним, вероятно, нелегко бороться, – добавил Макс. – Я вполне понимаю, что ты вдвойне ненавидишь его.

– Ненавижу? – нерешительно повторил Георг. – Много меня удивляет в нем, а город и провинция за многое весьма признательны ему. Его могучая энергия повсюду открыла вспомогательные источники процветания, повсюду пробудила к деятельности новые силы; зато своей железной рукой он придушил всякую мысль о свободе. Реакция обязана ему своим злостным торжеством. К счастью, оно кончается. Старая система колеблется, и все ее приспешники стараются спасти то, что еще возможно спасти. Только один Равен с упорной последовательностью не желает расстаться с прошлым; он не допускает никаких уступок и не обращает ни малейшего внимания на предостережения, достигающие его слуха. Не могу понять, что это – ослепление или же такая твердость характера?

– Твердость характера... у ренегата? – презрительно произнес Бруннов.

– Макс, – произнес Винтерфельд, задумчиво опустив взор. – У меня бывают минуты, когда я готов скорее усомниться в словах твоего отца, чем заподозрить что-нибудь бесчестное в поступках своего начальника. Он может пойти на преступление из страсти или жажды власти, но не способен на обыкновенное низкое предательство – все в нем противоречит этому.

– И все же он сделал это, – возразил Бруннов. – Неужели, по-твоему, отец мог бы так беспощадно осудить своего кумира, не имея для того достаточных оснований? Вся жизнь Арно Равена служит достаточным доказательством предательства. Некогда он был пылким борцом за свободу... а теперь?

– Ты прав, Макс, и все же... Однако нам пора расстаться, мы уже у замка.

Они и в самом деле уже подошли к зданию губернского правления и здесь расстались. Условившись встретиться после обеда, Георг отправился в канцелярию, а Макс стал осматривать замок. Впрочем, молодой врач мало интересовался архитектурой и старинным романтизмом замка, он обратил на него внимание ради его теперешнего хозяина.

Макс побродил по сводчатым переходам и галереям и уже решил вернуться обратно, но заблудился и попал вместо выхода в один из боковых флигелей. Он заметил ошибку только тогда, когда вошел в коридор, несомненно, ведущий в чью-то квартиру, и хотел было уже повернуть обратно, как вдруг дверь квартиры отворилась, и из нее выглянула пожилая женщина.

– Ах, это вы, господин доктор! – радостно произнесла она. – Прошу вас, пожалуйста, фрейлейн ждет вас.

– Меня? – спросил Макс, изумленный этим приветствием.

– Конечно! Вы ведь доктор?

– Да, я доктор.

– В таком случае войдите. Я сейчас доложу о вас фрейлейн.

С этими словами женщина – судя по внешности, экономка или ключница – исчезла в комнатах; Макс же остался в передней.

– Вот это я называю везением, – вполголоса произнес он. – Не успел я приехать в Р., как уже неожиданно получаю практику. Посмотрим, в чем тут дело.

Дело быстро выяснилось. Через несколько минут женщина вернулась в переднюю и провела его в уютно обставленную гостиную, где у окна сидела молодая девушка. При появлении Макса она встала и направилась к нему навстречу.

Девушка, в возрасте не больше семнадцати лет, была высока и стройна, но очень болезненна на вид. Прозрачная бледность покрывала ее симпатичное личико, под глазами залегли синеватые круги, и даже на губах почти не было заметно румянца. Черное платье, без какой-либо отделки, отличалось чрезмерной простотой и монашеским покроем; рукава были плотно стянуты у кистей, высокий воротник закрывал всю шею. Волосы девушки совершенно скрывал черный кружевной платок. Она в робком смущении, потупив взор, стояла перед доктором и не произнесла ни слова.

– Вы нуждаетесь во врачебной помощи? – спросил наконец Макс, так и не дождавшись ее обращения. – Я к вашим услугам.

При звуке его голоса молодая девушка подняла взор, но затем снова опустила глаза и с робостью отступила.

Молодость доктора, казалось, навела на размышления и ее пожилую компаньонку, поскольку она подошла вплотную к девушке и не отступала от нее ни на шаг.

– Мой отец желает, – наконец заговорила девушка мягким, мелодичным голосом, – чтобы я посоветовалась с врачом. Разумеется, это совершенно лишнее, я не чувствую себя больной.

– Однако вы очень больны, – перебила ее пожилая женщина, – и господин советник того же мнения.

– Господин Мозер? – спросил Макс, внезапно догадавшись, в чей дом он случайно попал.

– Да. Разве вы не говорили с ним?

– Всего за десять минут перед тем, как пришел сюда, – заметил молодой врач, с трудом сдерживая улыбку.

Макс мысленно представил себе «лояльного» советника, с ужасом попятившегося от него при имени его отца. При всяких других обстоятельствах Макс, вероятно, объяснил бы ошибку, но теперь думал только о том, как будет злиться старик, когда обнаружит присутствие отпрыска революционера в своей собственной квартире. Бруннов решил не сдавать позиции. Он взял руку девушки и стал считать пульс.

– Но у вас очень болезненный вид, сударыня. Не разрешите ли вы мне предложить вам несколько вопросов?

И Макс стал расспрашивать. Обследуя пациента, он всегда полностью отдавался своей роли врача и интересовался исключительно его болезнью. Так и теперь он задавал короткие вопросы, ясные и определенные, не уклоняясь от своего предмета, и это, казалось, мало-помалу внушило доверие его молодой пациентке. Она стала непринужденнее и обстоятельнее отвечать на его вопросы.

Наконец Макс закончил свои расспросы и, по-видимому, вполне удовлетворенный, сказал:

– По-моему, нет оснований для серьезных опасений. Ваша болезнь нервного происхождения. Она, может быть, вызвана сильным душевным напряжением и усилилась от недостатка воздуха и движения.

– Совершенно верно, – перебила его экономка, – фрейлейн Агнеса совершенно не любит движения и вовсе не выходила бы на воздух, если бы ежедневно не ходила к заутрене. Я постоянно говорю, что молитвы, умерщвление плоти и посты...

– Христина! – прервала ее девушка умоляющим голосом.

– Ах, да доктору нужно во всем исповедаться, – возразила Христина. – Фрейлейн Агнеса в самом деле злоупотребляет своей религиозностью и по целым дням не подымается с коленей.

– Это очень вредно. Вам нужно изменить свое поведение, – властным тоном произнес врач.

Агнеса испуганно взглянула на него, словно не веря своим ушам.

– Господин доктор...

– Придется прекратить и ежедневные хождения к заутрене, – так же решительно продолжал Макс, не обращая внимания на восклицание девушки. – Вам следует остерегаться простуды, а по утрам уже довольно холодно. Что же касается постов, то я решительным образом запрещаю их раз и навсегда: для вашего слабого здоровья это – настоящий яд.

– Однако, господин доктор... – снова начала было Агнеса, но и это ее возражение не могло сбить Макса с занятой им позиции.

– Затем я предписываю вам ежедневные продолжительные прогулки, но в полуденное время; побольше воздуха, движений и развлечений. Вскоре ведь начинается зимний сезон с его развлечениями. Конечно, вам вредно слишком много танцевать.

Агнеса быстро отступила шага три назад.

– Танцевать? – вне себя повторила она. – Танцевать?

– Да, а почему же и не танцевать? Все молодые девушки танцуют. Вы ведь не хотите быть исключением?

– Я никогда в жизни не танцевала, – поспешила решительно ответить Агнеса. – Я всегда была далека от всех светских развлечений. Они греховны, и я чувствую к ним отвращение.

– Все же я посоветовал бы вам испробовать это, – добродушно заметил Макс, – а пока пропишу лекарство и через несколько дней снова навещу вас; тогда посмотрим, что делать дальше. Будьте добры дать мне бумагу и перо!

Христина принесла то и другое, и Макс начал писать рецепт; Агнеса же отошла к окну и остановилась там, сжимая руки, с явным выражением ужаса на лице. Написав рецепт, Макс снова подошел к молодой девушке и, без церемонии разжав ее руки, стал снова считать пульс.

– Так! – произнес он наконец. – Теперь прошу вас точно следовать моим предписаниям. Тогда можно будет надеяться на быструю поправку. До свидания, фрейлейн!

Макс ушел. Христина заперла за ним дверь и вернулась в комнату.

– Этот доктор знает свое дело, – сказала она. – Он приказывает и распоряжается, как будто он здесь настоящий хозяин. Как вы находите доктора?

– Я нахожу его безбожником и слишком молодым, – заметила Агнеса таким тоном, словно ставила это Максу в самую тяжкую вину.

– Мне тоже казалось, что он много старше, однако он очень расторопен и аккуратен. Назначив свой визит ровно в девять, он с последним ударом часов был уже у нас в коридоре. Не понимаю лишь, почему опаздывает господин советник. Его, должно быть, где-нибудь задержали, ведь он тоже хотел быть здесь в это время.

– Доктор говорил с папой. Как ты думаешь, Христина, принимать прописанное им лекарство?

– Конечно! Ведь ради этого только и пригласили доктора. Попомните мое слово, он поставит вас на ноги.

Была ли Агнеса того же мнения – вопрос остался открытым. Она взяла рецепт и стала внимательно читать, затем, отложив его в сторону, серьезно произнесла:

– О, если бы он не был таким безбожником!..

Сходя по лестнице, Макс встретил пожилого господина, подымавшегося по ней. Он был в золотых очках, держал в руке палку с позолоченным набалдашником и имел очень важный вид. Макс остановился и посмотрел ему вслед.

– Держу пари, что это мой почтенный коллега отправляется на визитацию. Пусть теперь поломают себе голову, кто отбил у него пациентку из-под самого носа. Затем представляю себе досаду этого напыщенного, сверххляпного советника, когда он узнает всю историю и прочтет на рецепте мою подпись! Хотелось бы мне представиться ему теперь в качестве его домашнего врача!

Этому роковому желанию суждено было осуществиться: у подошвы замковой горы Макс столкнулся с Мозером, который по долгу службы проводил его превосходительство и теперь возвращался обратно. Едва лишь его взгляд упал на сына революционера, как он выразил явное намерение избежать встречи, но молодой врач заступил ему дорогу и с величайшей учтивостью проговорил:

– Очень рад снова видеть вас. Я только что от вашей дочери.

На этот раз лицо советника буквально выскочило из галстука.

– От моей дочери? – повторил он.

– Да, именно. Могу успокоить вас, положение вашей дочери не опасно, хотя она больна и нуждается в очень заботливом уходе. Правда, она очень нервна, но...

– Да как вы попали к моей дочери? – воскликнул Мозер.

– Но при надлежащем режиме это пройдет, – продолжал Макс, не обращая ни малейшего внимания на восклицание советника. – Пока я прописал ей лекарство, от которого ожидаю хороших результатов, а через несколько дней навещу вас снова и посмотрю больную.

– Но я ведь не приглашал вас! – растерянно сказал Мозер, у которого от всего слышанного стала кружиться голова.

– Извините, меня пригласили, – возразил Макс, – спросите сами у госпожи Христины. Повторяю, я очень надеюсь на прописанные лекарства и послезавтра приду снова. Прошу без благодарностей, господин советник, всегда готов с большим удовольствием! Благоволите передать мой привет вашей дочери. До свидания!

Мозер несколько секунд стоял, как статуя, а затем торопливо зашагал к своей квартире, надеясь там найти разрешение этой загадки.

А Макс Бруннов, улыбаясь, направился к городу.

Глава VI

Весь второй этаж губернского правления был ярко освещен. Ежегодно в день рождения государя губернатор давал банкет, на который собиралось все высшее общество Р. и его окрестностей. В этом году после обычного приема был назначен еще бал. Нововведение объяснялось главным образом присутствием баронессы Гардер и ее дочери. Известие о губернаторском бале, конечно, было встречено самым шумным одобрением р-ских дам.

Было еще слишком рано для съезда гостей, но комнаты уже сияли огнями, и слуги собрались в вестибюле дома. Габриэль закончила туалет намного раньше матери, все еще продолжавшей испытывать терпение своей горничной внесением в наряд то тех, то других изменений. Поэтому молодая баронесса вошла одна в небольшой салон, которым начиналась анфилада парадных комнат.

Главную стену салона украшал портрет в тяжелой золоченой раме; он изображал покойную жену барона и был написан одним из лучших художников. Однако и его искусная рука не сумела оживить довольно приятное, но совершенно апатичное и неодоухотворенное лицо баронессы, только гордая осанка и роскошный туалет ненадолго останавливали на себе внимание зрителя. При сопоставлении этого портрета с незаурядной, энергичной личностью барона была ясно видна вся глубина нравственной бездны, лежавшей между супругами, и невозможность для них какого бы то ни было сближения.

Габриэль остановилась перед портретом и все еще стояла перед ним, когда отворилась дверь, ведущая из парадных комнат в собственное помещение барона, и показался он сам. Равен был в полной парадной форме, и богато расшитый придворный мундир с широкой орденской лентой через плечо делал его фигуру еще представительнее. Он подошел к молодой девушке.

– Ты уже готова, Габриэль? О чем ты так задумалась, стоя перед этим портретом?

В его последних словах звучало нескрываемое неудовольствие.

– Я была удивлена, найдя здесь портрет тети. Разве у тебя нет места для него в твоих собственных комнатах?

– Нет! – коротко, но решительно отрезал барон.

– Но ведь эти комнаты открываются всего лишь несколько раз в году. Почему ты не повесишь портрет в своем кабинете?

– Ради чего? – холодно спросил барон. – Твоя тетка никогда не заглядывала туда. Я приказал перенести портрет в эту гостиную, где он более уместен. Как тебе понравились парадные комнаты замка?

Этот внезапный переход ясно показал, как неприятен барону предмет разговора. Он без церемонии взял Габриэль под руку и направился вдоль анфилады комнат, чтобы показать и объяснить ей, что в них заключалось интересного. В распоряжение губернатора было предоставлено поистине княжеское помещение, которому вполне соответствовала старинная роскошь убранства. Богато украшенные стены и лепка потолков, глубокие оконные ниши и высокие мраморные каминные откосы относились к былым временам замкового великолепия. Все это было оставлено в прежнем состоянии, но дополнено дорогими шелковыми и атласными обоями, тяжелыми бархатными драпками и порттьерами, мебелью с богатой позолотой, и при ярком освещении парадные комнаты производили поистине ослепительное впечатление.

Молодая баронесса Гардер была как будто создана для такой обстановки. Идя рука об руку со своим опекуном, она вся отдавалась восторженному созерцанию. Она довольно быстро справилась с недавним смущением, вызванным сценой у портрета, и снова по-прежнему непринужденно вела себя с бароном.

Встреча у «Ключа ундин» тоже была давно забыта, равно как и серьезное настроение, вызванное ею. Габриэль сразу заметила, что с того самого дня барон стал очень добр и предупредителен по отношению к ней. Сегодняшний бал, по его словам, он тоже устроил лишь с целью «дать наплясаться одной паре ножек, падкой до танцев». Это было невероятно: ведь на свои торжественные приемы он всегда смотрел, как на тяжелую обязанность, налагаемую этикетом! Но Габриэль привыкла к тому, что ее баловали все окружающие, и потому последнее обстоятельство не бросилось ей в глаза. Она приняла любезность своего опекуна так же, как прежде принимала его строгость, – с легкомыслием и резвой шаловливостью ребенка. А сегодня ее мысли были заняты исключительно предстоящим балом, и все остальное отступало на задний план. Она не переставала шутить, и ее звонкий смех то и дело нарушал торжественную тишину комнат.

Равен был по обыкновению серьезен и молчалив, но с удовольствием слушал болтовню Габриэли, время от времени окидывая взглядом свою юную спутницу. В этот вечер Габриэль была еще очаровательнее, чем всегда, в своем воздушном белом платье, отделанном цветочными гирляндами. Ее белокурые волосы украшал венок из живых цветов, и во всем ее пленительном облике, дышавшем очарованием и свежей прелестью, казалось, ожила сказочная фея.

Они закончили обход, войдя в большой приемный зал, украшенный портретами исторических деятелей и царственных особ. Сияющие огнями, великолепно убранные, но все еще пустынные залы и гостиные, казалось, ждали, когда их тишина будет нарушена веселой толпой. Пока ее нарушали только шаги барона и шелест платья его спутницы.

– Мы в самом деле словно в очарованном замке, – весело заметила Габриэль. – Мертвое великолепие – и ни одной живой души, кроме нас. Я не представляла себе, что ты окружен таким блеском, дядя Арно; мне кажется, приятно сознавать себя здесь господином.

Барон окинул зал равнодушным взглядом и ответил:

– По-твоему, это – завидное положение? Я никогда не придавал значения именно этому...

– И этому тоже? – спросила Габриэль, указывая на его орденскую ленту, – высший орден страны, который давали в виде отличия только в редких случаях.

– И этому тоже, – спокойно ответил барон, – хотя не откажусь ни от того, ни от другого. Внешний блеск неразрывно связан с представлением о власти. Большинство людей понимает только такую, внешнюю ее сторону, и с таким отношением приходится считаться. Я всегда учитывал это, но стремился к совершенно иному.

– Чего и достиг, подобно всему в жизни.

Барон несколько секунд молчал. Его глаза с загадочным выражением были обращены на молодую девушку; наконец он сказал:

– Я достиг многого, но не всего.

– Неужели ты еще жаждешь повышения? Барон улыбнулся.

– На сей раз мне хотелось бы сбросить с плеч лет двадцать.

– Ради чего?

– Чтобы снова быть молодым. В последнее время я стал часто сознавать, что состарился.

Молодая баронесса с улыбкой указала на огромное простеночное зеркало, против которого они стояли. Чистое стекло ясно отражало всю высокую, мощную фигуру Равена, дышавшую зрелым мужеством. Он смотрел на свое отражение не то с удовлетворением, не то с легким беспокойством.

– И все же мне скоро пятьдесят лет! – медленно произнес он. – Тебе это известно, Габриэль?

– Конечно! – ответила она. – Но почему ты так подчеркиваешь свой возраст? Ты ведь не чувствуешь приближения старости?

– Поэтому я иногда и забываю о своих годах, что при некоторых обстоятельствах очень опасно. Тебе по крайней мере не следует поощрять меня к такой забывчивости.

Равен вдруг замолчал, заметив вопросительный взгляд девушки, явно не понявшей его последних слов. Он отвернулся от зеркала и уже более непринужденным тоном продолжал:

– Так тебе нравится мой замок?

– Да, когда в нем все так ослепительно ярко, как сегодня вечером, – ответила Габриэль. – Днем он кажется мне очень мрачным. Мрачнее же твоего кабинета я не видела комнаты в жизни. Тяжелые портьеры не пропускают даже солнечных лучей.

– Солнце мешает мне работать, – возразил барон.

– Боже мой, нельзя жить одной работой! – воскликнула Габриэль.

– Однако есть люди, для которых работа является необходимой потребностью, как я, например. Такой мотылек, как ты, конечно, не понимает этого. Он порхает в солнечном сиянии, сверкая и переливаясь яркими красками, и будет порхать, пока не сотрется с его крылышек пестрая пыльца. В таком существовании много заманчивого, но оно преходяще.

В последних словах барона послышался его обычный сарказм. Габриэль сделала обиженную гримаску.

– Ах, так, по-твоему, и я – такое пестрое ничтожество? Да?

– Мне кажется, несправедливо требовать от тебя, чтобы ты росла среди страданий и борьбы, – серьезно возразил Равен. – Труд и борьбу я предоставляю себе и себе подобным. Подобные же тебе существа как бы созданы для счастья и солнечного света и не могут жить в другой атмосфере. Они представляют собой как бы солнечный свет для окружающих и ярко освещают тьму. Ты права: глупо избегать солнца из страха быть ослепленным им. Отчего ему и не позолотить осень жизни?

Барон склонился к девушке и заглянул прямо в ее глаза. Как раз в этот момент дверь отворилась, и в ней показалась баронесса Гардер. Губернатор выпрямился и бросил на свояченицу далеко не приветливый взгляд, которого она, к счастью, не заметила. Она как раз проходила мимо огромного зеркала и пытливым взором окинула свое отражение в роскошном туалете, слишком вычурном, чтобы быть красивым. Дорогая атласная ткань ее платья терялась под бархатом и кружевами, почти скрывавшими ее. На голове был целый цветник; на шее и руках сверкали великодушно спасенные бароном от краха бриллианты. Все ухищрения туалетного искусства были использованы здесь, и с их помощью баронессе, возможно, удалось бы в этот вечер сойти за молодую красавицу, если бы рядом с ней не было юной и цветущей дочери. Тут вся искусственная красота не выдерживала никакого сравнения, и мать казалась отцветающей, пожилой женщиной.

– Простите, что я заставила вас ждать! – с обычной любезностью обратилась она к зятю. – Я не знала, что вы уже в зале, Арно. Никто из гостей еще не приехал. Надеюсь, Габриэль заняла бы их в мое отсутствие.

– Вскоре начнут съезжаться и гости, – сказал Равен, видимо недовольный ее вторжением. И в самом деле снизу донесся шум подъезжающих экипажей.

Барон предложил руку своей свояченице и повел ее через зал к месту, где она должна была встречать гостей.

– А знаете, Матильда, Габриэль совершенно не похожа на вас, – заметил он, и в его голосе слышалось едва скрытое удовольствие.

– Вы так думаете? – спросила баронесса, которой, надо полагать, больше пришлось бы по вкусу противное мнение. – Может быть, она похожа на отца.

– И на барона нисколько не похожа, – возразил Равен. – Она не унаследовала от своих родителей ни единой черточки... Слава Богу! – прибавил он про себя.

Баронесса приняла обиженный вид, хотя и не могла расслышать заключительные слова его замечания. Впрочем, Габриэль действительно совершенно не походила на своих родителей.

Залы стали наполняться нарядной толпой. На темном фоне фраков выгодно выделялись военные мундиры и светлые туалеты дам. Начальники ведомств и офицеры гарнизона соседней крепости все были налицо; в полном составе собрались чиновники губернского правления и вообще все сливки общества, так или иначе претендующие на положение и значение в городе. Поскольку торжество носило официальный характер, все считали долгом отозваться на приглашение. Разумеется, явились и городской голова, и другие представители города, несмотря на конфликт между ними и губернатором, со дня на день все больше обострявшийся.

Барон Равен сегодня, казалось, совершенно позабыл о конфликтах. Он принял этих гостей, как и всех остальных, с величайшей учтивостью, хотя и со свойственной ему холодной сдержанностью.

Рядом с ним в качестве хозяйки дома принимала гостей баронесса Гардер, с огромным удовольствием замечавшая, что она и ее дочь являются предметом всеобщего внимания. Ни той, ни другой до сих пор еще не представлялось случая принимать участие в общественной жизни Р., потому что она собственно и начиналась лишь с началом осени. Только на сегодняшнем вечере они вступали в этот новый, практически чуждый им круг людей, среди которых родство с губернатором ставило их на первое место. Совершенно естественно они представили собой центр общества; но в то время как на долю баронессы выпадали всяческие знаки вежливости и внимания, подобающие хозяйке дома, красота и привлекательность Габриэли торжествовали настоящий триумф. Юная баронесса была весь вечер окружена восхищенной толпой, и молодежь буквально осаждала ее, чтобы заручиться обещанием хотя бы на один танец.

Барон по временам поглядывал на толпу, беспрестанно сменявшуюся вокруг его племянницы, и слегка улыбался. Он видел, с каким удовольствием и непринужденностью она принимала поклонение.

На деле же триумф и поклонение помогали лишь несколько умерить нетерпение, с которым Габриэль ожидала приближения единственного человека. Георг Винтерфельд уже давно был в зале, но Габриэль успела перекинуться с ним лишь двумя-тремя словами. Едва он поздоровался с ней и ее матерью, как подошел какой-то полковник, чтобы представить двух своих сыновей-офицеров, и внимание дам было отвлечено ими. К ним присоединилось несколько высокопоставленных лиц, близких знакомых хозяина дома, и молодой чиновник, совершенно чуждый этому кружку, не желая показаться навязчивым, удалился. После того ему никак не удавалось подойти к Габриэли, которая вместе с бароном и своей матерью принимала гостей.

Но вот раздались первые звуки музыки, и медлить было нельзя. Георг, во что бы то ни стало искавший новой встречи, подошел к юной баронессе и пригласил ее на танец.

Габриэль, предвидевшая это, постаралась оставить один танец свободным и тотчас обещала его Георгу. Барон, разговаривавший вблизи них с одним из гостей, услышал это обещание; он оглянулся и удивленно посмотрел на молодых людей.

– Мне казалось, что ты ангажирована на все танцы, – сказал он. – Разве у тебя остались еще свободные?

– Мадемуазель Гардер была так добра, что обещала мне второй вальс, – ответил Георг. Барон нахмурился.

– В самом деле, Габриэль? Насколько мне известно, ты была приглашена на второй вальс сыном полковника Вильтена и отказала ему.

– Да, но я еще раньше обещала второй вальс господину Винтерфельду.

– Та-ак, – медленно произнес Равен, – конечно, право на стороне того, кто пригласил первый. Барон Вильтен будет очень жалеть, что опоздал.

При этих словах Равен пытливо взглянул на Габриэль и затем на Георга. В это время подошел господин, которому Габриэль обещала свой первый танец, и увел ее. Георг молча поклонился и отошел.

Общество оживилось. Молодежь потянулась в бальный зал, из раскрытых настежь дверей которого слышались звуки музыки, а гости постарше рассеялись по другим комнатам.

Приемный зал опустел, и баронесса Гардер уже собиралась покинуть свое место, как вдруг к ней подошел ее зять и спросил:

– Вы близко знакомы с ассессором Винтерфельдом?

– Я уже говорила вам, что мы познакомились в Швейцарии.

– И что же, он часто бывал у вас в доме?

– Довольно часто. Я всегда охотно принимала его и делала бы это до сих пор, если бы вы не высказались против.

– Я не люблю вводить молодых чиновников в свою частную жизнь, – резко возразил барон. – И вообще не понимаю, Матильда, как вы в своем тогдашнем уединении допустили в свой дом первого встречного и позволили ему быть в столь близких отношениях со своей дочерью.

– Я сделала исключение, – защищалась баронесса. – Винтерфельд оказал нам услугу, когда мы очутились в опасности на озере. Вам ведь известно, что он меня и Габриэль...

– Провел мелководьем без всякого труда на землю, – закончил Равен. – Да, мне это известно, и я нисколько не сомневаюсь, что он воспользовался своей услугой, чтобы явиться перед вами в роли спасителя, и, по-видимому, не без успеха. Габриэль обещала ему танец, в котором отказала Вильтену, очевидно приберегая его для господина ассессора. Я нахожу эту интимность, конечно, основанную на прежнем знакомстве, в высшей степени неприличной. Разумеется, нельзя взять обратно данное обещание, но я прошу вас позаботиться о том, чтобы Габриэль больше с ним не танцевала. Я решительно не желаю этого.

Барон говорил раздраженным тоном. Баронесса, очень удивленная, поспешно заявила, что сейчас же переговорит с дочерью, и под руку с полковником Вильтемом, в эту минуту подошедшим к ним, направилась в танцевальный зал.

Барон между тем направился в другие залы, где собралось и оживленно беседовало нетанцующее общество. Равен переходил от одной группы гостей к другой, то принимая участие в разговоре, то ограничиваясь беглыми замечаниями или обычной любезностью. Он подошел и к городскому голове и любезно заговорил с ним.

Барон был предупредителен по отношению к одним, снисходителен к другим, вежлив по отношению ко всем, но ни с кем не был фамильярен. Его обращение показывало спокойную уверенность человека, привыкшего занимать первое место и ставить себя выше других, и общество давно привыкло уступать ему это место.

– Можно подумать, что мы в гостях у самого государя, а никак не у его представителя – настолько величав его превосходительство, – сказал городской голова, встретившись с полицмейстером. – Он уже почтил вас своим всемилостивейшим обращением?

Полицмейстер любезно улыбнулся и ответил:

– Я очень удивился, увидев вас здесь. Принимая во внимание обострившиеся отношения между муниципалитетом и губернатором, я предполагал, что вы вовсе не примете его приглашение.

– Разве это возможно? – с подавленным раздражением произнес городской голова. – Торжество устраивается в честь нашего государя, и наше отсутствие на нем может быть истолковано как враждебная демонстрация против монарха, что для нас вовсе не желательно. Барон отлично знает, что наше присутствие здесь объясняется только этим обстоятельством. На его личное празднество мы навряд ли бы явились.

– Вам не следует доводить конфликт до крайности, – стал убеждать старика полицмейстер. – Вы ведь знаете барона – от него нельзя ожидать уступок.

– А от нас и тем менее. Мы твердо стоим за свои права, и время покажет, долго ли удержится губернатор, так обращающийся с нами!

– Он-то удержится, – уверенно возразил полицмейстер, – не надейтесь на это! Его влияние в высших сферах неограниченно.

Городской голова смутился и окинул изумленным взглядом собеседника.

– Вы, кажется, осведомлены точно. Впрочем, вы прибыли сюда из столицы, и у вас наверно имеются там дружеские связи.

– Вовсе нет! – холодно возразил полицмейстер. – Мне кажется лишь, что поведение губернатора достаточно ясно показывает, как он уверен в своем положении и как могущественно его влияние в известных кругах. Лучше не допускать открытого разрыва между ним и городом, таким образом можно избежать катастрофы.

Полицмейстер ушел. Городской голова сердито посмотрел ему вслед, думая про себя:

– Да, да, во что бы то ни стало нужно избежать ее, чтобы господину полицмейстеру удобно было сохранять свой прекрасный нейтралитет, старательно выставляемый им на показ. Он и в самом деле сумел прикинуться покорным слугой барона и вместе с тем прослыть в городе любезным и умеренным посредником, поневоле повинующимся своему начальнику. Ну, я лично ни на волос не доверяю таким нейтральным людям, которые служат и нашим, и вашим, и надувают и тех, и других!

В зале между тем танцы были в разгаре. Оживленно прошел первый вальс, и начался второй. Габриэль не пропускала ни одного танца, так как очень любила танцевать. Она с удовольствием выслушивала многочисленные комплименты кавалеров и даже не заметила, с каким серьезным укором по временам останавливался на ней взгляд Георга, когда она кокетливо принимала поклонение.

Но вот наконец подошел Георг и напомнил об обещанном ему вальсе. Девушка подала ему руку и пошла с ним в круг танцующих.

– Баронесса Гардер – прелестное создание, – сказал полковник Вильтен, обращаясь к барону Равену, который за несколько минут перед тем вошел в зал и против своего обыкновения стал смотреть на танцующих. – Мне кажется, ваше превосходительство, что вам долго не удержать под своей опекой вашу племянницу. В недалеком будущем супруг уведет-таки ее от вас.

– Оставьте! – с заметным неудовольствием возразил барон. – Об этом пока не может быть и речи. Ведь Габриэль – еще совсем дитя.

– Наши девушки в семнадцать лет – уже не дети, – рассмеялся полковник. – Фрейлейн Гардер, я думаю, станет решительно протестовать против такого положения. Посмотрите, как грациозно она скользит со своим кавалером! Ее своеобразная, лучезарная красота еще никогда не имела такого победоносного вида, как в сегодняшний вечер. Право, я завидую вашим отеческим правам по отношению к этому милому созданию.

Отеческие права! Эти слова явно неприятно подействовали на барона; на его лбу появилась глубокая складка, и он, не отвечая ни слова, не отрывал взора от молодой пары, всецело завладевшей его вниманием.

Вильтон произносил свои тирады не без задней мысли. Он отлично видел, как его старший сын ухаживал за юной баронессой, которая в качестве вероятной наследницы барона Равена была блестящей партией. Полковник ничего не имел против того, чтобы забрать у губернатора его отеческие права; ему была весьма по душе красивая и богатая невестка, и он сделал попытку положить начало переговорам. Однако, его намеки, очевидно, не были приняты, и полковник перевел разговор на другую тему.

– Я только что говорил с городским полицмейстером, – снова начал он. – По его мнению, опасаться нечего, но все же он принял необходимые меры на тот случай, если сегодня будут какие-нибудь выступления.

– Сегодня? Почему именно сегодня? – рассеянно спросил Равен.

– Сегодняшнее торжество представляет удобный предлог и условия для тайных сходов, в особенности среди низших слоев населения и при теперешнем возбужденном состоянии умов.

Этот разговор, по-видимому, тяготил барона, и он, казалось, думал совершенно о другом, когда ответил:

– Вы так думаете?

– Но мы ведь еще третьего дня обстоятельно обсуждали этот вопрос, и, к сожалению, ни для кого не тайна, что всеобщее возбуждение прежде всего направлено против вас. Господин Мозер говорил мне, что вы опять получили угрожающее письмо.

Губернатор презрительно пожал плечами.

– Их найдется по крайней мере полдюжины в моей корзине. Должны же наконец понять, что я не обращаю внимания на такие глупости.

– Однако не следует так шутить с опасностью, – продолжал Вильтон вполголоса. – Весьма неосторожно с вашей стороны появляться пешком без всякой охраны на городских улицах. Я уже неоднократно просил вас прекратить эти прогулки. Кто знает, может быть, кто-то систематически подстрекает против вас чернь, граждане настроены оппозиционно.

– Тем лучше, – машинально произнес Равен, не отводя взора от той части зала, где Габриэль танцевала с Винтерфельдом.

Полковник отступил на шаг и воскликнул:

– Ваше превосходительство!

Его удивленный возглас привел барона в себя. Он обернулся.

– Простите! Я сегодня рассеян. Я... должно быть не расслышал, что вы сказали. О чем мы говорили?

– Я просил вас обратить внимание на вашу личную безопасность.

– А, вот вы о чем! Простите мое невнимание. Меня ежедневно осаждают сотнями всяких дел, и мне трудно сосредоточиться на балу.

– Вы слишком много взваливаете на себя, – заметил полковник. – И самая неутомимая натура в конце концов не выдержит такого напряжения, какому вы ежедневно подвергаете себя. Взгляните на эту достойную зависти молодежь, не имеющую представления ни о каких заботах! Она танцует, смеется и очень счастлива!

– И очень счастлива! – повторил Равен. – Да, вы правы.

Глубокая горечь прозвучала в его последних словах.

А между тем веселое оживление в зале никак не могло располагать к такой горечи.

Мимо промелькнула Габриэль со своим кавалером. Полковник был прав: ее красота еще никогда не была так победоносна, как в сегодняшний вечер, во время танцев, которым она предавалась со страстным удовольствием. Яркий свет, опьяняющие звуки музыки в празднично убранных залах, вся эта праздничная обстановка казалась самой подходящей, естественной атмосферой для молодой девушки, и ее разгоревшееся личико и сияющие глаза ясно говорили, с каким восхищением она окунулась в нее. Все существо Габриэли словно просветлело, преисполнилось восторга, когда она закружилась по залу с Георгом. Для него же сейчас окружающее не существовало, и счастье, которое он испытывал, держа в объятиях свою любимую, лишило его всякой осторожности. Глаза молодого человека предательски выдавали его сердечную тайну. Лица обоих сияли, и зоркому взгляду наблюдателя нетрудно было отгадать, что это сияние говорило не только об увлечении танцем.

И такой наблюдатель был рядом. Равен все еще стоял на том же месте в конце зала и как будто оживленно беседовал с полковником и несколькими другими, подошедшими к ним мужчинами, но взгляд его был прикован к танцующим. Этот взгляд, пламенный и пронизательный, наверное, обладал магнетической силой, потому что Габриэль, делая второй тур вальса, подняла голову и невольно посмотрела на опекуна. Их взгляды встретились. Густой румянец залил щеки девушки, а глаза барона угрожающе вспыхнули, и он быстро отвернулся.

По окончании вальса наступил перерыв в танцах, назначенный для ужина. Общество оставило душный зал и рассеялось по более прохладным комнатам и буфету. Гости, неприужденно и весело беседуя, образовали большие и маленькие группы.

Наступил тот давно желанный для Георга и Габриэли момент, когда они могли обменяться несколькими словами. Они стояли у камина в одной из отдаленных комнат, где никого не было, хотя из соседнего помещения и раздавался оживленный разговор. Случайно вошедшему сюда человеку показалось бы, что они ведут спокойный, ничего не значащий разговор, но их беседа была очень далека от светской болтовни.

– Наконец мы вместе! – страстно прошептал Георг. – В первый раз после нескольких недель разлуки! Как тяжело быть так близко и в то же время так далеко друг от друга!

– Ты прав, – тихо ответила Габриэль, – мы бесконечно далеки, несмотря на то, что ты ежедневно бываешь в замке. Я все время надеялась, что ты сумеешь уничтожить препятствия, разъединяющие нас.

– Разве я не делал всего, что мог? Но ты знаешь, какой прием я встретил у твоей матери. Правда, она была любезна, но я не услышал и намека на возможность и впредь бывать у вас. Я не могу продолжать свои посещения после того, как мне решительно показали, что они нежелательны.

– Мама несколько не виновата в этом, она по-прежнему охотно принимала бы тебя: мой опекун запретил ей это. Я предоставила маме переговорить с ним о твоём визите и нашем знакомстве, потому что сама... – Габриэль запнулась и не договорила.

– Ты не осмелилась...

– Я осмелилась бы на все, – немного раздраженно продолжала Габриэль, – но выдержать взгляд дяди Арно, когда намереваешься скрыть от него что-нибудь, совершенно невозможно. А он решительно против твоих посещений. Против тебя лично он ничего не имеет, так как не подозревает о наших симпатиях, но он вообще не желает вводить в свой семейный круг молодых чиновников, и нам пришлось уступить ему.

– Я не сомневался в этом, – сказал Георг. – Я хорошо знаю своего начальника. Он и ему подобные недоступны для всех, кто, по их мнению, ниже их, но даже его властное слово не разлучило бы нас больше, чем эти последние дни и недели. Мне приходится довольствоваться тем, что я вижу тебя издалека, а если нам и удастся встретиться, как например сегодня, то мы должны принимать холодно-равнодушный вид. Я вынужден смотреть, как все преклоняются перед тобой, и я, только я, имеющий больше всех прав на тебя, обречен на молчание и не смею приблизиться, словно чужой. Габриэль, я не могу выносить это!

Габриэль с прелестной улыбкой задорно ответила:

– По-моему, этому «чужому» нечего особенно жаловаться на судьбу. Он ведь знает, что я принадлежу только ему.

– В такой вечер, как сегодня, ты не принадлежишь мне, – с горечью возразил Георг. – Ты принадлежишь всему – веселью, танцам, поклонникам, окружающим тебя, но не мне. Я тщетно ловил до этого вальса хотя бы один твой взгляд. В кругу поклонников твои глаза были не для меня.

Упрек обидел молодую девушку; ее улыбка исчезла, уступив место недовольной гримасе, и с уст уже готов был сорваться сердитый упрек, но в эту минуту в дверях комнаты показался поручик Вильтон.

– Баронесса, – сказал он, приближаясь к молодой девушке, – вас ищут в зале. Его превосходительство и баронесса уже несколько раз спрашивались о вас. Я предложил им свои услуги – вы разрешите мне проводить вас к ним?

При других обстоятельствах Габриэль дала бы почувствовать поручику свое недовольство его появлением, но теперь, раздраженная несправедливым, по ее мнению, упреком, она терпимо отнеслась к неожиданной помехе. Холодно поклонившись Георгу, она любезно взяла

под руку молодого барона и тот, уводя ее из комнаты, бросил торжествующий взгляд на Винтерфельда.

Георг мрачно смотрел им вслед. Эта детская месть сильно уколола его, и прежние сомнения снова начали смущать его душу. Прав ли он, пытаясь вырвать прелестное, но поверхностное создание из той блестящей, мишурной обстановки, для которой оно, видимо, рождено, чтобы приковать к серьезной, трудовой, совершенно чуждой девушке жизни. Любовь Габриэли давала ему право на обладание ею, но могла ли она на самом деле глубоко любить? Не было ли ее чувство так же поверхностно и преходяще, как и все в этом ярком мотыльке? А если она будет несчастлива с ним, если, будучи его женой, она сможет ответить на его горячую, самоотверженную любовь лишь детскими капризами? Не случится ли так, что за краткий любовный сон им придется расплачиваться всей жизнью, полной горя и раскаяния?

Молодой человек порывисто провел рукой по лбу. Он не хотел выслушивать доводы разума, жестоко разрушавшие иллюзию сердца. Он насильно отогнал от себя мучительные мысли и собрался было уже выйти из комнаты, как сюда вошли Мозер с полицмейстером.

Они оживленно разговаривали, но при виде Винтерфельда так дружно замолчали, что тот не без основания предположил, что разговор шел именно о нем. Справедливость этого предположения подтверждал и пристальный взгляд, которым полицмейстер окинул молодого человека. Мозер между тем подошел к Георгу и без всяких предисловий сказал:

– Хорошо, что я встретил вас, господин ассессор! Я только что хотел передать вам кое-что.

– К вашим услугам, господин советник.

– Ваш друг, доктор Бруннов, – Мозер подчеркнул это имя с таким выражением, словно оно само по себе звучало обвинительным приговором, – без моего ведома и желания вторгся в мой дом в качестве домашнего врача. Он выслушал мою дочь, прописал лекарство и заявил, что повторит свой визит. Я тогда не знал, как это случилось...

– Это было недоразумением, – прервал его Георг, – Макс рассказал мне. Он и в самом деле предположил, что нуждаются в его врачебном совете, и понятия не имел о том, в чьем доме оказался.

– Ну, а теперь он знает, – многозначительно продолжал Мозер, – и прошу вас сообщить ему раз и навсегда, что я пренебрегаю советами врача, который носит такое подозрительное имя и является сыном политически опасного человека. Скажите ему, пусть он поищет для своей революционной пропаганды другое место и оставит в покое дом советника Мозера, всю жизнь гордившегося тем, что он преданнейший верноподданный своего все милостивейшего государя. Некоторым людям, а в особенности чиновникам, следовало бы брать пример с подобных убеждений!

С этими словами Мозер поклонился и вышел из комнаты с высоким сознанием всей убедительности своей пламенной речи.

Полицмейстер подошел к Георгу и шутливо заметил:

– Вы, кажется, попали в немилость у нашего лояльного советника? Он только что подробно живописал мне ваши опасные для государства связи. Мне не хочется верить этому...

– Господин советник заблуждается, – спокойно возразил Георг. – Он ставит мне в упрек простую университетскую дружбу, не имеющую ничего общего с политикой. Могу уверить вас, что мой друг, приехавший по делу о наследстве и благодаря забавному недоразумению попавший в квартиру Мозера, вовсе не помышляет о революционной пропаганде где бы то ни было и, конечно, не даст вам ни малейшего повода заинтересоваться его особой.

– Я того же мнения. Господин Мозер со своей лояльностью видит повсюду страшные призраки революции. А что если бы он узнал о том, что его собственный, высоко уважаемый начальник был другом детства и университетским товарищем того самого доктора Бруннова, которого он объявляет опасным для государства! Вам, вероятно, известно это?

– Разумеется! – ответил Георг, пораженный тем, что полицмейстер осведомлен о столь далеком прошлом.

– Как странно и резко расходятся иногда жизненные пути друзей детства! – продолжал последний. – Губернатор Арно Равен и беглец, пребывающий в изгнании... Разве можно найти более резкий контраст? Правда, говорят, что в молодости барон тоже придерживался довольно легкомысленных политических взглядов и даже был замешан в процессе, который привел доктора Бруннова и его товарищей к заключению в крепости. Но это, конечно, только слухи. Может быть, ваш друг и его отец сообщили вам что-нибудь более точное?

– Нет, мы никогда не говорили об этом. Впрочем, из судебных актов легко узнать, был ли барон замешан в процессе.

Полицмейстер бросил на молодого человека взгляд, по которому можно было заключить, что если бы это было возможно, он не стал бы попусту терять время с таким упрямым; но вслух он сказал:

– В судебных актах вовсе не упоминается имя барона. Да если бы оно и фигурировало там, то он и его покойный тесть-министр постарались бы уничтожить все следы. Перед тестем же барону, безусловно, удалось совершенно оправдаться, так как именно с тем временем совпадает начало его блестящей карьеры.

– Весьма вероятно, – с холодной сдержанностью произнес Георг. – Впрочем, эти события, происшедшие так много лет тому назад, вам, конечно, известны лучше, чем мне. Я был тогда еще ребенком, а вы уже начинали свою служебную карьеру.

Полицмейстер увидел, что здесь ему не добиться желаемых сведений. Он прекратил свои попытки, и, обменявшись несколькими безразличными фразами, они расстались.

После того Георгу удалось всего лишь единственный раз за весь вечер приблизиться к Габриэли. Во время котильона, в котором Винтерфельд не принимал участия, она грациозно и легко, как эльф, подлетела к нему и пригласила танцевать. Во время этого тура по залу их взоры встретились; в его взгляде уже не было прежней мрачности, а на ее губах снова играла прелестная улыбка, исчезнувшая было при упреке Георга.

– Ты все еще ревнуешь меня к танцам? – шепнула Габриэль.

Георг не устоял перед этой улыбкой. Он ведь был молод и влюблен, и к тому же убедился, что был неправ, упрекая любимую девушку в столь естественном для нее веселье; она была так безмятежно счастлива, и он любил ее именно такой, со всеми ее шалостями и капризами.

– Моя Габриэль! – тихо, но с бесконечной нежностью прошептал он.

Она ответила легким рукопожатием. Примирение состоялось...

Было далеко за полночь, когда гости разъехались и залы опустели.

Баронесса Гардер тоже намеревалась удалиться. Она уже простилась с зятем и отдавала приказания слугам, а Габриэль пошла прощаться с бароном. Равен стоял со скрещенными на груди руками, как будто не замечая протянутой ему руки Габриэль. С холодным, непроницаемым выражением на лице он вполголоса сказал:

– Сегодня вечером я сделал странное открытие, Габриэль. Между тобой и ассессором Винтерфельдом установились отношения, не совместимые ни с его положением, ни с твоим в моем доме. Надеюсь, что такая свобода отношений возникла лишь из-за твоей неопытности. Во всяком случае ты объяснишь мне, как далеко зашло ваше знакомство.

Лицо молодой девушки покрылось густым румянцем, но необычный тон опекуна пробудил в ней все ее упрямство; она решительно выпрямилась и ответила:

– Если вам угодно, дядя Арно...

– Нет, не теперь, – с отрицательным жестом возразил барон. – Уже слишком поздно, да я и не хочу делать твою мать свидетельницей нашего разговора. Завтра утром я буду ждать тебя в своем кабинете, тогда ты мне ответишь на мой вопрос... Покойной ночи!

Он отвернулся от девушки и, не подав ей руки и не дав времени на возражения, направился в другой конец зала.

Габриэль смущенно молчала; строгость и суровость барона впервые коснулись лично ее, и на этот раз она почувствовала, что неизбежная катастрофа не пройдет легко, на что она по своей беспечности до сих пор надеялась.

Равен следил за ней взглядом, крепко сжав губы, словно сдерживая свой гнев или подавляя боль. Мрачные мысли проносились в его голове.

– Я должен добиться истины. Разумеется, здесь может быть... детская глупость! Мимолетная дорожная встреча, приукрашенная необходимой долей романтизма, через несколько недель все будет забыто. Тем не менее нужно позаботиться о том, чтобы от слов они не перешли к делу и вовремя покончить с этим...

Глава VII

Наступило туманное утро холодного сентябрьского дня, свидетельствующего о том, что летнему раздолью настал конец. Моросил мелкий дождь, горы были окутаны густым туманом, а в саду замка ветер уже срывал первые начинающие желтеть листья.

Барон Равен сидел один в кабинете. Довольно большая комната со сводчатым потолком и глубокой нишей единственного широкого полукруглого окна производила далеко не отрадное впечатление. Дорогая деревянная обшивка стен, тяжелая резная дубовая мебель, ценные портьеры в тон мебели, старинный черного мрамора камин – ничего светлого, яркого или блестящего. Письменный стол, заваленный бумагами, на полках книги по разнообразным отраслям знаний, карты, планы и рисунки, лежавшие на других столах – все говорило о самых различных запросах и проблемах, ожидавших здесь своего решения. На всем лежал отпечаток серьезной и непрерывной деятельности.

Обычно Равен много работал утром, сегодня же он сидел за письменным столом, опустив голову на руки и не обращая ни малейшего внимания на бесчисленные бумаги, лежавшие перед ним на столе. Лицо его было бледно, как после бессонной ночи, и выражение его – еще серьезнее обыкновенного. По-видимому, он был так погружен в свои мрачные мысли, что не слышал, как дверь кабинета отворилась и слуга, которого он посылал на половину баронессы, вошел с докладом, что молодая баронесса сейчас пожалует. Через несколько минут вошла Габриэль. На ней было простое белое утреннее платье, но ни простота одежды, ни серый пасмурный свет осеннего дня не могли омрачить ее сияющую прелесть. Вчерашнее празднество не оставило на девушке ни малейшего следа усталости или вялости. Лицо ее светилось свежестью, а на щеках играл легкий румянец от волнения, так как она догадывалась, о чем именно предстояло разговаривать с опекуном. Казалось, что вместе с этой легкой, светлой фигурой в мрачную комнату проник яркий солнечный луч, и в ней сразу стало гораздо светлее.

По-видимому, и на барона появление молодой девушки произвело такое же впечатление. Он встал и сделал несколько шагов ей навстречу, выражение его лица смягчилось, а голос звучал совсем не строго, когда он заговорил:

– Мне необходимо задать тебе несколько вопросов, Габриэль. Я еще вчера намекал тебе на это и ожидаю услышать от тебя полную правду.

Он пододвинул ей кресло и сам сел напротив. В том, как держала себя Габриэль, проглядывала самоуверенность, но никак не страх. Еще накануне вечером она ясно поняла, что на сей раз ей не удастся поставить на своем с помощью упрямства и нескольких слезинок, как это бывало, когда она имела дело с матерью, тем не менее она твердо решила открыто признаться в своей любви и энергично отстаивать ее. Романтическая сторона положения стояла для нее пока на первом плане, пересиливая тревогу перед надвигающейся катастрофой.

– Дело касается асессора Винтерфельда, – произнес барон. – Как я слышал от твоей матери, ты познакомилась с ним в Швейцарии. Он бывал у вас, и ты, вероятно, часто и просто виделась с ним?

– Да, – несколько разочарованно ответила Габриэль, убедившись, что разговор пока не имеет в себе ничего ни романтического, ни драматического.

– А с твоего приезда в Р., – продолжал опекун самым спокойным тоном, – ты часто встречалась и разговаривала с ним?

– Только два раза: первый раз, когда он сделал визит нам с мамой, а второй – на вчерашнем празднике.

Барон облегченно вздохнул.

– По-видимому, молодой человек оказывает тебе внимание, переходящее за границы обыкновенного ухаживания, – продолжал он. – И ты, как видно, не только допускаешь, но и поощряешь это.

Габриэль подняла на него взор, не выразивший ни малейшей робости, а лишь упрямство, и спросила:

– А если бы и так?

– В таком случае теперь самое время положить конец этому ребячеству, – резко возразил Равен. – Ты сама должна понять, что дело ни в коем случае не может принять серьезный оборот.

Молодая девушка с оскорбленным видом откинула назад голову. Наступил решительный момент, теперь необходимо было показать себя героиней и суметь внушить опекуну уважение к себе. Ведь он не имел ни малейшего представления о серьезности ее любви и смотрел на нее, как на мимолетное увлечение.

– Это вовсе не ребячество, – решительно возразила она. – Георг Винтерфельд любит меня.

Глаза барона сверкнули; он быстро поднялся с кресла, скрестил руки, как будто принуждая себя успокоиться, и голос его звучал глухо и грозно, когда он спросил:

– Он уже признался тебе в любви? Может быть, вчера, во время танцев?

– Он еще в Швейцарии сказал мне, что любит меня, – отрезала Габриэль.

– Так я и думал! – с едким сарказмом проговорил Равен. – Значит, между вами был разыгран настоящий роман, и все это на глазах твоей ничего не подозревающей матери? Впрочем, это похоже на нее... Меня, однако, не так легко провести, а если вы намереваетесь обмануть и меня, то должны внимательно следить за своими взглядами – вчера вечером они были слишком красноречивы. Я многое извиняю твоей юностью и неопытностью, Габриэль; нетрудно несколькими нежными фразами вскружить голову семнадцатилетней девушке, но эта романтическая игра в любовь слишком опасна, чтобы я мог позволить продолжать ее. Я напому асессору Винтерфельду о той преграде, которая отделяет его от баронессы Гардер – племянницы его начальника, и напому так, что он больше о ней не забудет. С сегодняшнего дня ты больше не увидишь его и не будешь говорить с ним, я запрещаю тебе это раз навсегда.

Равен тщетно старался сохранить в своей речи прежний саркастический тон: скрывавшееся под ним сильнейшее раздражение прорывалось наружу. Габриэль, конечно, не замечала этого и слышала в его словах лишь беспощадную насмешку. Зная, насколько подобный брак оскорбит гордость ее опекуна, она приготовилась к его упрекам, к вспышке гнева, а вместо того он обращался с ней и Георгом, как с детьми, которых необходимо с надлежащей строгостью наказать за проступок. Он презрительно говорил о «ребячестве», о «нежных фразах», считая себя вправе простым запрещением разрушить счастье двух людей. Это было слишком! В сильнейшем негодовании молодая девушка тоже поднялась с места и резко сказала:

– Ты не можешь сделать это, дядя Арно. У Георга есть на меня права, которые он во всяком случае будет отстаивать. Я дала ему слово и обещала свою руку, я – его невеста.

Она, ни минуты не колеблясь, объявила свое решение, ожидая взрыва гнева, но Равен не возразил ни слова; лицо его побледнело, а рука судорожным движением сжала спинку стула, возле которого он стоял, устремив на Габриэль какой-то странный взгляд. Она в смущении замолчала; то, что она теперь испытывала, был даже не страх, а скорее необъяснимая, тайная робость, которую вызывал этот взгляд и которую она тщетно старалась побороть. Это чувство походило на смутное предчувствие грядущей беды.

– Дело зашло дальше, чем я предполагал, – снова заговорил барон. – И ты сочла за лучшее скрыть это от матери и от меня?

– Мы боялись, что, заговорив о нашей любви, натолкнемся на отказ с вашей стороны, – тихо проговорила Габриэль.

– Так! Ну, а как ты думаешь, что будет теперь?

– Не знаю, но я решилась во что бы то ни стало принадлежать Георгу, потому что люблю его.

Гневным движением оттолкнул Равен в сторону стоявший перед ним стул, совсем близко подошел к молодой девушке и чуть не крикнул:

– И это ты осмеливаешься говорить мне? Ты смела без моего ведома и согласия дать слово, хотя прекрасно знала, что я никогда не соглашусь на этот брак, и теперь открыто идешь против меня? Ты рассчитываешь на доброту и снисходительность, которые я до сих пор выказывал в отношении тебя? Но с сегодняшнего дня со всем этим покончено. Не вызывай меня на борьбу, Габриэль, – тебе придется жестоко раскаяться.

У меня есть средства сломить упорство упрямого ребенка, и я беспощадно воспользуюсь ими и в отношении тебя, и в отношении Винтерфельда. Он должен будет отдать мне отчет в «романе», которым хотел одурачить тебя за спиной твоих близких, чтобы выманить у тебя обещание, не имеющее, впрочем, ни малейшего значения, поскольку ты еще не вправе располагать собой. Он рассчитывает на руку моей наследницы, чтобы с ее помощью достичь влияния и богатства, однако может жестоко ошибиться. Я один имею право решать вопрос о твоей будущности, находящейся всецело в моих руках. От меня одного зависит устроить тебе блестящее положение в свете, но за это я требую полнейшего повиновения. О таком браке не может быть и речи ни при каких обстоятельствах. Я отказываю в своем согласии, и тебе остается лишь подчиниться моей воле!

При этой вспышке гнева Габриэль отступила на шаг, но не сдалась. Она не испугалась ни повелительного тона, ни грозного взгляда, и с неожиданной энергией воскликнула:

– У тебя нет надо мной никаких прав, кроме права опекуна, но и оно прекращается с моим совершеннолетием! Моя будущность и положение в свете – дело Георга, и какими бы они ни были, я приму их из его рук. С его любовью не связано никакого расчета. Георг...

– Георг, все Георг! – гневно топнул ногой барон. – Я запрещаю тебе называть так этого Винтерфельда в моем присутствии. Повторяю, ты не будешь его женой...

Сверкнув глазами, молодая девушка гордо выпрямилась; она была скорее возмущена, чем испугана такой неудержимой запальчивостью.

– Дядя Арно, ты бесконечно несправедлив, ты... – начала она и вдруг замолчала: их взоры встретились, и страстное, жгучее пламя взгляда опекуна обожгло ее.

В этом взоре не было ни ненависти, ни гнева – в нем выражалась мучительная скорбь, безумное горе. Габриэль невольно прижала руки к груди, где, казалось, вся кровь прилила в эту минуту к сердцу, на миг у нее захватило дыхание, и она перестала осознавать, что делается вокруг нее, затем в ее душе точно сверкнула ослепительная молния, с неумолимой ясностью осветившая истину. Она побледнела, как полотно, и схватилась за спинку стула, ища опоры.

Это движение заставило барона опомниться. Он заметил бледность племянницы и приписал ее страху перед его резкостью. Этот человек, привыкший к строгому самообладанию, может быть, в первый раз в жизни вышел из себя. Он опомнился и употребил все усилия, чтобы побороть охватившее его волнение. Несколько минут длилось томительное молчание, одинаково тягостное для обоих. Равен подошел к окну и, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на тонувший в тумане ландшафт. Габриэль не двигалась с места.

– Я испугал тебя своей несдержанностью, – заговорил наконец барон, не оборачиваясь. – О таких вещах надо говорить спокойно, а мы оба теперь в неподходящем настроении. Завтра... или позднее... а теперь оставь меня одного, Габриэль!

Она повиновалась и молча направилась к двери, но здесь приостановилась. Как вчера во время танцев, так и теперь она, не видя его, почувствовала на себе его взгляд и, как тогда, повиновалась таинственной силе, заставившей ее встретить этот взгляд. Равен действительно отвернулся от окна и следил за ней глазами.

– Еще одно условие, – беззвучно проговорил он, уже вполне овладев собой: – Ни слова, ни строки ему. Я сам поговорю с ним.

Задумчиво вернулась Габриэль на половину матери. Баронесса, привыкшая вставать очень поздно, только что окончила свой утренний туалет. Выйдя в столовую к завтраку, она заметила отсутствие дочери, обыкновенно уже ожидавшей ее, и только собиралась обратиться с расспросами к слуге, как в комнату вошла сама Габриэль.

– Где ты пропадала, дитя? – воскликнула мать. – Я не допускаю мысли, что в такую погоду тебе вздумалось пойти гулять. И на что ты похожа? Отчего ты так бледна и расстроена? Что случилось?

– Ничего, – ответила молодая девушка необычно глухим голосом.

– Тебе наверное нездоровится, – сказала баронесса, озабоченно взглянув на дочь. – Вчера ты была еще очень разгорячена танцами, когда мы проходили по холодному коридору. Выпей немного горячего чаю, это будет тебе полезно.

– Благодарю, мама! Я лучше уйду к себе и прилягу. – Скажи дяде, что мне нездоровится, пусть он сегодня обойдется без моего общества. Я не могу остаться, – и она вышла из комнаты.

Баронесса очень удивилась, она так же не привыкла к странной замкнутости дочери, как и к бледности ее всегда цветущего личика. Вскоре слуга барона доложил, что его превосходительство просит извинить, если он не пожалует к завтраку. Баронесса покачала головой, но природа отказала ей в способности сопоставлять факты, поэтому ей и в голову не пришло искать во всем, что делалось вокруг нее, какую-нибудь внутреннюю связь. Она предоставила событиям идти своим чередом и молча уселась одна за стол.

В канцелярии тщетно ожидали появления начальника. Сегодня он не выходил из своего кабинета и приказал отдать важнейшие дела на рассмотрение советнику Мозеру. Советник, которому все-таки пришлось доложить начальнику о не терпящих отлагательства делах, вернулся из кабинета с очень серьезным лицом и заявил, что «его превосходительство сегодня крайне немилостивы». Действительно, барон выслушал его доклад с большим нетерпением и очевидной рассеянностью и слишком скоро отпустил советника. Мозер, всегда делавший вид, будто знает гораздо больше остальных служащих, намекнул на то, что получены важные официальные депеши. Чиновники начали перешептываться и строить всевозможные предположения.

Вскоре к губернатору позвали асессора Винтерфельда. В этом не было ничего необыкновенного, так как он должен был явиться к нему в тот самый день с докладом. Поэтому молодой человек без всякого дурного предчувствия, думая исключительно о своем докладе, спокойно вошел в кабинет начальника и, приведя в порядок бумаги, стал ожидать приказа приступить к докладу.

– Отложите это, – сказал Равен, – сегодня доклад не состоится. Мне необходимо поговорить с вами о другом.

Георг с удивлением взглянул на него и только теперь заметил, до какой степени изменилась манера барона держать себя. Несколько надменное спокойствие, с каким он обыкновенно обращался к своим подчиненным, на этот раз уступило место ледяной холодности. Он стоял, опершись о письменный стол, и, смерив взглядом стоящего перед ним молодого человека, хотел, казалось, разглядеть каждую его черту. В этом взгляде и во всей фигуре барона выражалась нескрываемая неприязнь.

Увидев это, Георг сразу понял значение слов, сначала показавшихся ему загадочными. Он догадался, что «немилость его превосходительства» относилась исключительно к нему, и понял причину этой немилости. Давно ожидаемая катастрофа наконец разразилась.

– Сегодня утром у меня был разговор с находящейся под моей опекой баронессой Гардер, – начал барон, – причем было упомянуто ваше имя. От вас не требуется никаких объяснений. Я знаю, что произошло, и хочу только спросить вас, каким образом удалось вам довести

молодую девушку до непростительного пренебрежения искренностью и уважением, с какими она должна относиться к своим близким.

Георг потупил взор: чувство чести подсказывало ему, что упрек был вполне заслужен им.

– Может быть, я был неправ, умалчивая до сих пор о случившемся, – ответил он. – Моим единственным извинением служит мое положение, еще не позволяющее мне открыто сделать предложение.

– В самом деле? А я думаю, что чувство, которое мешает вам сделать предложение, должно было бы помешать вам и объясняться в любви.

– Совершенно верно, ваше превосходительство, если бы объяснение явилось преднамеренным. Но этого не было – признание вырвалось у меня неожиданно, и лишь тогда, когда оно было высказано и принято, заговорил рассудок, и я должен был признаться себе, что не обладаю пока ничем, что оправдало бы мое предложение в глазах баронессы.

– Хорошо еще, что вы сами признались себе, а то я был бы поставлен в печальную необходимость объяснить вам это. Если даже моя племянница и обещала вам что-нибудь, то такое обещание, разумеется, не может иметь никакого значения, так как дано без согласия матери или моего; было бы просто-напросто смешно, если бы вы вздумали связывать с ним какие-либо надежды. Я сожалею, что моя племянница оказалась способной на подобное безрассудство, но вы, вероятно, и сами не думаете, что я стану серьезно считаться с этим.

От презрительного тона губернатора лицо Георга покрылось ярким румянцем.

– Не знаю, – взволнованно ответил он, – заслуживает ли насмешки или презрения серьезная, чистая привязанность, не допускающая ни одной недостойной мысли и свято чтущая ту, которая пробудила ее. Я до сих пор хранил ее втайне и побуждал фрейлейн Гардер делать то же только потому, что отлично знал, сколько понадобится времени и труда с моей стороны, чтобы устранить все препятствия; в то же время я понимал, что будут приложены все усилия, чтобы разлучить нас. Это – моя единственная вина, заслуживающая, может быть, и упрека, и порицания, но кто знает, что значит любить, тот не осудит меня слишком строго. Я вовсе не ожидал, что на нашу обоюдную склонность можно смотреть, как на романтический бред.

– За что же иное прикажете принять ее? – с угрозой спросил барон. – Я думаю, вы имеете полное основание быть мне благодарным за то, что смотрю на дело именно с такой точки зрения, ибо только на этом основании к вашему поступку можно отнести более или менее снисходительно. Если бы я полагал, что вы и Габриэль серьезно думаете о браке, то...

Он не закончил начатой фразы, но его взгляд досказал остальное в очень неблагоприятном для асессора смысле.

– Неужели вы, ваше превосходительство, предпочли бы, чтобы мы любили друг друга, не думая о том, что когда-нибудь соединимся браком? – спокойно спросил Георг.

– Вы забываетесь! – вспыхнул барон. – Не на мою племянницу, а на вас одного падает вся вина этой тайной помолвки. Молодая девушка еще не в состоянии взвесить все ее значение и все разделяющие вас обстоятельства, но вы – можете, и потому я требую от вас отчета. Вы один из самых молодых моих чиновников, без имени и положения, без средств и видов на будущее. По какому праву осмеливаетесь вы посягать на руку баронессы Гардер, привыкшей к блестящему положению и принадлежащей к совершенно другому общественному кругу, нежели вы?

– По тому же праву, которым воспользовался барон фон Равен, когда при подобных же обстоятельствах просил руки дочери министра, ставшей впоследствии его супругой, – решительно ответил Георг, – по праву будущего.

Равен закусил губу.

– Вы, кажется, видите в моей карьере естественный прообраз своей собственной? С вашей стороны несколько смело так бесперемонно ставить себя на одну доску со мной. К тому же ваше сравнение не из удачных. Я уже принадлежал к интимному кружку министра гораздо раньше, чем сделался его сыном. Я знал, что он одобрял мои планы, и получил его согласие на

брак прежде, чем объяснился с его дочерью. В подобных обстоятельствах это – единственный честный путь. Заметьте это себе!

– Ваше превосходительство поступили, конечно, гораздо корректнее и разумнее меня, но я люблю Габриэль.

Взор Равена с диким гневом устремился на смельчака, отважившегося напомнить ему, что его собственная помолвка была лишь делом расчета.

– Я попросил бы вас в моем присутствии говорить исключительно о баронессе Гардер, – сказал он. – Что же касается бескорыстия вашей любви, то неужели вам не было известно, что мою племянницу все считают моей единственной наследницей?

– Нет! Но я полагаю, что если подобное решение и существует, то оно будет изменено, как только баронесса вступит в брак без согласия опекуна.

– Ваше предположение совершенно верно, и вы настолько эгоистичны, что не задумываетесь отнять у существа, которое вы, как говорите, любите, все, что обеспечивают ей ее происхождение и родственные связи. Вы хотите заставить ее вести с вами жизнь, полную лишений? Самоотверженная любовь, нечего сказать! К счастью, Габриэль Гардер не так создана, чтобы согласиться на эту идиллию самоотречения, а я уже сам позабочусь о том, чтобы она не сделалась жертвой юношеского легкомыслия.

Георг молчал. Барон коснулся самого больного места – он часто сам чувствовал то, что барон выразил словами: Габриэль не была создана для «идиллии самоотречения».

– Кончим разговор, – сказал Равен, гордо выпрямляясь. – Я ни под каким видом не даю племяннице права решать вопрос о своей будущности без моего согласия и не допускаю осуществления желаний и надежд, которые для меня не существуют. Вы знаете, что права опекуна так же неограниченны, как права отца, и должны будете подчиниться этому. Я рассчитываю на ваше чувство чести и надеюсь, что вы не станете продолжать за моей спиной отношения, которые могут только повредить доброй славе молодой девушки, как уже повредили ее добрым отношениям в семье. Вы должны дать мне слово не стараться тайно искать сближения, которое я открыто запрещаю.

– Да, если мне будет разрешено еще раз повидаться с баронессой Гардер и поговорить с нею, хотя бы в присутствии ее матери.

– Нет!

– В таком случае я не могу дать требуемое слово.

– Подумайте о том, против кого вы восстаете! – предупредил барон, и в его голосе звучала недвусмысленная угроза.

Ясные глаза Георга бесстрашно встретили грозный взор начальника. Оба смерили друг друга взглядом, как два противника, пробующие свои силы перед схваткой. Вся фигура молодого человека выражала решимость и спокойствие, старший собеседник едва сдерживал волнение.

– Я восстаю только против жестокого и несправедливого приговора, – сказал Георг, отвечая на последние слова барона. – Ваше превосходительство имеет право разлучить нас, и нам приходится подчиниться необходимости, против которой мы оба бессильны. Но жестоко и несправедливо отказывать нам в разговоре, который, может быть, будет последним на многие годы. Я не знаю, каким образом будут стараться повлиять на фрейлейн Гардер, как объяснят ей мое насильственное удаление из этого дома. Но я должен по крайней мере сказать ей, что не отказываюсь от ее руки и приложу все усилия, чтобы заслужить эту руку. И я это сделаю устно или письменно, с согласия или без согласия вашего превосходительства!

Георг поклонился и вышел, не ожидая, чтобы начальник отпустил его.

Равен бросился в кресло. Разговор принял совершенно неожиданный для него оборот. До сих пор он знал Винтерфельда только по службе и смотрел на него, как на талантливого чиновника, но не считал его выдающейся личностью. Сегодня в первый раз оказались лицом к

лицу не подчиненный с начальником, а мужчина с мужчиной, и барон пришел к заключению, что под этой спокойной скромностью, за этим ясным челом таится энергия, не уступающая его собственной. Он привык справляться со всяким сопротивлением одной силой своей властной личности, но здесь напрасно призывал на помощь и эту нравственную силу, и преимущество своего служебного положения – ему не удалось ни запугать, ни унижить противника, и он вынужден был признать его равным себе во всех отношениях. Габриэль отдала свою любовь не недостойному человеку, и этот факт заставлял глубоко страдать барона. Много дал бы он за то, чтобы считать себя вправе смотреть на эту любовь, как на простое ребячество, и иметь полное основание разлучить молодых людей. Теперь у него оставался лишь один жалкий предлог – большая разница в имущественном и общественном положении, но он сам некогда доказал, как легко разрушить подобную преграду, имея сильную волю и запас энергии, хотя им и руководили совершенно иные побудительные причины.

Лучшее преимущество молодости – горячая, страстная любовь, не делающая различия между возможным и невозможным, до сих пор не была знакома Равену. Ради честолюбия он отказался от мечты о любви и счастье в то время, когда имел на них право; теперь же, в осеннюю пору его жизни, его посетили эти светлые грезы, окружая обманчивым ласковым сиянием, и овладевали всеми его помыслами, пока внезапно не пробуждался от них к холодной действительности. Молодость влекло к молодости, а стареющий человек оставался одиноким в апогее власти и успеха, от которых он в эту минуту, может быть, охотно отказался, лишь бы вернуть молодость...

Глава VIII

От Георга Макс услышал, что приговорен к изгнанию из дома Мозера, но не слишком огорчился.

– По правде сказать, я охотно вернулся бы туда, – смеясь, сказал он. – Этот восхитительный советник со своим бюрократическим величием представляет собой драгоценный тип, а молодая девушка действительно нуждается в разумном медицинском надзоре. Я вполне понимаю, как естественно, что «верноподданный своего всемилостивейшего государя» изгоняет из своего дома сына моего отца, но мне жаль, что моей врачебной практике в Р. так скоро пришел конец. Она обещала быть интересной.

Однако молодому врачу суждено было вскоре найти себе другую практику, которая как раз представляла чрезвычайно много интересного. Георг попросил его навестить жену одного бедного переписчика, уже давно страдающую изнурительной болезнью. Приглашенный к ней врач заходил лишь изредка и, пожимая плечами, заявлял, что «здесь уже ничего не поделаешь», а затем и совсем прекратил свои посещения, так как бедная семья не могла аккуратно платить за визиты. Макс тотчас же согласился на просьбу друга и уже на следующий день отправился в указанный домик, находившийся в предместье, у самой подошвы замковой горы.

Девочка лет десяти открыла молодому доктору двери довольно убого обставленной квартиры, а двое младших детей уставились большими удивленными глазами на незнакомого господина. В кресле сидела больная, обложенная подушками и завернутая в одеяла. Макс уже собирался подойти к ней поближе, как вдруг отступил, пораженный: возле больной сидела молодая девушка в темном платье монашеского покроя и читала вслух. Золотой обрез книги и крест на переплете не оставляли сомнения в том, что она читала молитвенник. Это была дочь советника Мозера. Она прервала чтение и, узнав вошедшего, в сильном смущении поднялась со своего места.

– Здравствуйте, фрейлейн, – спокойно проговорил Макс. – Простите, что потревожил вас, но я пришел сюда, как врач к больной; только на этот раз ожидали именно меня, и здесь нет никакого недоразумения.

Девушка сильно покраснела и молча отступила на несколько шагов. Доктор Бруннов представился больной, которая действительно ожидала его, так как ее предупредили о его приходе, и прямо приступил к делу, задав больной несколько вопросов и начав исследование. Он делал это не очень любезно и предупредительно, вовсе не думая о том, чтобы утешить больную, даже не особенно обнадеживая ее; но его короткие, ясные и решительные замечания и предписания имели в себе нечто удивительно успокоительное.

Агнеса Мозер в это время отошла в глубь комнаты и занялась детьми. Она не знала, что делать, уйти или остаться, и наконец решила на первое: надела шляпку и попрощалась с больной. Однако ее расчет своим уходом положить конец встрече с доктором не оправдался. В коротких словах повторив сделанные им указания и пообещав зайти на следующий день, Бруннов с крайней непринужденностью отправился вслед за молодой девушкой.

– Итак, я больше не смею считать вас своей пациенткой? – начал он, когда они вышли на улицу. – Ваш батюшка, по-видимому, обвиняет в происшедшем недоразумении меня, хотя я не подал к тому ни малейшего повода. Он довольно недвусмысленно дал мне понять, что мои дальнейшие посещения вашего дома для него нежелательны.

– Прошу извинить меня, господин доктор, – в мучительном замешательстве сказала Агнеса. – Виновата я одна: мне следовало спросить ваше имя. Но будьте уверены, что не недоверие к вашему искусству заставило моего отца отказаться от ваших советов. Совершенно иные соображения...

– Да, я знаю – политические причины, – с нескрываемой иронией перебил ее Макс. – Господин советник питает отвращение к революционному имени, которое я ношу, и упорно видит во мне опасного для правительства демагога. Я очень далек от мысли навязывать вам или ему свои советы, но все-таки мне хочется осведомиться о судьбе моего рецепта. Вы, разумеется, не воспользовались им?

– Почему же? Я принимала ваше лекарство.

– И оно принесло вам пользу?

– Да, мне с того времени гораздо лучше.

– Это меня радует. А мой коллега, который теперь лечит вас, согласился на то, чтобы вы следовали указаниям другого врача?

– В настоящую минуту меня никто не лечит, – призналась молодая девушка. – Доктор Хельм, которого сначала пригласили ко мне, был очень недоволен случившимся недоразумением; он ушел, как только прописал рецепт, и довольно холодно отнесся к извинениям моего отца, а так как на другой день мне уже стало лучше, то я думала... то я решила исполнять пока ваши предписания.

– Ну, и продолжайте это делать, – сухо проговорил Макс. – В пузырьке с лекарством нет по крайней мере ничего опасного для правительства.

Тем временем они подошли к замковой горе, и Агнеса приостановилась, в полной уверенности, что здесь ее спутник распрощается с ней, но он только проговорил: «Вы пойдете по парку? Это мне также по дороге», – и продолжал идти рядом с нею, как будто это было самое простое и естественное дело в мире.

Молодая девушка со страхом смотрела на него. Робость не позволяла ей отклонить его общество, поэтому она подчинилась неизбежному, и они вместе продолжали свой путь.

– Что касается моей теперешней пациентки, – снова заговорил доктор, – то ее положение, безусловно, опасно, но не безнадежно. Может быть, мне и удастся сохранить ее для семьи. А вы часто навещаете ее?

– До нас дошли слухи о бедственном положении этого семейства, – сказала Агнеса. – Мой отец знает мужа больной, иногда работающего на канцелярию, как честного и прилежного труженика; поэтому я решила навестить больную, чтобы хоть духовно утешить ее.

– Ну, духовное утешение здесь совершенно излишне, – произнес Макс. – Крепкий бульон и хорошее вино ей гораздо более необходимы.

Агнеса, по-видимому, намеревалась уже начать отступление, которым она еще в первое свидание с доктором выразила свой ужас перед его кощунственными фразами, однако на сей раз передумала; только ее кроткий, тихий голос звучал заметно тверже, когда она снова заговорила:

– И в этом отношении я кое-что принесла ей и буду приносить, сколько могу. Но я считала неотложно необходимым приготовить тяжело больную к переходу в лучшую жизнь, который, может быть, уже недалек.

– Странное занятие для девушки вашего возраста! – заметил Макс. – В ваши годы обыкновенно предпочитают заниматься исключительно земными делами, оставив в покое небесные радости.

Агнеса была видимо оскорблена этой насмешкой; обычная кротость покинула ее, и она ответила несколько раздраженным тоном:

– Я отказываюсь от мира и подобными духовными услугами подготавливаю к своему будущему призванию: я скоро постригусь в монахини.

Макс остановился, с величайшим изумлением глядя на свою спутницу.

– Это – неподходящее дело, – вдруг проговорил он. – Вы не очень крепкого здоровья, нежного сложения и нуждаетесь во внимательном уходе, если хотите поправиться, как следует. Монастырская жизнь с ее строгими правилами, замкнутостью и утомительными служ-

бами совершенно не для вас. Она, без всякого сомнения, вызовет у вас грудную болезнь – чахотку, и смерть.

Все это молодой врач проговорил с видом полнейшей непогрешимости, как будто в его личной власти было распоряжаться грозной судьбой, и его слова произвели должное действие. С испугом посмотрев на него своими темными глазами, Агнеса покорно опустила голову.

– Я не думала, что моя болезнь так серьезна, – чуть слышно промолвила она.

– Она несколько не опасна, если вы будете вести разумный и естественный образ жизни, но монастырская жизнь – верх неестественности и неразумия, и вы погибнете в первые же годы своего поступления в монастырь.

Агнеса остановилась в нерешительности – не следует ли ей поскорее бежать от этого доктора, в безбожии которого она теперь была вполне уверена, но в конце концов предпочла ближе познакомиться с его испорченностью.

– Вы ненавидите монастыри? – спросила она.

– Я призван бороться со страданиями и язвами рода человеческого, – лукаво произнес молодой врач.

– Вы и религию ненавидите?

– Ну, смотря по тому, что под этим словом подразумевается, да к тому же монастыри и религия – две разные вещи.

Это было уже слишком для будущей монахини. Она ускорила шаги, чтобы избежать опасной близости, однако Макс тоже моментально прибавил шагу, и они по-прежнему шли рядом.

– У вас, разумеется, совсем другие взгляды, – заговорил он, – но ведь вы воспитаны в совершенно иной обстановке, под влиянием совсем других идей, чем я. Что касается меня лично, то я очень хотел бы, чтобы все монастыри...

– Исчезли с лица земли? – дрожащим голосом перебила девушка.

– Ну, не совсем, – ответил практичный Макс, – было бы жаль лишиться таких чудных зданий. Можно было бы обратить их в нечто более полезное, да и для обитательниц их нашлись бы подходящие занятия. Например, монахинь можно было бы выдать замуж.

– Выдать... замуж! – повторила Агнеса, с ужасом глядя на спутника.

– А почему бы и нет? – спросил он с невозмутимым спокойствием. – Я не думаю, чтобы с их стороны часто встречалось сопротивление. И, может быть, самое лучшее было бы выдать замуж всех монахинь гуртом.

Агнеса почувствовала смутный страх, что судьба, грозившая всем монахиням, могла сделаться ее собственной участью. Она уже буквально бежала, но напрасно: рядом с нею бежал и Макс.

– Это было бы вовсе не так худо, как вы себе представляете, – продолжал он. – Все разумные люди женятся и в большинстве случаев очень довольны этим. Просто непростительно внушать девушкам отрицательное отношение к вещам, которые сами по себе абсолютно естественны и... Но знаете, фрейлейн, мне необходимо отдохнуть – я совсем задохнулся. Ну, слава Богу, ваши легкие совершенно здоровы, иначе вы не выдержали бы такого стремительного бега.

Агнеса тоже остановилась, потому что и сама уже едва переводила дыхание. Щеки девушки от волнения покрылись ярким румянцем, который удивительно шел к тонким чертам ее лица. Доктор Бруннов заметил это, но несколько не смягчился, а со строгим видом принялся считать пульс молодой девушки.

– Для чего так бесполезно утомляться! Я же сказал, что вам необходимо беречься! Теперь вы пойдете домой тихим шагом, и я попрошу бы вас впредь одеваться потеплее для прогулки. Продолжайте принимать мое лекарство; в отношении остального могу только повторить мои прежние предписания: воздух, движение, развлечения. Будете вы в точности исполнять это?

– Да, – ответила Агнеса, окончательно оробев от повелительного тона молодого доктора, который к тому же не выпускал ее руки.

– Я полагаюсь на ваши слова. Что касается моей новой пациентки, то мы можем разделить дело. Приготовляйте женщину к переселению на небо, а я стану делать все возможное, чтобы как можно дольше не пускать ее туда, и думаю, что муж и дети будут мне за это очень благодарны. Честь имею кланяться, фрейлейн!

С этими словами Бруннов приподнял шляпу и направился в город, а Агнеса пошла домой тихим шагом, как сказал доктор, но в глубине душе была возмущена. Во всяком случае, это был ужасный человек, без религии и без правил, высмеивающий и презирующий все святое и, кроме того, еще невероятно бесцеремонный. Впрочем, ничего иного и нельзя ожидать от сына человека, стремившегося ниспровергнуть государство и правительство и развивавшего в своих детях те же губительные наклонности. Советник описал все это своей дочери в самых черных красках. Она вполне соглашалась с ним, что следовало относиться с отвращением к таким людям, как Брунновы – отец и сын, – но все-таки решила на следующий день опять отправиться к больной. Ведь нельзя было пренебречь святой обязанностью, состоявшей в том, чтобы бороться с влиянием доктора, который, может быть, и вылечит свою пациентку, но в то же время повредит ее душевному спасению, признавая лишним всякое духовное утешение.

Глава IX

В комнате баронессы Гардер только что окончился довольно продолжительный разговор. Равен без обиняков рассказал ей об отношениях Габриэли и ассессора Винтерфельда, и баронесса была вне себя. Она действительно не имела ни малейшего понятия о случившемся. Ей даже в голову не приходило, чтобы молодой, не имеющий никаких средств ассессор мещанского происхождения рискнул поднять взор на ее дочь или чтобы ее дочь способна была ответить на такое чувство. Брак, о котором сейчас шла речь, казался ей одинаково и невозможным, и смешным, и она разразилась горькими сетованиями на непростительное легкомыслие дочери и «безумие» молодого человека, который мог подумать, будто баронесса Гардер доступна для него.

Равен долго хранил мрачное молчание, но наконец прервал поток ее слов:

– Покончим с объяснениями – все равно случившееся уже не изменить. У вас меньше всего оснований выходить из себя по поводу того, что из-за вашего безграничного невнимания произошло на ваших же глазах. Во всяком случае теперь необходимо прийти к какому-нибудь решению, и вот об этом я и хотел переговорить с вами.

– О, я счастлива иметь такого советника! Я сама знаю, что всегда слишком легко во всем уступала Габриэли, и теперь она считает себя вправе позволять себе со мной решительно все. К счастью, у вас гораздо более высокий авторитет. Будьте как можно строже, Арно! Поставьте преграду притязаниям этого дерзкого молодого человека. Я постараюсь объяснить дочери, до какой степени она забыла себя и свое положение, выслушивая подобные признания.

– Вы не сделаете Габриэли никакого выговора, – внушительно проговорил барон. – Упреки и выговоры только восстановят ее против нас. Да и вообще ее увлечение вовсе не так смешно, а молодой человек совсем не так незначителен, как вы полагаете. Напротив, дело крайне серьезно и требует немедленного энергичного вмешательства. Надо надеяться, что время еще не потеряно.

– Разумеется, разумеется! – поспешила согласиться баронесса. – Скорее всего моя легкомысленная Габриэль только поддалась внешним впечатлениям, была ослеплена признанием в любви. Молодые девушки ее возраста так любят изображать в жизни те романтические ситуации, о которых они читают. Габриэль опомнится и сама убедится, как глупо поступила.

– Я надеюсь на это, – сказал Равен, – и уже принял надлежащие меры, чтобы помешать им видаться. Ваше дело теперь – наблюдать за тем, чтобы между ними не было никакой переписки, и я уверен, что вы не дадите себя разжалобить никакими просьбами и слезами. Вы, конечно, понимаете, что мое духовное завещание только тогда сохранит свою силу, если я сам буду решать вопрос о будущем и браке Габриэли. Я не чувствую ни малейшего желания вознаграждать неповиновение моей воле, а еще менее намерен помогать своим состоянием ассессору Винтерфельду достигнуть богатства и видного положения. Габриэль еще слишком молода и неопытна, чтобы принимать в расчет подобные соображения, но вы можете вникнуть в это обстоятельство, и потому я позволю себе надеяться на вашу помощь.

Высказывая эту недвусмысленную угрозу, барон отлично знал, что делал. Ему были хорошо знакомы неограниченная власть Габриэли над матерью и бесхарактерность баронессы, которая сегодня жестоко осуждала какой-нибудь поступок дочери, а на другой день, под влиянием ее слез и уговоров, готова была уступить ей. Угроза барона делала подобную слабость невозможной, заставляя мать бдительно наблюдать за дочерью.

Услышав о возможной перемене завещания, баронесса побледнела.

– Я свято исполню обязанность матери, – воскликнула она. – Будьте уверены, что во второй раз я не позволю провести себя.

– А теперь я желал бы видеть Габриэль, – произнес барон. – Хотя она и заявила, что больна, но я знаю, что это только предлог для того, чтобы избежать встречи со мной. Передайте ей, что я жду ее здесь.

Баронесса поспешила исполнить желание своего зятя и через несколько минут вернулась в сопровождении дочери.

– Могу я попросить вас оставить нас одних, Матильда? – обратился к ней Равен. – Только на четверть часа. Прошу вас об этом.

Баронессе с трудом удалось скрыть обиду. Она, без сомнения, имела полное право присутствовать на предстоявшем судилище, и вдруг барон без всяких церемоний высылает ее из комнаты и оставляет за собой решительное слово, нисколько не уважая ее материнских прав! Однако его тон и манера обращения показывали, что сегодня он менее, чем когда-либо, способен вынести противоречие, и она подчинилась, или, говоря ее словами, «уступила, глубоко оскорбленная, этому неслыханному деспотизму» и вышла из комнаты.

Барон остался наедине с племянницей.

– Габриэль!

Она сделала несколько шагов по направлению к нему и остановилась, видимо робея.

– Ты боишься меня? – спросил он. Она отрицательно покачала головой.

– Так почему же ты так робко и молчаливо сторонись меня? Неужели я был с тобой так резок, что ты больше не решаешься встречаться со мной?

– Мне действительно нездоровилось, – тихо проговорила Габриэль.

Взгляд барона скользнул по юному личику, которое в самом деле было не таким розовым и свежим, как обыкновенно. На нем лежала какая-то тень, облако печали или беспокойства, совершенно чуждое этим веселым, улыбающимся чертам.

Взяв молодую девушку за руку, Равен почувствовал, что она дрожит и старается выскользнуть из его руки, но барон крепко держал ее, и голос его звучал холодно и спокойно, когда он снова заговорил:

– Я знаю, что тебя так напугало при нашем последнем разговоре, и игра в прятки здесь совершенно неуместна и бесполезна. Теперь, однако, тебе нечего больше бояться – все это уже прошло. Я требую от тебя, чтобы ты забыла свои девичьи бредни, и должен сам показать тебе пример того, как следует справляться с подобными увлечениями. Я мог на минуту забыть о своих и твоих годах, ты вовремя напомнила мне о том, что молодости нужна молодость, и я благодарен тебе за это напоминание. Забудь то, что открыл тебе тот миг, когда я не владел собой, – это не должно больше пугать тебя. Мне не раз удавалось справляться с более серьезными и глубокими чувствами, я привык подчинять свои чувства воле. Чудный сон кончился... потому что должен был кончиться.

Еще в начале его речи Габриэль подняла на него взор, в котором все еще виднелся робкий вопрос, но ничего не ответила, и ее рука бессильно повисла, когда он выпустил ее из своей.

– Ну, а теперь возврати мне свое доверие, дитя, – продолжал Равен. – Если я строго отнесся к тебе и твоей любви, то смотри на это, как на обязанность опекуна, который отвечает за вверенное ему юное существо. Можешь ты мне обещать это?

– Да, дядя Арно!

Молодая девушка произносила его имя с видимым колебанием. Та непринужденность, с какой она прежде обращалась к «дяде Арно», невозвратно исчезла.

– Я говорил с ассессором Винтерфельдом, – снова начал Равен, – я заявил ему, что самым решительным образом отказываю ему в согласии на брак с тобой. Я остаюсь при своем «нет», так как знаю, что подобный брак после короткого миража счастья окажется для тебя источником слез и горя. Ты воспитана в аристократических понятиях и среде, привыкла к богатству и роскоши и никогда не удовлетворишься другой средой. Все, что может дать тебе Винтерфельд, – это в лучшем случае скромный семейный очаг и самые ограниченные средства.

Ты вступишь в серенькую жизнь, полную лишений, и должна будешь расстаться со всем, что до сих пор было тебе необходимо и дорого. Существуют характеры, способные примириться с постоянными лишениями и самопожертвованием, но ты не из их числа. Тебе пришлось бы совершенно изменить свою природу, и я дал понять ассессору, какой страшный эгоизм с его стороны – требовать от тебя подобных жертв.

– Такие жертвы потребуются от меня ведь только в течение немногих лет, – возразила Габриэль. – Георг Винтерфельд лишь начинает свою карьеру, и мы надеемся на будущее. Он пробьет себе дорогу, как некогда сделал ты.

– Может быть, но может быть и нет. Во всяком случае, он не из тех натур, которые штурмом берут свою судьбу, свое будущее. Он достигнет его спокойной, неустанной работой, а на это потребуются долгие годы, и – что всего важнее – все это время он должен быть безусловно свободен и независим, как теперь. Заботы о семье, тысячи обязанностей и обязательств, которыми эти заботы опутают его, не дадут ему возможности исполнить свои честолюбивые замыслы и направят на ту будничную жизнь, где работают исключительно для того, чтобы жить. Тогда он будет навеки потерян для высших целей, а вместе с ним и ты. Конечно, ты не имеешь никакого представления о том, что значит всю жизнь ограничиваться суммой, которую теперь ты тратишь на одни наряды. Мне хотелось бы уберечь тебя от того, чтобы ты на собственном опыте испытала, насколько оправдывается в действительной жизни идеал «рая с милым в шалаше».

В глазах Габриэли заблестели слезы, когда опекун решительной, но жестокой рукой набросал перед ней картину ее будущего, однако она продолжала мужественно защищаться.

– Ты не веришь больше в идеалы, – возразила она, – ты ведь сам сказал мне, что презираешь свет и жизнь. Но мы верим и в то, и в другое, поэтому мы еще изведем и любовь, и счастье. Георг и не думал о том, чтобы теперь же просить моей руки, он знает, что это невозможно; но через четыре года я буду совершеннолетней, а он получит повышение. Тогда я стану его женой, и никто не будет иметь права разлучить нас... никто в целом мире!

Она проговорила все это торопливо и с необычайной страстностью, но в ее словах уже не слышалось прежнего упрямства и противоречия. Это был скорее бессознательный, робкий протест против того чувства, в котором она призналась матери во время сегодняшнего разговора: ей казалось, что барон обладает тайной властью, которая мучила ее и с которой она должна была во что бы то ни стало бороться. Сейчас она пыталась защититься от этого чувства любовью Георга, и только этим объяснялся резкий тон ее ответа.

На губах Равена промелькнула горькая усмешка.

– Ты, кажется, отлично знаешь, до каких пределов простирается моя власть, – сказал он. – Вероятно, тебе это не раз подробно объясняли, недаром же Винтерфельд – юрист. Хорошо, оставим это дело до дня твоего совершеннолетия. Если и тогда ты повторишь мне сказанное сегодня, я не буду мешать тебе, хотя с того дня наши пути разойдутся. Но до тех пор тебя не должны связывать никакое слишком поспешно данное обещание, никакие воображаемые узы; поэтому с этого дня Винтерфельд перестанет бывать в доме. Ты же пока совершенно свободна и можешь принять предложение всякого, чье общественное положение и личные качества дадут ему на это право. Я никогда не откажу в своем согласии на равный брак. Вот все, что я хотел тебе сказать.

Он говорил серьезно и холодно; ни малейшая дрожь в голосе, ни самое легкое подергивание губ не выдали, чего ему стоило последнее обещание. Чудному сновидению следовало положить конец, и Арно Равен был способен сделать это.

Он отворил дверь в соседнюю комнату, где находилась баронесса, к своему величайшему огорчению не расслышавшая ни слова из их разговора, так как тяжелые портьеры заглушали всякий звук.

– Мы закончили, Матильда, – сказал барон. – Отдаю вашу дочь под ваш надзор, но еще раз повторяю – никаких выговоров! Я не хочу этого. До свидания, Габриэль!

Глава X

– Ну, теперь я действительно начинаю терять терпение, – сказал Макс Бруннов, входя в квартиру своего друга. – Мне сдается весь мир разделяет взгляды советника Мозера, будто я опасен для государства лишь потому, что ношу фамилию Бруннов. Всюду смотрят на меня или подозрительно, или с величайшим уважением, смотря по тому, к какой партии принадлежат. И этих людей ни за что не уверишь в том, что я – только мирный врач, вовсе не думающий устраивать революцию или ниспровергать правительство, а, напротив, носящий в себе великолепнейшие задатки, чтобы сделаться образцовым гражданином. Никто этому не верит, и вот я со своими роковыми семейными традициями попал еще, как на грех, в пресловутый Р., который постоянно делает судорожные попытки отделаться от своего губернатора и при этом выказывает себя с самой революционной стороны. А его превосходительство сидит в своем седле как нельзя более крепко и при каждом прыжке упрямого коня глубже вонзает ему шпоры в бока. Этот сумеет справиться с вами!

Винтерфельд почти не обратил внимания на слова друга.

– Хорошо, что ты пришел, Макс, – уныло проговорил он. – Я только что собирался к тебе, поделиться с тобой новостью.

Макс взглянул на него внимательнее.

– Что случилось? У тебя какая-нибудь неприятность?

– Да, я уезжаю из Р. и, вероятно, навсегда.

– Да что случилось? Ты на самом деле хочешь уехать?

– Не хочу, а должен. Сегодня утром я получил извещение о моем переводе в столицу и о причислении к министерству.

– К министерству? – повторил Макс. – Что это – повышение или...

– Это – произвол губернатора, – с горечью произнес Георг. – Я должен уехать от Габриэли, необходимо сделать в будущем всякие отношения с ней невозможными. Равен прямо объявил мне, что беспощадно использует для этого свою власть, и поспешил исполнить угрозу!

– Ты полагаешь, что это – дело рук твоего начальника?

– Исключительно его рук. Он имеет в резиденции достаточно влияния, чтобы поместить меня на одну из открывшихся там вакансий, тем более, что это делается под предлогом поощрения старательного молодого чиновника. Я знаю, что о моем переводе до сих пор не было и речи, и он поразил меня. Конечно, мне следовало знать барона: он умеет попасть в цель. Со времени нашего последнего разговора я не видел с его стороны ни малейшего признака недовольства. Он избегал встречаться со мной, а если ему и приходилось иногда сказать мне несколько слов, то говорил их холодным, деловым тоном, без малейшего намека на случившееся. Тем же холодным и деловым тоном объявил он мне сегодня утром в канцелярии о моем новом назначении. Он даже прибавил несколько одобрительных слов по поводу доклада, который я составил для министерства и который, вероятно, послужил ему предлогом для моего перевода. В общем это назначение имеет вид отличия, и мои коллеги уже поздравляли меня с блестящей перспективой, открывающейся для меня в резиденции.

– Они совершенно правы, – заметил Макс, взглянувший, по своему обыкновению, на дело с практической точки зрения. – Может быть, у твоего принцепала и были свои личные побуждения, но он поступил вовсе не так скверно, открыв перед тобой двери министерства. Это почва, на которой он сам сделал свою блестящую карьеру. Что мешает тебе сделать то же самое?

– Но для чего же мне работать и пробивать себе дорогу, когда здесь у меня отнимут все, что делало мне дорогими и мою жизнь, и мое будущее? Я знаю, что потеряю Габриэль, если

оставлю ее на целые годы во власти того враждебного влияния, которое угрожает нашей любви. Такая натура, как ее, не может сопротивляться... а ее потери я не переживу.

Молодой врач, казалось, не понимал волнения своего всегда рассудительного друга.

– Ты совершенно не в себе, – сказал он. – А что думает о вашей разлуке юная баронесса фон Гардер?

Не знаю, мне ведь запрещено видаться с нею. Но я должен повидать ее и поговорить перед своим отъездом, во что бы то ни стало должен. Если мне не останется другого выхода, я прямо пойду к баронессе Гардер и добьюсь свидания со своей невестой.

– Не сердись на меня, Георг, но это бессмыслица. Баронесса, без сомнения, находится во власти зятя, а у того, как ты знаешь, ничего не добьешься. Давай поговорим о деле разумно. Прежде всего – когда тебе надо ехать?

– В ближайшие дни. Само собой разумеется, что позаботились найти мне такое место, которое требует немедленного и неотложного замещения.

– Следовательно, нельзя терять времени. Ты, кажется, был на днях у советника Мозера?

– Я относил ему несколько документов, которые брал к себе на дом.

– Хорошо! Тогда у тебя есть предлог сделать это вторично. По-моему, тебе следует взять самую толстую папку с документами, какая найдется у тебя в канцелярии, но устроить так, чтобы не застать советника дома. Это самое важное.

Георг, шагавший по комнате, в изумлении остановился.

– Но зачем?

– Подожди! Я составил великолепный план. Агнеса Мозер немного знакома с фрейлейн Гардер; советник представил свою дочь свояченице и племяннице барона, и молодые девушки несколько раз встречались и разговаривали.

– Откуда ты все это знаешь? – воскликнул Георг. – Мне казалось, что ты всего один раз видел Агнесу Мозер, во время того визита.

– Прошу извинения, я встречаюсь и говорю с нею почти ежедневно у моей пациентки, которую лечу по твоей просьбе; она заботится о душевном спасении больной, а я – о физическом благоденствии последней. И такое разделение труда оказалось весьма удачным.

– Но ты ни разу не сказал мне об этом ни слова!

– К чему? Ты влюблен, а влюбленные редко интересуются чем-нибудь разумным.

Винтерфельд пропустил мимо ушей заключающийся в этих словах намек, им всецело овладела мысль о свидании с Габриэлью.

– И ты думаешь, что молодая девушка, воспитанная, говорят, в строго монастырских правилах, согласится быть сообщницей в таком деле? – недоверчиво спросил он.

– Разумеется, это будет не так-то легко устроить, – задумчиво проговорил молодой человек. – Но я попытаюсь. В крайнем случае я позволю даже обратиться ко мне в христианскую веру, тогда она не будет думать ни о чем, кроме спасения моей души, и на все согласится. Ты еще не знаешь, что меня теперь обращают по всем правилам.

– Бедняга Макс! – сочувственно произнес Винтерфельд.

– Слушай, Георг, – серьезно сказал Макс, – это тоже одно из предвзятых мнений, будто обращение всегда является скучным и унылым занятием, – иногда оно очень даже приятно. Откровенно скажу, мне просто чего-то недостает, если я не бываю у своей пациентки, где Агнеса Мозер проделывает надо мной всевозможные опыты обращения. Пока она все еще считает меня закоренелым грешником и поэтому относится ко мне с отвращением. Однако мы уже изрядно продвинулись вперед: например, я основательно отучил ее от той святой кротости, которая в первые дни доводила меня до отчаяния. Она уже умеет очень мило упрямыться, и мы часто ссоримся самым освежающим душу образом.

Георг устремил на своего друга проницательный взор.

– Макс, – неожиданно произнес он, – насколько я знаю, у советника Мозера нет никакого состояния.

– Так что из того?

– Ну, я только вспомнил составленную тобой для женитьбы программу. Параграф первый: состояние.

Доктор Бруннов вскочил с дивана и широко раскрытыми глазами уставился на своего друга.

– Что тебе пришло в голову? Агнеса Мозер хочет быть монахиней!

– Я тоже слышал об этом, но монастырское воспитание вовсе не подходит к той «удобной жизни», какой ты ожидаешь от брака. Нежности от жены ты не требуешь, а что касается практических достоинств хозяйки дома и цветущего здоровья...

– Мне нет никакой надобности выслушивать от тебя подобные умные речи, – вспыхнул окончательно рассерженный Макс. – Я решительно не понимаю, каким образом ты дошел до таких совершенно неосновательных заключений! Ты, кажется, думаешь, что все люди должны быть влюбленными только потому, что ты и Габриэль влюблены друг в друга. Мы об этом вовсе не думаем. И вот благодарность за то, что хочешь помочь другу в нужде! Самые чистые намерения оказываются подозрительными. Я и Агнеса Мозер! Просто смешно!

Винтерфельду с трудом удалось успокоить взволнованного друга. Доктор снисходительно согласился забыть нелепое предположение и обещал Георгу свою помощь. Вскоре он отправился по обычной дороге к своей пациентке.

Больная действительно чувствовала себя прекрасно. Лечение, проводимое доктором, увенчалось таким успехом, на какой он вначале не надеялся. В здоровье больной ясно замечалось улучшение, и появилась основательная надежда на полное ее выздоровление. Сегодня, пользуясь солнечным днем, больная могла уже провести полчаса в маленьком садике возле дома.

В этом-то садике и прогуливались в самом миролюбивом настроении доктор Бруннов и Агнеса Мозер. За несколько недель знакомства они очень подружились, и непринужденность их отношений объяснялась твердым убеждением каждого, что он ничего не чувствует к другому. Агнеса делала усердные попытки спасти душу молодого врача, погрязшего в неверии и мирских заботах. Ей и в голову не приходило, что спасение чужой души могло оказаться опасным для нее самой.

До сих пор девушке представляли грозившую ей со стороны мужской половины рода человеческого опасность в виде льстивых фраз, любезности и учтивости. Если бы она заметила нечто подобное, то поспешно и испуганно ушла бы в себя. Но доктор Бруннов продолжал оставаться бесцеремонным, иногда бывал даже груб и этим качествам был обязан тем, что молодая девушка считала его совершенно безопасным. Что касалось его лично, то он не был влюблен, по крайней мере совершенно искренне возмущался подобным предположением. Его программа женитьбы, как известно, заключала в себе много полезных параграфов, но в ней вовсе не упоминалось о непрактичном идеализме любви; а так как Агнеса Мозер несколько не подходила под эту программу, то ни о какой любви, разумеется, не могло быть и речи.

Молодой врач вообще лечил своих больных очень удачно, и Агнеса тоже разительно поправилась в последние недели, вероятно, благодаря добросовестности, с которой исполняла все докторские предписания. На ее прежде бледных щеках играл слабый, но свежий румянец, взгляд стал оживленнее, поступь тверже, а обычная робость исчезла, по крайней мере в отношении доктора Бруннова. Безбожие Макса и стремление Агнесы обратить его очень часто сталкивались, и они так углублялись в эту интересную тему, что невольно сблизились. На сей раз молодая девушка тоже прочла своему спутнику целую проповедь, однако он отнюдь не казался подавленным. Напротив, его лицо выражало необычайное удовольствие, доставляемое ему богословским спором.

– А теперь я попросил бы вашего внимания к некоторым земным вещам, – сказал он, воспользовавшись наступившей в разговоре паузой. – Только учтите – то, что я собираюсь сообщить вам, – тайна, и я рассчитываю на ваше безусловное молчание – все равно, исполните вы мою просьбу, или нет.

Девушка широко раскрыла глаза, но, пообещав молчать, с напряженным вниманием стала вслушиваться в слова молодого доктора.

– Вы знаете Габриэль фон Гардер, – продолжал Макс, – и знаете также моего друга ассессора Винтерфельда. Я слышал от него лично, что он имел удовольствие видеть вас в доме вашего отца.

– Да, я помню, он однажды был у нас.

– Так вот, баронесса Гардер и ассессор любят друг друга.

– Любят друг друга? – повторила Агнеса, удивленная и смущенная, находя, по-видимому, этот предмет разговора не совсем удобным. – Да, они по-настоящему любят друг друга, – с ударением сказал Макс. – Но опекун молодой девушки, барон Равен, и баронесса Гардер противятся предполагаемому браку, потому что Георг Винтерфельд не может дать своей будущей жене ни положения, ни богатства. Что касается меня, то я с самого начала был ангелом-хранителем этой любви.

– Вы? – воскликнула молодая девушка, бросив на «ангела-хранителя» критический взгляд.

– Вам кажется, что во мне очень мало ангельского?

– Я думаю, что во всяком случае грешно любить кого-нибудь против воли родителей, – был ее немного резкий ответ.

– Ну, тут вы ничего не понимаете, – поучительно произнес молодой врач. – Об этом любовь вовсе не спрашивает, и в данном случае молодые люди совершенно правы. Что же прикажете делать, если родители или опекуны из пустых предрассудков и внешних побуждений разлучают два стремящихся друг к другу сердца?

– Надо повиноваться, – заявила Агнеса с торжественностью, которая сделала ее очень похожей на отца.

– Это совсем устаревшие понятия, – нетерпеливо сказал Макс. – Напротив, следует возмутиться и все-таки пожениться.

По-видимому, в последние недели Агнеса сделала значительные успехи. Она уже не отвечала покорным молчанием на неприемлемые взгляды доктора: она действительно уже научилась быть «премилой упрямицей» и теперь воспользовалась приобретенным умением.

– Наверно это вы дали такой совет господину ассессору? – сказала она.

– Напротив, я приложил все старания, чтобы хоть несколько образумить его. Но как бы то ни было, мой друг на этих днях уезжает из Р., и ему даже отказано в позволении проститься с невестой; однако он хочет и должен еще раз повидаться с ней и сказать ей последнее «прости». Знаете ли, есть нечто прекрасное в том, чтобы быть ангелом-хранителем чистой, истинной любви. Я знаком с этим чувством, так как сам давно испытываю его.

– Что вы хотите сказать? – спросила Агнеса, начиная вдруг что-то подозревать и сразу ускорив шаги.

– Сейчас объясню, – ответил Макс, тоже прибавив ходу.

Агнеса остановилась, по опыту зная, что убежать невозможно, так как доктор мог выдерживать любой темп. Она покорилась и стала слушать.

– Вы говорили мне, что баронесса Гардер как-то была у вас, – снова заговорил Макс. – Если бы это снова случилось и в то же самое время ассессор Винтерфельд...

– Без ведома баронессы! – воскликнула возмущенная Агнеса. – Никогда! Это было бы дурно и грешно.

Только вы один могли придумать такой план, но я никогда не сделаюсь его соучастницей. Я не хочу!

От волнения и негодования Агнеса вся покраснелась и бросила на доктора такой карающий взгляд, что ему следовало бы в сущности немедленно ретироваться, но Макс оставался прежним закоренелым грешником и смотрел на девушку с явным удовольствием.

«Какова упрямица! – подумал он. – Я ведь знал, что вся эта святая покорность и кроткое терпение просто внушены ей, и как только проклятое монастырское воспитание отходит на задний план, на сцену выступает нечто очень сносное. Мне придется изменить тактику».

– Итак, вы не согласны? – спросил он вслух.

– Нет! – решительно подтвердила Агнеса.

– В таком случае пусть свершится несчастье! Я употребил все усилия, чтобы отговорить своего друга от отчаянного шага, и надеялся с вашей помощью устроить ему хоть прощальное свидание с невестой. А если у него будет отнято это последнее утешение, я ни за что более не отвечаю. Он, вероятно, покончит с собой. Что касается Габриэли Гардер, то она вряд ли переживет его смерть и наверно умрет от горя.

– Разве можно умереть от горя? – спросила девушка, видимо испуганная.

– Я уже встречал в своей практике несколько таких случаев, – добросовестно солгал доктор. – И не сомневаюсь, что и здесь мы будем иметь дело с подобным явлением. Баронесса фон Гардер и барон фон Равен слишком поздно раскаются в своей жестокости, так же как и вы, потому что в вашей власти было спасти от отчаяния два бедных сердца.

Агнеса слушала его с глубоким удивлением – до сих пор она вовсе не считала доктора Бруннова таким чувствительным. А доктор ударился в сентиментальность, и так как ему это хорошо удалось, решился на смелый заключительный эффект.

– И я должен пережить подобный момент! – меланхолически произнес он. – Я, который надеялся вести своего друга и его будущую жену к алтарю!

– Вряд ли вы сделали бы это, – перебила его молодая девушка. – Вы ведь сами сказали мне, что никогда не ходите в церковь.

– Я сделаю это, если несчастье будет предотвращено, – сказал Макс. – И кроме того, свадьба – исключение.

При этих словах Агнеса насторожилась. Она слишком усердно относилась к делу обращения, чтобы не поспешить воспользоваться неожиданным счастливым случаем.

– Вы говорите серьезно? – торопливо спросила она. – Вы действительно хотите пойти в церковь?

– А вы исполните мою просьбу и возьмете на себя на четверть часа роль ангела-хранителя?

Агнеса задумалась. Бесспорно, немалый грех покровительствовать свиданию, которое было запрещено и матерью, и опекуном; с другой стороны, дело шло о том, чтобы спасти душу для вечной жизни, и это последнее соображение перевесило все остальные.

– Завтра воскресенье, – нерешительно проговорила молодая девушка. – Если вы придете в церковь на предобеденную проповедь...

– К ранней обедне? – поправил ее Макс, смутно припоминая, что эта служба, кажется, самая короткая.

– К предобеденной проповеди, – повторила Агнеса докторальным тоном, и было очень похоже на то, что она еще не вполне доверяет ему, или во всяком случае хочет сперва удостовериться в посещении им церкви, прежде чем решиться заплатить за исполнение ее просьбы. Поэтому она добавила: – Но надо выслушать всю проповедь с начала до конца.

– Ну если нельзя иначе, – вздохнул Макс, – то благослови, Боже!

Агнеса с удовольствием выслушала набожное восклицание. Она вся отдалась надежде, что проповедь приготовит с таким трудом завоеванную почву для насаждения в ней истинной веры, и с искренней радостью протянула своему бывшему противнику, ставшему теперь ее союзником, кончики пальцев, но тотчас же в этом раскаялась, так как Макс взял в свою ладонь всю ее руку и сердечно пожал ее...

На следующее утро, когда в соборе зазвонили колокола, советник Мозер под руку с дочерью направился в церковь. Внимание набожного старика было, разумеется, обращено исключительно на богослужение, поэтому он не заметил, что Агнеса, сидевшая обычно с благоговейно опущенными глазами, на этот раз оглядывалась по сторонам, как будто опасаясь или ожидая чего-то. Ей не пришлось долго искать: шагах в десяти от нее, вблизи кафедры, стоял доктор Бруннов и с таким же вниманием оглядывался кругом. Обе пары глаз, усердно искавшие друг друга, в силу необходимости должны были встретиться, и когда Макс увидел, как нежное личико при виде его осветилось радостным удивлением и вспыхнуло розовым заревом, когда он встретил благодарный взгляд темных глаз, которые никогда не казались ему такими красивыми и выразительными, как сегодня, – он забыл и о своей программе, и о ее параграфах, думая только о том, что и посещение церкви имеет свои очень приятные стороны. При этом он так решительно опустил на свое место, что можно было не сомневаться в том, что проповедь будет выслушана от начала до конца.

С благоговением или без благоговения, но он так и сделал, заставив этим одну из самых усердных посетительниц храма совсем забыть о должном внимании к проповеди.

В тот же день вечером состоялось условленное свидание. Мозер был приглашен к одному из своих сослуживцев и отправился в город. Фрау Христины также не было дома, так что не пришлось даже прибегать к вымышленным предлогам: вполне возможной случайностью объяснялось то обстоятельство, что визит Габриэли к Агнесе Мозер совпал с приходом ассессора Винтерфельда, не заставшего своего начальника дома.

– Прости, что я прибегаю к таким средствам, – торопливо заговорил Георг, оставшись наедине с невестой. – Мне не оставалось другого выбора, и я открыто заявил барону, что попытаюсь против его воли повидаться и поговорить с тобой. Я пришел попрощаться, может быть, на долгие годы.

Габриэль побледнела, и ее глаза с испугом устремились на Георга.

– Ради Бога, что случилось?

– Нас беспощадно разлучает воля твоего опекуна. Вчера он объявил мне о моем переводе в резиденцию с причислением к министерству. Ты видишь, как велико его влияние и как он сумел им воспользоваться, когда дело коснулось того, чтобы разлучить нас!

– Нет, нет, ты не должен уезжать! – со страхом воскликнула Габриэль, прижимаясь к нему, словно ища защиты. – Ты не должен теперь покидать меня, Георг! Не оставляй меня теперь одну!

– Почему же? – спросил он, пораженный ее словами. – Разве тебя так мучают из-за меня? Впрочем, этого следовало ожидать. Равен суров и неумолим до жестокости, если восстают против его воли. Тебя преследуют упреками, выговорами и угрозами, не правда ли, Габриэль? Пускают в ход все средства, чтобы сломить твое сопротивление? Говори, я должен знать всю правду!

– Ты ошибаешься, ни о чем подобном и речи нет. С того дня, как опекун заявил мне, что никогда не возьмет назад своего отказа, он ни разу не произнес твоего имени и просил маму избавить меня от упреков, которыми она сначала засыпала меня; но он обращается со мной с ледяной холодностью, а я... Георг, неужели тебе невозможно остаться вблизи меня?

– Я не могу сделать это, – ответил Георг, с трудом подавляя охватившее его глубокое волнение. – Я должен принять назначение, отклонить его невысказанно. При других обстоятельствах я радовался бы этой перемене – она открывает передо мной совершенно иную будущ-

ность, чем мое теперешнее положение в Р. Но я слишком хорошо знаю, что повышение имеет единственной целью отнять у меня самое дорогое мое сокровище – твою любовь, и навсегда разлучить нас. Твой опекун призвал себе на помощь двух могучих союзников – время и расстояние. Может быть, они и помогут ему одержать победу.

– Никогда! – страстно воскликнула молодая девушка. – Он не должен победить и не победит! Я обещала это тебе и сдержу слово.

Георг не заметил прозвучавшего в ее голосе тайного страха; он слышал в нем только непривычную силу воли, и его лицо просияло от счастья. Он боялся, что его возлюбленная так же по-детски, беспечно и равнодушно отнесется к разлуке, как прежде, когда она явно не понимала его печали. Сознание, что и она тоже чувствует муку расставания и с таким страхом стремится удержать его, делало его счастливым, а ее страстное обещание наполнило его душу неизведанным дотоле блаженством.

– Благодарю тебя, – с сердечным порывом произнес он. – Но ты так изменилась с тех пор, как мы виделись в последний раз. Куда исчезла ясная веселость моей Габриэли, которая могла улыбаться с невысохшими еще слезами на глазах? Ты как-то в шутку сказала мне: «Ты еще не знаешь моей настоящей натуры». Я действительно еще не знал ее, и только теперь понял это.

Габриэль ничего не ответила, но ее розовые губки, казалось, в самом деле разучились улыбаться, как будто их сковывало тайное горе, которое нельзя было высказать и тем облегчить душу.

– Прости, что я не умел ценить тебя, – с возрастающей нежностью продолжал Георг. – Сознаюсь, что часто сомневался в тебе и со страхом ожидал того часа, когда принужден буду вступить в неизбежную борьбу с твоим семейством. Теперь я вижу, что ты также можешь глубоко и серьезно чувствовать, и верю в тебя и твою любовь, даже в том случае, если сам Равен со всей своей властью встанет между нами.

При последних словах Габриэль вздрогнула, и слезы неудержимым потоком хлынули из ее глаз.

– Моя бедная Габриэль! – прошептал молодой человек, наклоняясь к ней. – Ты так не привыкла к страданию и горю, а я должен причинить их тебе! Но ведь мы ожидали того, что нам придется бороться за свою любовь; теперь это время наступило, мы должны все вынести и победить. Может быть, барон Равен когда-нибудь еще раскается, что взял на себя роль Провидения. Он этим приобрел себе лишнего врага и вовсе не такого незначительного, как думает.

Габриэль перестала плакать и, отняв у Георга свою руку, спросила:

– Вы стали врагами?

– Я уже давно был противником Равена. Он возбудил к себе много ненависти и вражды и пользовался своей властью таким образом, что она часто приносила вред его окружающим, а когда-нибудь принесет несчастье и ему самому. Он поступает неблагоразумно, удаляя от себя меня, которого он, как и многих других, покорял силой какого-то очарования; и от этого очарования я никак не мог избавиться, хотя и чувствовал, что оно парализует мою силу воли. Недавно доктор Бруннов предостерегал меня от демонической силы этого человека, она нередко заставляла меня восторгаться там, где следовало бы осудить. Теперь чары нарушены, а вдалеке, в резиденции, исчезнут и те отношения, которые связывали меня здесь с моим непосредственным начальством.

– Что ты хочешь сказать? Я не понимаю твоих намеков.

– Тебе и не нужно их понимать, – решительно объявил Георг. – Но обещай мне одно: что бы ты ни услышала обо мне, не думай, что мною руководит личная неприязнь или низкая месть за отказ в моей просьбе. Я уже давно решил вступить в борьбу с губернатором нашей провинции, так как эта борьба необходима, а кроме меня никто не осмеливался выйти на бой с могущественным Равеном. Я уже приготовил оружие, но тут я познакомился с тобой и узнал, что человек, с которым я намерен был бороться не на жизнь, а на смерть, держит в своих руках

все счастье моей жизни, и у меня не хватило мужества. Это было с моей стороны трусостью, но хотел бы я знать, кто на моем месте поступил бы иначе, у кого хватило бы силы воли разрушить все свои надежды на любовь и счастье, только что расцветающие для него? Теперь они окончательно разрушены. Твой опекун с беспрецедентной жестокостью отказал мне в твоей руке даже на будущее время, хотя у него самого оснований и прав было не больше, чем у меня, когда он сватался к дочери министра. Мы расстались открытыми врагами. С этого дня я буду руководствоваться лишь тем, что считаю своим долгом. А теперь прощай!

Габриэль удержала его.

– Георг, ты не должен так уходить от меня, с такими неясными угрозами, которые невыразимо пугают меня. Что ты хочешь делать? Я хочу и должна знать.

– Избавь меня от объяснений, – решительно сказал молодой человек. – Ради тебя самой я не смею делать тебя моей сообщницей. Ты еще не свободна, как я. Ты останешься здесь, в непосредственной близости своего опекуна, в ежедневном общении с ним. Ты считала бы себя виновной, если бы хоть мысленно приняла участие в чем-нибудь...

– Что угрожает ему? – прервала его Габриэль так странно дрогнувшим голосом, что Георг был озадачен.

– Ты говоришь о бароне Равене? – медленно произнес он. – Разве ты считаешь меня способным на бесчестный поступок?

– Нет, нет, но я боюсь за тебя, за нас всех!

– Будь спокойна, я всегда сражаюсь с поднятым забралом и говорю от имени сотен людей, которые сами не решаются заговорить. Губернатор Р-ской провинции может ответить мне, как ему заблагорассудится. Он – сильный мира сего, и его голос будет услышан раньше других; вся опасность исключительно на моей стороне, но зато на моей стороне и правда. А теперь прости меня. Если будет возможно, ты получишь от меня весточку из столицы, но если бы ты не получила даже ни одной строки, все-таки верь, что ты одна наполняешь все мои мысли и желания и что я никогда не откажусь от своих прав на тебя, если не услышу из твоих собственных уст, что ты отказываешь мне.

Он обнял Габриэль в первый раз после того дня, когда признался ей в любви. Прощание было коротким и горестным, еще несколько нежных, страстных слов, последнее пожатие руки, затем Георг вырвался из объятий невесты и ушел.

Габриэль опустила в кресло и закрыла лицо руками. Слеза за слезой катились у нее между пальцев, но этот плач был вызван не только разлукой. Другая, неопределенная скорбь сжимала ее сердце, грозя своей таинственной, но страшной силой заслонить все прошедшее.

Глава XI

Последние недели в доме Равена были не из приятных. Хотя с внешней стороны не произошло никаких перемен, и все продолжали видиться и разговаривать друг с другом и за столом, и во время приемов, но прежняя непринужденность уступила место натянутости отношений, тяжелым гнетом лежавшей на каждом члене семьи. Баронесса Гардер страдала от этого меньше других. Она не могла понять, как мог поверхностный, ребяческий роман Габриэли так глубоко огорчить Равена. По ее мнению, этому делу был навсегда положен конец запрещением барона и удалением Винтерфельда из Р. Габриэль, без сомнения, должна будет опомниться. К тому же она рассчитывала на одно верное средство, чтобы отодвинуть на задний план романтическую затею дочери: это средство заключалось в ухаживании молодого поручика Вильтена.

Его отец, полковник Вильтен, начал строить планы брака своего сына с племянницей губернатора с того вечера, когда заметил, как сильно тот был увлечен прелестной девушкой. Заметив, что Равен глух ко всем его намекам, полковник обратился к баронессе, и она отнеслась к его планам гораздо благосклоннее, поскольку такая партия могла бы удовлетворить самую требовательную мать.

Вильтены принадлежали к старинному роду и находились в родстве с самыми знатными семьями округа. Они не были особенно богаты, но этот недостаток сглаживался приданным Габриэли и предстоявшим ей наследством, если, как можно было ожидать, барон одобрит этот союз. Альберт фон Вильтен, молодой, красивый офицер, так же прекрасно ездивший верхом, как и танцевавший, был любезным кавалером, умел вести приятную беседу и, казалось, искренне полюбил Габриэль. Короче говоря, он обладал всеми качествами, которых баронесса Гардер требовала от своего будущего зятя.

Прежде всего баронесса позондировала мнение зятя. Однако он выслушал планы невестки с ледяным равнодушием. Правда, он заявил, что ничего не имеет против, но отказался от всякого участия в этом деле и предоставил все одной матери. Все-таки баронесса вынесла из разговора с ним утешительное сознание, что в качестве баронессы Вильтен ее дочь сохранит в неприкосновенности права, обещанные ей завещанием барона, и это устранило последние колебания. Габриэль, по-видимому, довольно охотно встречалась с молодым офицером, хотя держалась с ним официально, сдержанно и не придавала его ухаживаниям серьезного значения. Поэтому она не отказалась поехать с матерью, когда та приняла приглашение погостить в имении Вильтенов. Болезненная жена полковника проводила там обыкновенно все лето и еще не вернулась в Р., а так как осень обещала много прекрасных дней, то поручик Вильтен не успокоился до тех пор, пока не получил от баронессы согласия приехать к ним. Он, разумеется, немедленно взял отпуск, чтобы провести это время с дамами; полковник также освободился на некоторое время от своих служебных обязанностей. Таким образом, начало было положено, а остальное предоставили молодым людям.

Барон Равен, также получивший приглашение, извинился массой дел и необходимостью оставаться на своем посту из-за беспокойного настроения в городе. Дамы отправились одни, и Габриэль с облегчением вздохнула, когда экипаж выехал из ворот губернаторского дома. Она сильнее всех страдала от событий последнего времени, хотя Равен ни одним взглядом или словом не напоминал ей о той «минуте неосторожности», о которой она должна была забыть. Он не упоминал более имени Георга Винтерфельда с того дня, когда объявил молодой девушке, что ассессор уехал из города, чтобы вступить в свою новую должность в столице, но сам сделался еще более замкнутым и недоступным. Между ним и племянницей разверзлась, казалось, бездонная пропасть, исключавшая всякую возможность примирения. Его обращение с девушкой отличалось особой холодностью, и она с готовностью ухватилась за предложение матери, чтобы хоть на короткое время освободиться от общества опекуна. Равен также, по-

видимому, желал разлуки, а потому не возражал против их поездки и сразу дал свое согласие, когда баронесса сказала, что хочет уехать на две недели.

В последний день пребывания дам в имении Вильтенов губернатор сам приехал туда за ними. Баронесса немного простудилась и потому отказалась ехать несколько верст на лошадях при довольно холодной погоде. Она собиралась вернуться в город на другой день вместе с полковником и его супругой, а Габриэль должна была в тот же вечер отправиться домой с опекуном. Равен намеревался уехать сейчас же после обеда, и полковник Вильтен тщетно прилагал все усилия к тому, чтобы удержать его.

– Я не могу оставаться, – сказал Равен, прохаживаясь с хозяином взад и вперед по террасе. – При настоящих обстоятельствах я не решаюсь оставлять город на несколько дней и сделал все необходимые распоряжения даже на время такого короткого отсутствия, чтобы за мной могли послать немедленно, если что-либо случится.

– Разве положение так опасно? – спросил полковник.

– Опасно? – Равен пожал плечами. – Кричат и шумят больше прежнего и при всяком удобном случае дают мне почувствовать недовольство милого города Р. моей личностью и моим управлением. Некоторых из особенно громких крикунов, требовавших в общественном собрании моей отставки, я велел схватить и засадить, куда следует, и этим возмущаются на всех углах и перекрестках. Сам городской голова был у меня и требовал «во имя справедливости» освобождения задержанных. Я принужден был заметить этому господину, что мое терпение истощилось и что скоро я буду действовать иначе, чем до сих пор.

– Брожение продолжается уже несколько месяцев, – серьезно заметил Вильтен, – и если до сих пор дело не дошло до крупных столкновений, то мы обязаны этим исключительно искусной тактике полицмейстера.

– Но и он, и его помощники скоро будут не в состоянии справляться с волнением; полицмейстер слишком любит полумеры, и потому я не могу серьезно положиться на него. Что бы я ни приказал, я встречаю всегда покорную готовность, но как только дело доходит до исполнения этих приказаний, сейчас же встречаются препятствия, начинаются промедления, и мы не двигаемся с места. Я рад, что вы завтра возвращаетесь в город, а то мне пришлось бы попросить вас сократить ваш отпуск. Вы командир гарнизона, а я не знаю, не придется ли мне вскоре прибегнуть к вооруженной силе.

– Ваше превосходительство лучше сделали бы, если бы постарались избежать таких мер, – убедительно произнес полковник. – Результаты насилия потом трудно будет исправить, а вы знаете, что мои инструкции...

– Предписывают вам, чтобы гарнизон был в моем распоряжении, – прервал его барон.

– Нет, они предписывают мне оказывать вам содействие только в крайнем случае, и в Главном военном управлении желают по возможности не прибегать к крайним мерам. Вообще трудно определить границу, где кончается ваша ответственность и начинается моя. Я еще очень серьезно подумал бы, прежде чем прибегнуть к военной силе.

– Разумеется, – коротко возразил барон, – вы солдат и привыкли подчиняться дисциплине. Я же в занимаемой мною должности давно привык действовать свободно и независимо. Но будьте уверены, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы избавить вас от затруднения.

– Будем надеяться, что дело не дойдет до крайностей, – уклончиво ответил полковник. В эту минуту он менее всего желал рассердить барона. Как раз именно теперь он рассчитывал на его дружбу, а так как предвидел, что предмет разговора может только еще сильнее рассердить Равена, то поспешил переменить тему и перешел к тому, что его сейчас больше всего интересовало. – Во всяком случае я возвращаюсь завтра на свой пост. Мой Альберт уже несколько дней в городе. На этот раз ему было очень нелегко выбраться отсюда и вернуться к обязанностям службы. Он совсем очарован одной знакомой девушкой.

Равен молчал; он как будто случайно остановился у балконной двери и, слегка отвернувшись, смотрел в сад.

– Я позволяю себе надеяться, что вам не безызвестны желания и надежды моего сына, – продолжал Вильтен, – желания, которые вполне разделяем и я, и моя жена. Если бы мы при этом могли рассчитывать на вашу поддержку...

– Поручик Вильтен уже сделал предложение? – прямо спросил барон.

– Нет еще. Фрейлейн фон Гардер немного сдержанна, и потому Альберт не решился пока обратиться к ней со своей просьбой, к вам же он явится в один из ближайших дней. Он надеется, что вы замолвите за него слово; слово отца – сильная поддержка.

– Отца! – повторил Равен, и в его голосе прозвучала ирония.

– Или человека, заступающего его место. Баронесса также думает, что ваше слово будет иметь для ее дочери очень большое значение.

Равен провел рукой по лбу и медленно повернулся.

– Как только поручик Вильтен объяснится со мной, я передам Габриэли его слова и попрошу ответа. Но влиять на молодую девушку я не хочу и не могу.

– Об этом не может быть и речи, – возразил полковник. – Если молодая баронесса согласится, то прежде всего понадобится согласие опекуна. Баронесса обнадежила моего сына.

– Я уже сказал свояченице, что не имею ничего против, – ответил барон, губы которого дрогнули, как от скрытой боли, – но решение всецело зависит от Габриэли. Если мать хочет влиять на нее, пусть влияет, я же воздержусь от личного вмешательства.

Полковник, по-видимому, был удивлен и даже немного обижен таким холодным отношением к своим планам, но приписал это озабоченности Равена, вызванной событиями в городе.

– Я понимаю, что у вас теперь голова занята совсем иным, – сказал он. – Но если такая горячая натура, как мой Альберт, влюбится, то совершенно не спросит о том, благоприятствуют ли время и обстоятельства его сватовству, или нет, и ни за что не согласится ждать. Однако вернемся снова к отъезду: не лучше ли оставить ваших дам еще на некоторое время здесь? Пребывание в Р. теперь не особенно приятно, и моя жена с радостью согласилась бы продолжить свое пребывание в имении ради дорогих гостей.

– Благодарю вас, – уклончиво ответил Равен, – но мне не хотелось бы, чтобы говорили, будто мои родственницы не возвращаются в город потому, что я нахожу положение опасным. Подобные слухи уже ходят по городу, и теперь самое время опровергнуть их.

Полковник вынужден был согласиться. Отъезд был решен, и несколько часов спустя барон отправился с племянницей в город.

Стоял прохладный, немного ветреный осенний день; с утра дождик чередовался с солнечным сиянием, после обеда дождь перестал, но солнце, уже близившееся к закату, все еще боролось с тучами, застилавшими все небо. Равен по своему обыкновению приехал в открытой коляске, и прекрасные лошади с поразительной скоростью несли легкий экипаж. Большую часть пути спутники молчали; барон был, по-видимому, поглощен своими мыслями, а Габриэль молча смотрела по сторонам дороги. С гор дул резкий ветер, и молодая девушка плотнее закуталась в свою накидку. Равен заметил это.

– Ты озябла? – спросил он. – Мне следовало подумать о том, что ты не привыкла ездить в такую погоду в открытом экипаже. Я велю поднять верх.

Он хотел отдать приказание кучеру, но Габриэль удержала его.

– Благодарю, я сама предпочитаю свежий воздух закрытому экипажу, а накидка защищает меня от холода. Дядя Арно, – тихо, почти робко продолжала она, – у меня к тебе есть просьба. Если это близкое знакомство с семейством полковника Вильтена будет продолжаться и в городе, избавь меня от участия в нем.

– Почему?

– Потому что во время нашего пребывания в их имении я поняла, что мама преследовала определенную цель, принимая их приглашение, цель, которую и ты одобряешь.

– Я ничего не одобряю, – холодно ответил Равен, – твоя мать действует на свою собственную ответственность. Я тут ни при чем.

– Но ведь потребуется твое согласие, – возразила Габриэль. – По крайней мере, мама намекнула мне, что Альберт фон Вильтен скоро обратится к тебе с просьбой, которая...

– Касается тебя, – добавил Равен, когда она запнулась. – Это вполне возможно, но ты одна должна решить, каков будет ответ, и я попрошу молодого барона обратиться за ним к тебе.

– Избавь от этого и его, и меня! – воскликнула молодая девушка. – Ему так же оскорбительно будет услышать «нет» от меня, как мне неприятно произнести его.

– Значит, ты твердо решила отклонить его предложение?

– Зачем ты спрашиваешь об этом? Ведь я дала слово другому.

– Ты знаешь, что я не смотрю на слишком поспешно данное тобой обещание, как на нечто, связывающее тебя. «Потому что я дала слово другому» – звучит слишком формально. Прежде ты говорила: «Потому что я люблю другого».

Замечание, видимо, попало в цель – Габриэль сильно покраснела и ничего не ответила на слова дяди, но затем промолвила:

– Альберт фон Вильтен был мне до сих пор совершенно безразличен, но с тех пор как я знаю, что мне хотят навязать его в мужья, я почувствовала к нему отвращение. Я никогда не буду его женой.

Барон как будто вздохнул с облегчением, однако ответил прежним холодным тоном, которого придерживался во все время разговора.

– Я не хочу ни уговаривать, ни убеждать тебя. Если ты твердо решила отказать молодому Вильтену, то действительно лучше, чтобы предложение вовсе не было сделано. Я скажу полковнику, что он не должен более питать надежды; объяснение состоится уже завтра.

Равен откинулся на спинку экипажа, и снова водворилось прежнее молчание. Габриэль тоже теснее прижалась в угол коляски, не проявляя ни малейшего желания завязать разговор. В ней произошла огромная перемена, и произошла не со дня отъезда Георга. Еще раньше, гораздо раньше пробудилось в ней нечто загадочное, с чем она с самой первой минуты вступила в борьбу и что долго принимала за робость. Это нечто не имело ничего общего с тем радостным, блаженным чувством, которое озарило ярким светом душу молодой девушки, когда Георг признался ей в любви и со всем пылом молодости умолял о взаимности, а она, улыбаясь и краснея, произнесла страстно ожидаемое «да». Она часто вызывала в памяти воспоминание об этом часе, как будто пытаясь защититься от какой-то неведомой опасности, но напрасно. В такие минуты образ Георга отступал далеко назад, а иногда и совсем бледнел. Если причиной этого была разлука, почему же она бессильна против другого образа, страстного и мрачного, который выступал тем явственнее, чем туманнее становился первый?

Этот мрачный образ в последние две недели не покидал молодой девушки; ни лестные ухаживания молодого офицера, ни мысль о далеком возлюбленном не могли изгнать из ее сердца воспоминание, которое поглощало все ее мысли и чувства. Казалось, какая-то демоническая сила всецело овладела душой и сознанием девушки; веселость, шаловливость и детские капризы – все исчезло, а то, что пришло на их место – темное и загадочное чувство, скорее сродни горю, чем радости, ощущение которого она не понимала, – заставляло Габриэль страдать. Она еще продолжала бессознательно бороться с новыми переживаниями, не сознавая, или не желая осознать, какая опасность, грозившая ее любви и счастью Георга, таилась в них. Она лишь чувствовала, что и тому, и другому грозит опасность и что эта опасность является не извне.

Кони мчались все так же быстро, но до города было еще неблизко. Далекие долины, окруженные кольцом гор, уже красовались в своем осеннем убранстве, так как здесь, в горах, осень

заявляла свои права раньше, чем внизу, на равнине. Всюду пестрели осенние краски, от темно-коричневого до светло-желтого оттенка, а местами, сверкали ярко-красные или темно-пурпуровые пятна, обманывая глаз своим сходством с распустившимися цветами, последний блеск умирающей листвы. Вздвигаясь от дождей река стремительно несла вперед мутные волны. Горы окутаны туманным покровом, который то открывал, то закрывал их зубчатые вершины. Ниже, над покрывавшим горы лесом, толпились причудливых форм облака, а на западе закатывалось солнце, окруженное грозowymi тучами, через которые его последние лучи не в силах были пробиться.

Еще так недавно тот же самый ландшафт в совершенно ином виде расстился перед этими людьми, теперь молчаливо, как чужие, сидевшими рядом. Тогда перед ними лежала долина, вся залитая солнечным светом и полная благоуханий, высились голубые горы, за сверкающей далью, казалось, скрывался «целый рай счастья», а в глубокой прохладной тени старых лип сверкала светлая струя «Ключа ундины», навевая своим лепетом и журчанием сладкие, опасные грезы. Сегодня слышался лишь рев реки, густой туман застилал даль, горы были закрыты грозно нависшими облаками, а солнце не светило более и не грело, посылая земле свой прощальный привет.

Барон устремил пристальный взор на мрачный закат, а потом, точно насильно оторвавшись от своих мыслей, решился нарушить молчание.

– Небо предвещает бурю, – сказал он, обращаясь к своей юной спутнице. – Но она во всяком случае разразится не ранее ночи, а я надеюсь, что мы приедем в город до наступления темноты.

– Теперь, должно быть, в городе очень беспокойно, – заметила Габриэль, устремляя на опекуна вопросительный взор.

– Да, сегодня было несколько шумных демонстраций, – ответил он, – но они не имеют серьезного значения, и всему этому скоро наступит конец. Тебе не о чем беспокоиться.

– Но говорят, что все эти волнения направлены исключительно против тебя, – прерывающимся голосом проговорила Габриэль.

– Кто говорит? – нахмурился Равен.

– Полковник Вильтен не раз намекал на это. Правда, что в городе относятся к тебе враждебно?

– Я никогда не был популярен в Р., – спокойно ответил барон. – Вскоре после назначения сюда мне пришлось усмирять грозивший городу мятеж. Мне это удалось, но обычно не любят тех, кому что-либо удастся. Я лучше всех знаю, сколько неприязни и ненависти принес мне тогдашний мой образ действий и как упорно многие продолжают видеть во мне угнетателя, несмотря на то, что я сделал для процветания города и всей провинции. Мы всегда держались настороже друг к другу, но перевес постоянно оставался на моей стороне; так будет и на этот раз.

Габриэль вспомнила загадочные слова Георга, которым она до сих пор не находила объяснения. Тогда он решительно уклонился от ее расспросов, а прощание было так неожиданно, так внезапно! Оно длилось всего несколько минут, а потом он должен был уехать, оставив Габриэль в мучительном страхе. Теперь она знала, что барону грозит какая-то опасность, и решила предупредить его во что бы то ни стало.

– Но тебе приходится одному бороться против многочисленных врагов, – сказала она. – Ты не знаешь, не можешь даже предугадать, что они втихомолку затевают против тебя. А что если тебе грозит опасность?

Равен посмотрел на нее с нескрываемым удивлением.

– С каких это пор ты начала беспокоиться о подобных вещах? Прежде ты была далека от них.

Молодая девушка попробовала улыбнуться.

– В последнее время я думала о многом, что прежде вовсе не интересовало меня. Теперь дело идет о совершенно определенных угрозах.

– Которые дошли до тебя?

– Да.

– У тебя есть какая-то связь с резиденцией? – резко спросил барон.

– Я не получала оттуда ни строчки, вообще никакого признака жизни.

– Правда? – уже мягче произнес Равен. – Я предположил это потому, что ассессор Винтерфельд в настоящее время работает в министерстве, где найдет единомышленников, также считающих меня тираном, которому нет равных. На него лично я не могу быть за это в претензии, так как был принужден стать ему поперек дороги; этим объясняется его вражда ко мне и желание мстить, если это окажется ему под силу.

– Он никогда не сделает ничего низкого или бесчестного, – прервала его Габриэль.

– Могу тебя уверить, что я придаю очень мало значения ненависти и вражде господина Винтерфельда, – презрительно улыбнулся барон. – У меня бывали соперники позначительнее его, и я все-таки справлялся с ними. Ну, а если эти угрозы идут не из столицы, значит пустые толки, ходящие по городу, нашли дорогу и в имение Вильтона, но им недостает фактической основы.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что против меня охотно что-нибудь предприняли бы, но, вероятно, поостерегутся привести такие намерения в исполнение – меня достаточно знают и не могут сомневаться в том, что я сумею справиться с любым нападением. Если бы положение было действительно угрожающим, я не позволил бы тебе и твоей матери вернуться в город. Однако все эти дни вам придется отказаться от прогулок в экипаже, хотя надо надеяться, что такое положение продлится недолго, а в казенном здании, да еще в квартире губернатора, вы в безопасности от каких бы то ни было выходов черни.

– Но ты-то не в безопасности! – с возрастающим беспокойством воскликнула Габриэль. – Полковник уверяет, что ты бросаешься навстречу всякой опасности и никогда не слушаешь предостережений.

Равен медленно обернулся к ней и окинул ее мрачным взглядом.

– Но ведь это касается только меня одного... Или... ты боишься за меня?

Габриэль не решилась ответить, но ответ читался в ее глазах, с мольбой встретивших его взгляд.

Барон нагнулся к ней и, задыхаясь от волнения, повторил:

– Скажи, Габриэль, ты за меня боишься?

– Да, – дрожащим голосом прошептала она.

Это короткое слово произвело магическое действие. Габриэль снова увидела, как в глазах опекуна вспыхнул тот огонь, который уже однажды поразил ее. Этот полный горячей страсти взор растопил ледяной панцирь, в который заковал себя гордый, суровый человек. В одно мгновение рушилось все, что было достигнуто несколькими неделями строгого самообладания. Чудное сновидение не кончилось, как доказала мгновенная вспышка...

– Ты тоже, надо полагать, все последнее время считала меня тираном? – спросил Равен глухим голосом, в котором сквозило сильное волнение. – Может быть, ты когда-нибудь поблагодаришь меня за то, что я удержал тебя от слишком поспешного шага. Ты еще не знаешь ни себя, ни своего сердца, а между тем собралась связать себя на всю жизнь. Винтерфельд первый встретился тебе, когда ты перестала быть ребенком, первый заговорил с тобой о любви, и ты уверила себя в чувстве, которое никогда не существовало. Это была детская мечта, и ничего более.

– Нет, нет, – запротестовала Габриэль, тщетно пытаясь высвободить руку, которую крепко держал барон.

– Ты чувствуешь всю правду того, что я сказал, – продолжал он, – не отрицай! Но обещание может быть нарушено, а слово – взято обратно.

– Никогда! – страстно воскликнула молодая девушка. – Я люблю Георга, одного его и никого другого! Я буду его женой.

Равен тотчас выпустил ее руку, его сверкающий взгляд погас.

– В таком случае забудь на будущее время всякий страх и заботу обо мне – мне их не надо, – произнес он, и в его голосе слышалась безграничная горечь.

Остальную часть пути они проехали, не обменявшись более ни словом. Понемногу надвигались ночные тени, горы окончательно исчезли во мраке, а лежавший над полями туман становился все гуще. Когда они подъехали к Р., начало уже смеркаться. Экипаж только что миновал предместье и повернул на широкую улицу, ведущую к замковой горе. Другим концом она упиралась в одну из обширных городских площадей. Оттуда доносился сильный шум, и, несмотря на сумерки, можно было различить волнуемую толпу, заполнявшую всю площадь. Барон был поражен, когда до его слуха долетел этот шум; он высунулся из экипажа и пристально посмотрел в сторону площади, затем быстрым, тревожным взглядом окинул свою спутницу.

– Это очень некстати, – вполголоса проговорил он. – Лучше было бы мне оставить тебя с матерью!

– Что случилось? Есть какая-нибудь опасность? – бледнея, спросила Габриэль и снова вспомнила слова полковника Винтена о том бесстрашии, с каким губернатор в таких случаях ставил на карту себя и свою безопасность.

Равен заметил страх девушки, но приписал его ее боязни лично за себя.

– По-видимому, шум идет от городской тюрьмы, – сказал он. – По многим признакам я ожидал, что сегодняшний день пройдет спокойно, иначе, разумеется, не уехал бы. Но не беспокойся, тебе не угрожает ни малейшей опасности. Конечно, мне придется оставить тебя.

– Ради Бога, только не это! – воскликнула Габриэль. – Куда ты хочешь идти?

– Туда, куда зовет меня мой долг, на место беспорядков, а ты вернешься домой одна, тебя никто не тронет. Остановись, Иосиф!

Кучер натянул вожжи, и барон поднялся со своего места.

– Иосиф, ты как можно скорее отвезешь барышню в замок.

Он открыл дверцу экипажа, но молодая девушка в смертельном страхе схватила его за руку.

– Не оставляй меня! Возьми меня с собой!

– Что за глупости! – сказал барон, решительным движением освобождаясь от ее руки. – Ты поедешь в замок, а я приду туда, как только беспорядок будет прекращен.

Он вышел из коляски и хотел закрыть дверцу, но в ту же минуту Габриэль быстро выпрыгнула из экипажа и, став рядом с ним, прижалась к нему.

– Я не оставлю тебя одного в опасности! Я не боюсь, ничего не боюсь, когда ты со мной. Пойдем вместе!

Взгляд Равена вспыхнул – на этот раз в нем сверкнул луч восторга, страстного торжества.

– Ты не можешь сопровождать меня, – сказал он тем странным голосом, который Габриэль только однажды слышала из его уст – тогда, у «Ключа ундин». – Ты должна понять, что я не могу взять тебя туда, в это шумное сборище, где я, может быть, окажусь не в силах защитить тебя. Я не в первый раз вижу такие сцены и знаю, как обуздать толпу, но мне изменила бы привычная энергия, если бы я не знал, что ты находишься в полнейшей безопасности. Обещай мне спокойно вернуться домой и ждать меня там.

Он посадил Габриэль в экипаж. Она больше не сопротивлялась, понимая, что женщина не должна идти в мятежную толпу. Только смертельный страх мог внушить ей такую мысль, и этот страх так ясно выражался теперь на ее личике, что мужество Равена поколебалось. Он

почувствовал, что должен немедленно расстаться с нею, если не хочет уступить немой мольбе этих глаз.

– Я должен идти, – поспешно сказал он. – Прощай, будь спокойна!

Он захлопнул дверцу и сделал кучеру знак ехать дальше. Габриэль видела, как он быстрыми, решительными шагами направился к площади. Лошади тронулись, и экипаж с удвоенной скоростью понесся к замку.

Глава XII

Прошло более часа, а губернатор все еще не возвращался. В замке уже начали тревожиться его долгим отсутствием, зная со слов кучера, вернувшегося с одной молодой баронессой, что барон пошел на площадь, где собрались мятежники. В доме губернатора и ранее было известно о начавшихся в городе беспорядках, но подробностей никто не знал, поскольку служебному персоналу раз навсегда было запрещено покидать в подобных случаях замок, а из живших там чиновников никто не решился пойти на опасное сборище. Один советник Мозер, случайно попавший в город, по-видимому, задержался там, ожидая восстановления спокойствия, чтобы в безопасности пройти по улицам.

Кабинет барона был освещен. Только глубокая ниша полукруглого окна оставалась в тени, и в ней, наполовину скрытая тяжелыми портьерами, стояла Габриэль. Она не в силах была оставаться на половине матери и пришла в кабинет опекуна, потому что эта комната выходила окнами в сторону города. Наступившая темнота мешала наблюдениям, да и вообще замок находился слишком далеко от центра города, чтобы можно было видеть происходящее, но из окна кабинета виднелась по крайней мере освещенная дорога, ведущая на замковую гору. Каждый, кто шел по дороге, был замечен уже издали, и потому молодая девушка не двигалась со своего места у окна.

Это была уже не прежняя Габриэль. Безмолвная и бледная, с судорожно сжатыми руками, она, прислонившись к окну, не отрываясь, смотрела на дорогу, как будто ее взор мог проникнуть сквозь окружающую тьму. Это полное страха ожидание довершило то, что началось несколько недель тому назад – пробуждение от детских грез, которыми молодая девушка так долго обманывала и себя, и других. Все в ней и вокруг нее сияло солнечным светом до той минуты, пока единственный взгляд не открыл ей всю глубину до сих пор неизведанной страсти. С тех пор на ее жизненный путь упала первая тень и больше уже не сходила с него. Беззаботность бабочки, стремящейся прочь от всего, что казалось печалью или горем, исчезла вместе с солнечными лучами, освещавшими ее жизнь и то, что пробудилось в ее очарованной душе, было новым страстным ощущением молодого существа, которому суждена своя доля страданий и борьбы. Теперь, когда Габриэль впервые дрожала за чужую жизнь, находившуюся в опасности, она почувствовала, что значит для нее эта жизнь...

Прошло еще полчаса, губернатор все еще не возвращался, и не было никаких известий о нем. Габриэль открыла окно, надеясь услышать стук экипажа, который привез бы того, кого она ожидала, но на пустынной дороге было тихо. Наконец послышались страстно ожидаемые звуки, но не стук колес экипажа, а голоса и шаги нескольких человек, выступивших из темноты. Они подошли ближе, голоса доносились явственнее, и Габриэль не смогла сдержать крик радости: она узнала высокую фигуру Равена, поднимавшегося пешком по дороге в сопровождении нескольких мужчин. Через минуту он вступил в ярко освещенное пространство перед порталом замка.

– Благодарю вас, господа, – сказал он, останавливаясь. – Вы видите, что не было необходимости провожать меня, мы прошли всю дорогу без малейшей помехи. Я говорил вам, что мятеж усмирён, – по крайней мере на сегодня.

– Да, вы, ваше превосходительство, подавили его одним своим своевременным появлением, – раздался голос советника Мозера. – Уже собирались громить тюрьму и освобождать заключенных, когда вы так неожиданно появились. Я наблюдал с величайшим изумлением, как вы, ваше превосходительство, одним своим личным авторитетом усмирили бунтующую толпу и водворили порядок, между тем как полицмейстер со всеми своими помощниками напрасно старался сделать это.

Полицмейстеру, также сопровождавшему губернатора, это замечание, по-видимому, не особенно понравилось, так как он ответил со злобой:

– Вы, конечно, лучше всех могли судить об этом, господин советник, с приятностью сознавая себя в безопасности за окном дома, тогда как барон Равен и я находились в самом опасном месте.

– Я убедился в полнейшей невозможности добраться до своего начальника, – возразил советник, – иначе непременно попытался бы.

– Полноте! – прервал его барон. – С вашей стороны это было бы совершенно бесполезным риском, в то время как от меня и от полицмейстера этого требовал долг. Итак, пока придерживайтесь указанных мною мер, – обратился он к остальным, – я думаю, на сегодняшнюю ночь этого будет достаточно. Завтра возвращается полковник Вильтон, и я немедленно переговорю с ним, чтобы раз навсегда прекратить подобные сцены. Если беспорядки повторятся в каком-нибудь другом пункте города, уведомьте меня. Покойной ночи, господа! – и, простившись со своими спутниками коротким поклоном, он вошел в вестибюль.

Габриэль тихонько закрыла окно и собиралась уже выйти из комнаты, чтобы барон не застал ее здесь, но было поздно. Она услышала в соседней комнате его шаги, а затем голос:

– Как? Баронесса Гардер не у себя?

– Фрейлейн в кабинете вашего превосходительства, – ответил голос лакея, – и ожидает там уже более часа.

На эти слова не последовало никакого ответа, но дверь быстро распахнулась, и в комнату вошел Равен. Первый его взгляд упал на Габриэль, которая вышла из оконной ниши и стояла теперь перед ним, дрожа всем телом. Он догадался, почему она именно здесь ожидала его, и в одно мгновение очутился рядом с нею.

– Я хотел пройти в твою комнату, но узнал, что ты здесь, – сказал он прерывающимся голосом. – У меня не было ни малейшей возможности послать тебе успокоительное известие – бунт только что усмирен.

Габриэль хотела ответить, но голос не повиновался ей, губы ее не могли произнести ни звука. Равен смотрел на милое бледное личико, на котором еще ясно можно было прочесть всю муку последних часов. Он сделал движение, как будто намереваясь привлечь девушку к себе, но обычное самообладание взяло верх. Протянутая рука опустилась, и только глубокий вздох вырвался из его груди.

– А теперь, Габриэль, – сказал он, – повтори мне те слова, которыми ты на дороге оттолкнула меня от себя.

– Какие слова? – спросила смущенная девушка.

– Ту неправду, которой ты пыталась обмануть и себя, и меня. Повтори мне теперь с глаз на глаз, что ты любишь Винтерфельда, одного его, и хочешь принадлежать ему одному. Если ты сможешь сделать это, то не услышишь более от меня ни слова, ни жалобы, но повтори мне свои слова еще раз.

Девушка сделала шаг назад.

– Оставь меня! Я... Оставь меня, ради Бога!

– Нет, я не оставлю тебя, Габриэль! – воскликнул Равен в порыве неудержимой страсти. – Надо же когда-нибудь высказать то, что ты давно уже знаешь и что я узнал с того дня, когда первый раз заглянул в эти детские, лучистые глаза. Но ведь из твоих собственных уст я услышал, что ты любишь другого. Человек с седеющими волосами, старше тебя на целых тридцать лет, с горячей страстью в сердце, не встречающей взаимности, рисковал быть смешным, если бы открыл тебе всю правду. Я же клянусь Богом, не хотел быть смешным!

Сегодня я видел, как ты дрожала за меня и хотела броситься навстречу грозившей мне опасности, чтобы только не разлучаться со мной, и теперь ты не решаешься повторить те слова, потому что чувствуешь – они ложь, за которую мы оба платим своим счастьем. Теперь наконец

все должно быть выяснено между нами. Я люблю тебя, Габриэль, хотя и боролся с этой любовью всеми своими силами, всей своей гордостью. Чудное сновидение должно было кончиться. Я дорого заплатил за свою самоуверенность. В то время как я старался подавить страсть, она со страшной силой рвалась наружу, давая мне чувствовать всю свою власть. Я облакался в ледяную холодность и суровость в отношении тебя, искал спасения в разлуке, в борьбе с враждебными стихиями, которые как раз в это время со всех сторон обступили меня, но напрасно. Я расстался с тобой, но твой образ не покидал меня ни наяву, ни во сне; он преследовал меня и здесь, среди уединенных занятий, и среди самой кипучей деятельности, и когда я вступал в борьбу со своими противниками, твой образ появлялся передо мной, как солнечный луч, прорывающий грозовые тучи, окружившие меня, и увлекал все мои мысли и чувства к тебе, к тебе одной!

Ты должна стать моей – или нам придется расстаться навсегда, третьего решения быть не может, оно погубило бы нас. Ответь, Габриэль, кого ты любишь? К кому относились страх и нежность, которые я читал в твоих глазах? Я жду.

Габриэль, ошеломленная, слушала этот взрыв страсти, находивший слишком громкий отклик в ее собственном сердце. То, что высказывал Равен, было только отзвуком ее собственных чувств. Ока также боролась со своей любовью, также пыталась бежать от ее власти, уйти от которой оказалось невозможно. Перед этой горячей страстью, которая с какой-то первобытной силой вырвалась из души сурового человека, должно было исчезнуть все, что до сих пор казалось молодой девушке жизнью и любовью. Габриэль пробудилась, заглянув в глаза настоящей пылкой страсти, и хотя сознавала, что эта вулканическая натура со своей мрачной глубиной и всепожирающим пламенем скорее способна уничтожить ее, чем сделать счастливой, не чувствовала страха. То, что до этого дня она называла счастьем, побледнело и исчезло, как неясное видение, перед ярким светом, озарившим ее.

Она сделала последнюю попытку уцепиться за прошлое.

– Но Георг? Он любит меня и верит мне, он будет глубоко несчастлив, если я покину его.

– Не произноси этого имени! – сказал барон, и его взгляд загорелся ненавистью. – Не напоминай мне постоянно о том, что этот человек вечно стоит между мною и моим счастьем, – это может иметь для него роковые последствия. Горе ему, если он потребует, чтобы ты сдержала слишком поспешно данное слово! Я освобожу тебя от него волей или неволей. Что ты для этого Винтерфельда? Чем можешь ты быть для него? Может быть, он и любит тебя по-своему, но заставит тебя опуститься в будничную жизнь и ничего не даст тебе, кроме самой обыденной любви. Если он лишится тебя, то сумеет заглушить свое горе и найдет утешение в своей будущности, в своем призвании и в другой привязанности.

А я, – при этих словах голос барона упал, выражение ненависти исчезло с его лица и суровый тон сменился невыразимо мягким, – я никогда не любил, никогда не знал, что такое мечта и грезы. В неустанной погоне за властью и почестями я не знал потребности счастья, которая так поздно пробудилась во мне. Теперь, в осеннюю пору моей жизни, завеса упала с моих глаз, и я понял, что потерял и чем никогда не владел. Суждено ли мне действительно на веки потерять это? Не боишься ли ты той пропасти, что проложили между нами годы? Я не могу предложить тебе молодость – она прошла невозвратно, но то, что я теперь испытываю к тебе, горячее и сильнее всех юношеских грез и угаснет лишь с моей жизнью.

Скажи, что ты будешь моей, и я окружу тебя всем, что только могут дать любовь и обожание. Я отклоню от тебя всякую борьбу, всякую тень горя, и если нам действительно станет угрожать буря, тебя она не коснется, мои руки достаточно сильны, чтобы охранить любимое существо. Ты будешь только солнечным лучом в моей жизни, будешь только светить и греть. К чему я до сих пор ни стремился, чего ни достигал, мне всегда недоставало солнечного луча, и теперь, когда он засверкал передо мной, я не могу больше закрывать глаза. Габриэль, будь моей женой, моим счастьем... моим всем!

В словах барона звучала беспредельная нежность. Выражение бурной страсти растаяло в мягких, чарующих звуках низкого голоса, а его рука все крепче и крепче обнимала нежную фигурку и тихо, но непреодолимо привлекала ее к себе. Габриэлю овладело сладкое и жуткое чувство, как тогда, при журчании фонтана, и, как тогда, она покорно дала себя увлечь из яркого солнечного света, которым до сих пор жила, в неведомую глубину... Ей казалось, что в этой глубине она утонет, погибнет, но и тонуть, и погибать в этих объятиях было блаженством.

Стук в дверь заставил обоих вздрогнуть. Вероятно, стучались уже не раз, но без ответа, так как на этот раз постучали особенно сильно и настойчиво.

– Что надо? – нетерпеливо крикнул Равен. – Не беспокойте меня!

– Простите, ваше превосходительство! – раздался за дверью голос слуги. – Из резиденции только что прибыл курьер. Он получил приказание передать депеши в собственные руки вашего превосходительства и требует, чтобы его немедленно допустили.

Барон тихо выпустил девушку из своих объятий.

– Вот меня пробуждают от грез любви, – с горечью произнес он. – Нам не дают даже немногих минут счастья. Кажется, я вообще не имею права ни мечтать, ни любить... Пусть курьер немного подождет, – громко прибавил он, – я позову его.

Слуга удалился.

Повернувшись к Габриэли, Равен был поражен ее видом.

– Но что с тобой? Ты так страшно побледнела! Это какой-нибудь важный приказ из резиденции, касающийся лично меня, и ничего более. Но, конечно, он мог бы явиться более вовремя.

Габриэль действительно сильно побледнела. Этот стук, раздавшийся в ту самую минуту, когда она собиралась произнести «да», поразил ее, как предзнаменование какого-то несчастья, она сама не знала, почему именно теперь, при докладе слуги, ей вспомнились Георг и его прощальные слова. Теперь он находился в резиденции, а там замышлялось что-то против барона...

– Я уйду, – торопливо прошептала она. – Тебе надо принять курьера...

Равен снова обнял ее.

– И ты хочешь уйти, не дав мне ответа? Неужели я все еще должен сомневаться и бояться, что тот, другой, снова станет между нами? Иди, но оставь мне свое «да»! Ведь это слово можно произнести в одну секунду. Только одно это слово, и я больше не буду тебя удерживать.

– Дай мне срок до завтра! – голос девушки звучал трогательной мольбой. – Не требуй от меня немедленного решения, не настаивай на нем, Арно!

Луч счастья осветил лицо барона, когда он в первый раз услышал из уст любимой девушки свое имя без всякого прибавления, подобающего родственнику или опекуну. Он крепко и порывисто поцеловал ее в лоб.

– Хорошо, я ни на чем не настаиваю и верю только тому, что говорят мне твои глаза. Итак, до завтра! До свидания, моя Габриэль!

Он проводил ее до двери комнаты, ведущей в библиотеку, из которой был выход в коридор. Не успела молодая девушка пройти в него, как из кабинета раздался звонок, призывавший курьера. У Арно Равена действительно было слишком мало времени, чтобы предаваться любовным грезам, суровая действительность беспощадно пробуждала от них.

Габриэль заперлась в своей комнате. Решительное слово еще не произнесено, но само решение уже принято. Только что пережитый час разрушил мост, соединявший ее с прошлым, и возврата не было. Даже если бы в эту минуту сам Георг явился, чтобы предъявить и защитить свои права, было бы слишком поздно: он уже утратил Габриэль. Что оказалось невозможным для юноши со всеми его мечтами и сердечностью, того зрелый человек достиг своей поздней, но горячее страстью. Он завладел душой молодой девушки, не оставив в ней ни одного уголка для другого. Арно Равен приковал к себе все мысли и чувства девушки, и ему принадлежали даже ее сновидения, когда, далеко за полночь, она заснула коротким, тревожным сном.

Глава XIII

– Это неслыханная вещь! Ничего подобного никогда еще не было! Это ведь губит всякий авторитет, колеблет правительственную власть, потрясает основы государства... Это ужасно! – такими восклицаниями встретил взволнованный Мозер полицмейстера, спускавшегося по лестнице губернского правления после приема у губернатора.

– Вы говорите о волнениях в городе? – с насмешливой улыбкой спросил тот советника. – Да, вчера вечером было уже совсем плохо!

– Не о том речь! – отвечал Мозер. – Это – выходки черни, которую можно обуздать в крайнем случае при помощи военной силы. Но когда революция проникает в чиновничью среду, когда люди, призванные быть представителями и поддержкой правительства, нападают на него таким образом, тогда конец всякому порядку! Кто мог бы ожидать такого от асессора Винтерфельда, слывшего образцовым чиновником? Правда, он всегда был у меня на подозрении. Его неблагонадежность, его склонность к оппозиции и политически опасные знакомства уже давно внушали мне опасения, и я несколько раз высказывался в этом смысле перед его превосходительством, но барон не хотел ничего слышать. Он любил этого асессора; ведь еще так недавно он открыл ему путь к блестящей карьере, дав перевод в столицу, и вот теперь этот изменник платит ему такой черной неблагодарностью.

– Вы говорите о брошюре Винтерфельда? – спросил полицмейстер. – Разве она уже есть у вас? Она лишь сегодня могла появиться в Р.

– Я случайно получил ее через одного сослуживца.

Ужасная, возмутительная вещь! Явный мятеж! Там говорят по адресу его превосходительства такие вещи, такие вещи!.. Скажите, пожалуйста, как можно было отпечатать и распространить нечто подобное? Вы еще не приняли никаких мер для изъятия брошюры?

– У меня нет ни приказа сделать это, ни повода к тому, – спокойно возразил полицмейстер. – Брошюра появилась в столице, и слишком поздно принимать меры, которые воспрепятствовали бы ее распространению. Да и вообще теперь нельзя, как прежде, без всякой церемонии подавлять выражения недовольства, времена изменились. Однако что касается самого произведения, то я совершенно согласен с выраженным вами о нем мнением. Нельзя высказаться сильнее и откровеннее по отношению к представителю правительственной власти.

– И это сделал чиновник, работавший у меня на глазах, в моей канцелярии! – в отчаянии воскликнул Мозер. – Его сбили с толку, ввели в заблуждение! Я постоянно говорил ему, что связь с швейцарскими демагогами погубит его. Мне известно, кто настоящий виновник всего этого... Тот самый доктор Бруннов, который несколько недель назад приехал сюда под благовидным предлогом хлопотать о наследстве и все еще не намерен уезжать.

– Потому что ему чрезвычайно затрудняют и бесконечно затягивают получение этого наследства. Судьи принимают слишком близко к сердцу тот факт, что он сын своего отца и в данном деле является защитником его интересов; они относятся с предубеждением к молодому врачу. Право, он не так опасен, как вам кажется, господин советник.

– Этот Бруннов очень опасен! С момента его появления здесь начались беспорядки в городе, открытое неповиновение властям и наконец появился печатный пасквиль против особы его превосходительства. Я по-прежнему убежден, что этот человек прибыл сюда для того, чтобы возбудить беспорядки в Р. и в его провинции, и во всей стране!

– Почему же не во всей Европе? – насмешливо возразил полицмейстер. – Вы очень ошибаетесь: я приказал следить за Брунновым, и, смею вас уверить, он не дал ни малейшего повода к подобным подозрениям. Он не только не завязал здесь каких-либо политических отношений, но и не принял ни прямого, ни косвенного участия в беспорядках, а всецело посвятил себя

своим частным делам. Если я, в качестве полицмейстера, свидетельствую вам об этих обстоятельствах, то вы можете не сомневаться в них.

– Но ведь он – сын старого революционера, – упрямо стоял на своем Мозер, – и самый близкий друг асессора Винтерфельда.

– Это еще не служит доказательством его политической неблагонадежности. Ведь его отец тоже был когда-то ближайшим другом нашего губернатора.

– Что... что? Его превосходительство и Рудольф Бруннов...

– Были друзьями детства и университетскими товарищами, очень близкими при этом. Надеюсь, вы не станете обвинять барона Равена в революционных наклонностях! Однако у меня нет времени, до свидания! – и с этими словами, окончательно возмущившими Мозера, полицмейстер покинул губернское правление.

На обратном пути в городе он встретил городского голову.

– Вы были у губернатора? – спросил последний. – Ну, что он решил?

– То же, чем угрожал вчера: намерен принять самые крутые меры и, как только беспорядки возобновятся, подавить их вооруженной силой. Относительно этого уже сделаны распоряжения. Я как раз встретил полковника Вильтона, который прибыл в замок, чтобы лично переговорить с губернатором, и результат их переговоров не вызывает никаких сомнений.

– Этого не должно быть, – с беспокойством возразил городской голова. – Озлобление слишком велико, чтобы выступление войск могло сохранить вид простой демонстрации. Дело дойдет до кровопролития. Хотя я и решил не переступать порога замка, если меня не принудит к этому необходимость, но теперь не могу не сделать последней попытки, чтобы избежать несчастья.

– Лучше оставьте это, – посоветовал полицмейстер. – Могу заранее предсказать вам, что вы ничего не добьетесь. Барон сегодня не расположен к уступчивости, тем более, что он получил вести, которые надолго испортят его настроение.

– Знаю, – ответил городской голова. – Вы говорите о брошюре асессора Винтерфельда?

– А, и вы ознакомились с нею? По-видимому, ее отлично сумели распространить. Должно быть, опасаются конфискации и спешат предупредить ее. Но, по-моему, это излишнее опасение; в столице, кажется, весьма склонны предоставить событиям идти своим чередом.

– В самом деле? А что говорит по данному поводу сам Равен? Едва ли это совершенно неожиданно для него.

– Нет, все свидетельствует о том, что он поражен случившимся и не может скрыть свое бешенство. Мои намеки относительно этого встретили такой резкий отпор с его стороны, что я счел за лучшее замолчать. И в самом деле, печатное выступление против него отличается неслыханной смелостью. Такие вещи обычно выпускают в свет без подписи; дают пройти по крайней мере первой буре, прежде чем называют себя по имени; заставляют угадывать, кто автор, и только в силу необходимости раскрывают свой псевдоним. Винтерфельд же подписался своим полным именем, ни на минуту не оставив общество и губернатора в сомнении относительно того, кто такой нападающий. Не могу понять, как у него хватило смелости на столь решительное выступление против своего бывшего патрона. Он ведь бросает ему перчатку перед лицом всей страны – брошюра с начала до конца является обвинительным актом.

– И сплошной правдой, – добавил городской голова. – Молодой человек пристыдил всех нас. Нужно было уже давно сделать то, на что осмелился только он. Если тщетны были все протесты населения Р. и все представления правительству, следовало апеллировать к стране. Винтерфельд понял это и мужественно произнес первое слово. Теперь путь открыт, и все последуют за ним.

– Но при этом он поставил на карту всю свою будущность, – возразил полицмейстер. – Его брошюра слишком смела и будет дорого стоить своему автору. Равен не позволит безнаказанно оскорбить себя. Смелый противник может пасть жертвой своей дерзости.

– Или же наконец сломит могущество губернатора. Но как бы то ни было, брошюра произведет небывалую сенсацию и подольет масла в огонь.

– Я того же мнения, – согласился полицмейстер. – Само собой разумеется, что барон приложит все усилия к тому, чтобы остаться господином положения. Но пусть он делает это на свой собственный риск.

* * *

В рабочем кабинете губернатора в это время происходило вышеупомянутое совещание между ним и полковником Вильтеном. Бледное лицо и глубокая складка на лбу свидетельствовали о том, что барон встревожен, однако держал он себя с присущим ему спокойствием.

– Так и будет, – говорил он, обращаясь к полковнику. – Держите солдат готовыми к немедленному выступлению и не знайте пощады, если встретите сопротивление. Я беру на себя ответственность за все последствия.

– Если этого требует необходимость... повинуюсь, – нерешительно ответил Вильтен. – Вам известны мои сомнения.

– Я стою за крутые меры во всей их полноте. Нужно смирить мятежный город во что бы то ни стало. Теперь у меня больше, чем когда бы то ни было, оснований проявить свою неограниченную власть; пусть не воображают, что ее поколеблет коварный удар, направленный против нее!

– Какой удар? – спросил изумленный полковник.

– Вы еще не знаете последней новости, которой нас подарила столица? Рекомендую в таком случае прочесть брошюру асессора Винтерфельда, – сказал Равен саркастически, но вместе с тем весьма раздраженным тоном. – Ассессор почувствовал в себе призвание перед всей страной изобразить меня деспотом, который не признает ни чьих-либо прав, ни закона и стал злым роком для вверенной ему провинции. Брошюра включает полный список моих грехов: превышение власти, произвол, насилие и тому подобные боевые словца. Право, стоит прочесть это произведение, хотя бы ради того, чтобы подивиться, на что способен один из самых молодых и незначительных чиновников по отношению к своему бывшему начальству. Пока брошюра еще в руках немногих, но завтра с ней ознакомятся все жители города.

– Но, Боже мой, почему вы так спокойно допустили это? – воскликнул полковник. – Подобные вещи не появляются без подготовки, вы должны были быть осведомлены об этой брошюре.

– Разумеется. Я получил ее вчера вечером, приблизительно в то самое время, когда она уже распространилась в столице и была на пути сюда. Курьер вместе с ней привез мне «искреннее сожаление» министра о том, что там не могли помешать ее распространению.

– Странно! – удивился полковник.

– Более чем странно. В столице обычно прекрасно знают обо всем, что касается прессы, и не так легко выпускают в свет то, что может представить малейшую опасность. Все направленные против меня обвинения, содержащиеся в брошюре, очень легко было отнести к правительству, что послужило бы основанием для ее уничтожения. Но на сей раз, по-видимому, вовсе не желали этого и, опасаясь моего энергичного вмешательства, предпочли оставить меня в совершенном неведении. Только в последнюю минуту, когда было уже слишком поздно, сообщили мне о ее появлении.

– У вас слишком мало друзей в столице и при дворе, – произнес полковник. – Я уже давно говорил вам это: там изо дня в день интригуют против вас, пуская в ход все возможные средства, чтобы подорвать ваше влияние. А тут подвернулось пригодное орудие... Винтерфельд ведь причислен к министерству?

– Конечно, – с горечью ответил барон, – я сам открыл ему доступ туда... Я сам отправил в столицу доносчика.

– Вот и воспользовались этим молодым человеком, зная, что он из вашей собственной канцелярии. Его имя, возможно, лишь пристегнуто к этому выпад, а удар направлен с совершенно иной стороны.

– Нет, Винтерфельд не стал бы слепым орудием в чужих руках. Он действует по собственной инициативе. К тому же брошюра не могла быть написана в течение прошедших с его отъезда нескольких недель, для этого понадобилось несколько месяцев, а может быть и лет. Вот здесь, в моей канцелярии, почти у меня на глазах, составлялся план этого произведения, каждое слово которого указывает на длительную и тщательную подготовку.

– И ассессор ни вам, ни кому-либо другому не проговорился об этом? – спросил Вильтен. – Ведь были же у него знакомые, друзья...

Губы барона дрогнули, и его взор невольно остановился на оконной нише, из которой вчера вышла ему навстречу Габриэль.

– По крайней мере одного из его друзей я знаю, – глухо ответил он, – и потребую от него отчета. Что же касается лично Винтерфельда... ну, это потерпит, так как в настоящую минуту мне необходимо посчитаться с другими врагами. С ним же у меня может идти речь только об одном. Не стоит толковать о том, что ассессор Винтерфельд в своем благородном негодовании выставляет меня тираном и всю мою административную деятельность – злым роком города и провинции; другие считали так же. Серьезного внимания заслуживает лишь то обстоятельство, что он осмелился высказать свое мнение во всеуслышание и что эту дерзость не только претерпели, но, может быть, и одобрили. Я немедленно потребую полного удовлетворения от правительства, которое оскорблено вместе со мной, и если проявят намерение уклониться от ответа, то сумею принудить к нему силой. Уже не первый случай, что мне приходится ставить вопрос ребром перед столичными господами и очищать таким образом воздух от интриг, насыщающих его.

– Вы слишком серьезно смотрите на это, – стал успокаивать барона полковник. – До сих пор вы отражали подобные нападки своим непоколебимым спокойствием и пренебрежением. Почему же сейчас ложь и клевета выводят вас из себя?

– Кто говорит, что это ложь? – гордо выпрямился барон. – Брошюра дышит ненавистью, но в ней нет ни слова неправды, и я не намерен отрицать ни одного из приведенных в ней фактов. Я сумею защитить все, сделанное мною, но только перед теми, кто вправе требовать от меня отчета, а никак не перед первым встречным, которому вздумалось взять на себя роль судьи. А ему и его единомышленникам я дам ответ вполне по их заслугам.

В эту минуту их разговор был прерван: губернатору принесли донесение, полученное от полицмейстера. Полковник Вильтен поднялся, говоря:

– Пойду отдать необходимые распоряжения... Баронесса уже благополучно прибыла? Она приехала вместе с нами в город, но отклонила мое дальнейшее сопровождение до замка. А как поживает фрейлейн Гардер?

– Не знаю, – коротко ответил Равен, – я еще не видел ее сегодня и был слишком занят, чтобы встретить свояченицу. Позже я зайду к ним.

Они пожали друг другу руки, и полковник удалился. Тогда Равен возвратился к своему письменному столу, на котором еще лежали вчерашние депеши, и принялся за письмо министру.

Баронесса действительно приехала несколько часов тому назад, но была встречена только дочерью, что очень обидело ее. Она нашла в высшей степени бестактным со стороны зятя, что он не урвал хотя бы нескольких минут от дел, чтобы приветствовать ее. К тому же ее простуда усилилась из-за сегодняшней поездки. Баронесса объявила, что очень больна и расстроена, и

при первой возможности ушла к себе в спальню, чтобы «на свободе отдохнуть», чем весьма обрадовала свою дочь, предоставленную теперь самой себе.

Габриэль не могла скрыть от матери свое волнение и беспокойство. Барон сегодня вовсе не показывался и даже передал извинение за то, что не может выйти к завтраку. Правда, девушка знала, что вследствие вчерашних событий он был занят с самого утра, что всякие донесения, аудиенции и совещания беспрерывно сменяли друг друга в его рабочем кабинете, но все же считала, что он должен был найти время хотя бы на несколько минут зайти к ней.

«До завтра!» – эти слова, произнесенные со страстной нежностью, все еще звучали в ее душе. Это «завтра» наступило и наполовину уже миновало, а Равен не шел и не написал ей ни строки, ни слова, и это удручало девушку.

«Что случилось?» – неотступно думала она.

Подшло между тем обеденное время. Габриэль была одна в маленькой гостиной своей матери. И вот наконец она услышала в передней быстрые, твердые шаги, и ее бледное личико при звуке этих шагов вдруг покрылось густым румянцем. Страх, забота, беспокойство разом были забыты в ту самую минуту, когда дверь отворилась, и в комнату вошел барон.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказал он, – мы одни?

Габриэль утвердительно кивнула. Она хотела было поспешить навстречу барону, но замерла на месте, смущенная его суровым тоном. Только теперь она заметила, как резко изменилось его лицо. Это был совсем не тот Арно Равен, который вчера признавался ей в страстной любви, превратившей все его существо в пламенеющую нежность. Сегодня он стоял перед ней в мрачном спокойствии. Губы его были крепко сжаты, в неподвижном, мрачном лице не было и следа вчерашнего волнения, и взор, с угрозой устремленный на нее, горел гневным пламенем.

– Ты, может быть, ожидала меня много раньше, – продолжал барон. – Мне нужно было ознакомиться с некоторыми... новостями, а для нашего сегодняшнего разговора еще хватит времени. Конечно, излишне объяснять тебе, на что я намекаю; если ты и мало осведомлена о моих служебных делах, то сейчас так же хорошо, как и я, знаешь, о чем пойдет речь.

– Я? Нет, – ответила Габриэль прерывающимся голосом.

– Ты намерена запираться? Ну, об этом мы поговорим после. Прежде всего я хочу знать, что побудило тебя разыграть со мной комедию, в которой на мою долю выпала такая смешная роль. Берегись, Габриэль! Я уже вчера говорил тебе, что не гожусь для такой роли. Мужчина, видящий себя осмеянным и преданным, смешон лишь до тех пор, пока терпеливо сносит это. Я не намерен так поступать. Игра, затеянная со мной, может стать роковой как для тебя, так и еще для одного человека.

– Но что ты хочешь сказать? Я тебя не понимаю! – воскликнула молодая девушка, страх которой увеличился при этих загадочных намеках.

Равен подошел почти вплотную к Габриэли. Его пронизывающий взор не отрывался от ее лица.

– Что значили предостережения, которые ты делала мне вчера, во время нашей поездки? – продолжал барон. – Откуда тебе вообще было известно, что мне что-то угрожает, и почему ты так вздрогнула и смертельно побледнела, когда доложили о прибытии курьера из столицы? Говори!

Габриэль слушала его с возрастающим замешательством; она начала подозревать сущность вопросов барона, но их связь была совершенно непонятна для нее.

Равен, должно быть, убедился в этом, так как вынул из кармана брошюру и бросил ее на стол.

– Может быть, это произведение придет на помощь твоей памяти. Постыднейший, неслыханный выпад, сделанный против меня! Ты, вероятно, читала его в черновике; закончено оно было уже в столице, в министерстве. Не смотри же на меня так, как будто я говорю на каком-то чуждом тебе языке. Или тебе не известно имя, напечатанное на обложке?

Габриэль машинально взяла брошюру в руки, и ее взгляд упал на обложку, на имя, отпечатанное на ней. Она вздрогнув воскликнула.

– Георг! Итак, он сдержал свое слово!

– Сдержал свое слово! – с горькой усмешкой повторил Равен. – Следовательно, он дал тебе слово сделать это? Ты была его доверенной, его единомышленницей? Разумеется, как я мог сомневаться! Это ведь с первой минуты было ясно, как день!

Молодая девушка была слишком поражена, чтобы защищаться. Несчастное восклицание, вырвавшееся у нее, лишь усилило подозрение барона, что она – сообщница Винтерфельда. Наконец она ответила.

– Я предчувствовала какое-то несчастье, но не знала ничего определенного. Мне казалось...

Равен не дал ей договорить. Он судорожно сжал ее руку и взволнованно спросил:

– Неужели ты в самом деле не знала того, что затевалось против меня? Неужели твои вчерашние намеки были случайны и ненамеренны? Неужели при вчерашнем неожиданном известии, полученном из столицы, ты ни на минуту не подумала о том, что «слово» могло быть сдержано? Взгляни мне прямо в глаза и скажи «нет!». Я постараюсь поверить тебе.

Габриэль молчала. Мысль о том, что она и в самом деле знала о намерениях Георга, лишала ее самообладания. Немногие слова, сказанные ей Георгом при прощании, были роковыми для этого момента: они легли тяжелым гнетом на молодую девушку.

Равен не отрывал от нее своего взора. Он медленно выпустил ее руку и, отступив назад, укоризненно сказал:

– Значит, ты знала и с этим сознанием спокойно смотрела, как я боролся с безумной страстью и в конце концов был побежден ею. Ты заставила меня верить, что отвечаешь взаимностью на мое чувство, и этим довела меня чуть ли не до безумия, между тем как тайно считала часы и минуты до того момента, когда, по твоему мнению, должен был поразить меня смертельный удар. С этим сознанием ты лежала вчера в моих объятиях и выслушивала мои признания. Боже правый! Это уже слишком... слишком много!

Его голос звучал сдержанно и глухо, но в нем уже замечен был приближающийся взрыв гнева. Габриэль чувствовала себя совершенно беспомощной против этих обвинений, но все же попыталась защищаться:

– Арно, ты ошибаешься! Я не думала ни обманывать, ни предавать тебя. Если я и знала...

– Остановись! Я не хочу больше ничего слышать, с меня достаточно. Твое поведение было красноречивее всяких слов. Оправдывайся перед своим Георгом за то, что не смогла сохранить до конца его тайну. Он, может быть, простит тебя. Хотя это прощение все равно запоздало. Разумеется, я был несправедлив к нему, считая его ординарной личностью. Он выступает из обычной колеи и предпринимает такие вещи, на которые никто не дерзал до него и не так-то скоро дерзнет впредь. Он, может быть, делает себе этим карьеру. Вчера еще никто не знал о нем, а завтра его имя будет у всех на устах, потому что у него хватило смелости напасть на меня. Но он дорого заплатит за это... даю тебе слово! Я никогда не боялся никакой борьбы и ни одного противника. Вот и этот был встречен мною так же непоколебимо. Но мысль о том, что ты заодно с ним, что ты предала меня, доставила моим врагам хотя бы минутное торжество видеть меня лишенным самообладания.

При последних словах голос барона дрогнул. Сквозь гнев и ненависть человека, честь и любовь которого были смертельно оскорблены, прорвалось жгучее страдание, и оно заставило Габриэль позабыть обо всем остальном. Она подбежала к барону, положила руки на его плечи и хотела говорить, умолять его, но все было напрасно – резким движением он освободился от рук девушки и оттолкнул ее от себя.

– Ступай! Я уже однажды был глупцом, теперь конец обману. Я не дам вторично околдовать себя этим глазам, обманувшим меня своей робкой нежностью. Скажи своему Георгу,

что он, вероятно, не знал, что значит бросить мне вызов, теперь он узнает это. А что касается тебя и меня, то между нами все кончено.

Барон ушел. Дверь захлопнулась за ним. Габриэль осталась одна. Ее взор упал на брошюру, все еще лежавшую на столе, на имя, напечатанное на ней, но не видел ни того, ни другого. Она всецело была поглощена последними словами барона. Да, между ними все было кончено, и навсегда!

* * *

Опасения относительно спокойствия города в этот день слишком скоро оправдались. Военные приготовления намеренно проводились совершенно открыто, так как от них ожидали устрашающего воздействия, однако случилось совершенно противоположное – они только усилили всеобщее возмущение против губернатора. Правда, брожение происходило давно, но до открытого мятежа дело не доходило. Все слишком привыкли преклоняться перед силой и авторитетом Равена и, будучи не в состоянии сразу отделаться от этой привычки, ограничивались сердитым ворчанием. Воздействие энергичного и непреклонного характера губернатора на массы было пока достаточно для сохранения видимого подчинения. До сих пор он без особых усилий сдерживал грозную бурю, и еще только вчера сила его личности умиротворила толпу. Тем не менее по всему было видно, что она подействовала в последний раз.

Теперь брожение, по-видимому, достигло своего апогея. Аресты, произведенные по приказанию барона за несколько дней перед тем, раздули тлевший огонек в яркое пламя. Вчерашние беспорядки имели целью освобождение арестованных, и после того как губернатор ответил на все настоятельные представления непреклонным отказом, улегшееся было волнение вспыхнуло с удвоенной силой.

Наступил вечер. В губернском правлении замечались беспокойство и волнение. Все входы были заперты, и к ним приставлен караул. Слуги в боязливом ожидании толпились на лестницах и в коридорах. В окнах мелькали штыки солдат. Большой воинский отряд оцепил замковую гору, и это было сделано как раз вовремя для предупреждения опасности, угрожавшей замку. Толпа хлынула, но усилилось волнение в ближайших улицах, и можно было ожидать столкновения.

В квартире губернатора происходило оживленное движение. Полицейские чиновники и ординарцы то и дело являлись за распоряжениями. Мозер поспешил присоединиться к своему начальнику, возле которого всегда чувствовал себя в безопасности. Поручик Вильтен, командовавший частью войск, занявших замковую гору, также находился у барона. Несколько минут тому назад приехал в замок и городской голова, решивший предпринять последнюю попытку повлиять на барона, которой он не сделал утром.

Сам Равен оставался совершенно спокойным. Он хладнокровно выслушивал донесения и отдавал приказания, ни в малейшей степени не теряя самообладания. Окружающие никогда еще не видели его лица таким суровым и жестким. Бурные переживания последних суток запечатлели эту жестокость на его лице. Он выдержал в течение последних двадцати четырех часов страшную душевную борьбу, но для посторонних глаз оставался все тем же гордым бароном Равеном, который нисколько не поддавался тому, что сломило бы всякого другого.

– В последний раз прошу и требую, чтобы вы не доводили дела до крайности, – обратился к нему городской голова. – Пока еще не дошло до кровопролития, но через четверть часа, может быть, уже слишком поздно. Говорят, вы отдали приказ действовать беспощадно...

– Что же, по-вашему, мне отдать замок в руки толпы? – прервал его барон. – Ждать, пока ворвутся в замок и станут оскорблять меня в моих собственных комнатах? Мне кажется, я уже достаточно доказал, что не люблю окружать свою особу охраной, но я отвечаю за безопасность других и в особенности за правительственное здание. Это мой долг, и я исполню его.

– Да тут простая демонстрация, а не нападение толпы, – возразил городской голова. – Но пусть будет так – замку во что бы то ни стало должна быть гарантирована безопасность, и толпу необходимо оттеснить. Так ведь это уже сделано, вся замковая гора занята войсками, и можно ограничиться этим. Волнение же на улицах, внизу, совершенно безвредно, и оно уляжется само собой, если предоставить его своему собственному течению.

– Полковник Вильтен отдаст приказ очистить улицы, – с ледяным спокойствием заявил барон. – Если ему при этом будет оказано сопротивление, он прикажет действовать оружием.

– Тогда произойдет непоправимое несчастье. Солдаты заняли все выходы из улиц, ведущих к замку. Толпа окружена, и ей некуда будет спастись бегством. Не допускайте этого, ваше превосходительство! Дело идет о жизни нескольких сот людей.

– Дело идет о спокойствии и безопасности города, который не должен пребывать под угрозой бунта черни! – Голос барона звучал железной решимостью. – Я достаточно долго медлил с принятием этих мер, но раз они приняты, то должны быть проведены до конца. Если улицы будут очищены без всякого сопротивления, то не о чем и беспокоиться; в противном случае за последствия пусть ответят сами мятежники!

В этот момент дверь отворилась, и вошел полицмейстер.

– Ну, как дела? – спросил Равен.

– Я отозвал своих людей от главных пунктов, – ответил полицмейстер. – Нам все равно ничего не сделать там, беспорядки с каждой минутой растут; толпа, по-видимому, готовится оказать сопротивление. Я только что приказал перенести в замок несколько раненых. В данную минуту положительно невозможно отправить их в город, и потому придется пока оставить их здесь.

– Уже есть раненые? – воскликнул городской голова. – Десять минут тому назад, когда я проходил замковой горой, еще не было столкновения.

– Оно было немного раньше, еще перед выступлением войск, когда нам одним пришлось выдержать натиск толпы, – ответил полицмейстер. – Двое моих полицейских были довольно тяжело ранены при этом. К сожалению, пострадало еще третье лицо, совершенно не причастное к беспорядкам, а именно один молодой врач, поспешивший на помощь раненым и перевязывавший их. Он уже собрался уходить, когда был тяжело ранен камнем. Это тот самый доктор Бруннов, о котором мы говорили с вами сегодня утром, – прибавил полицмейстер вполголоса, обращаясь к Мозеру.

– Кто? – спросил последний, оживляясь при этом имени.

– Молодой врач, несколько недель тому назад приехавший сюда, Макс Бруннов. Его отец живет в Швейцарии, куда он был вынужден бежать, будучи замешан в революционном движении.

Полицмейстер произнес эти слова совершенно спокойно и как будто без всякой задней мысли, но взор его пытливо устремился на лицо барона, и только он один заметил едва уловимую тень на лице губернатора и расслышал взволнованную нотку в его голосе, когда он спросил:

– Молодой человек тяжело ранен?

– Возможно, даже смертельно. Он без сознания, брошенный камень попал ему прямо в голову.

– Для ухода за ранеными будет предпринято все возможное. Я сам... – Барон сделал было несколько шагов по направлению к двери, но одумался и остановился. Удивленный взор городского головы и пытливый взгляд полицмейстера, должно быть, напомнили ему о том, что такое участие было бы слишком резким контрастом с тем равнодушием к чужой жизни, которое он только что проявил. – Я сам сейчас отдам необходимые распоряжения дворецкому, – уже медленнее прибавил он, берясь за звонок.

– Дворецкий уже сделал все нужное, – заметил полицмейстер. – Вам не стоит утруждать себя, ваше превосходительство!

Барон молча подошел к окну. Не было ли предостережением то, что как раз в этот момент в его памяти воскресло имя его друга, воскресло воспоминание о том, что и он сам, Арно Равен, когда-то принадлежал к тем «мятежникам», которых теперь приказывал расстрелять губернатор барон Равен...

Наступила томительная пауза.

– Я возвращаюсь в город, – наконец прервал молчание городской голова. – Неужели, ваше превосходительство, последние ваши слова будут вашим окончательным решением?

Барон обернулся. В его душе происходила борьба, и все же он холодно ответил:

– В городе командует полковник Вильтен; я не могу вмешиваться в его распоряжения, военные меры всецело зависят от него.

– Полковник действует по вашему приказу. Достаточно одного вашего слова, и он удержится по крайней мере от вооруженного вмешательства... Скажите это слово! Мы ждем его.

Прошло еще несколько секунд. На лбу губернатора появилась мрачная складка. Вдруг он выпрямился и подозвал к себе молодого офицера.

– Поручик Вильтен, – сказал он, – вы можете на четверть часа покинуть замок? Я прошу вас лично передать вашему отцу...

Он вдруг замолчал и прислушался. Из города донеслись хотя и отдаленные, но явственные звуки ружейной пальбы.

– Боже мой... это выстрелы! – испуганно вскрикнул Мозер.

Полицмейстер и городской голова бросились к окну. Сквозь тьму нельзя было ничего рассмотреть, но в этом и не было надобности. Залп повторился. Затем раздался третий залп, и опять все смолкло.

– Поручение уже бесполезно, – тихо произнес молодой офицер, обращаясь к барону, – стреляют.

Равен не ответил ни слова, он застыл у стола с устремленным в окно взором, и только когда полицмейстер и городской голова отошли от окна, обратился к последнему:

– Вы видите, слишком поздно. Я не могу помочь, если бы даже захотел.

– Я вижу это, – резко ответил городской голова. – Теперь между нами пролитая кровь, и потому слова излишни. Мне нечего больше сказать.

Глава XIV

Едва ли у кого-нибудь могло быть больше причин размышлять о странной игре случая, чем у советника Мозера. Судьба сыграла с ним такую злую шутку, хуже которой и придумать было трудно. Он, олицетворенная благонамеренность, заклятый враг «демагогов» и всяких революционных элементов, должен был допустить, чтобы под его кровлей, в его квартире ухаживали за сыном государственного преступника, и, что хуже всего, этой участи он подвергся из-за неосмотрительной поспешности своей дочери.

Нельзя отрицать, что единственной виновницей создавшегося положения была Агнеса Мозер. Ей оставалось пробыть в доме своего отца очень недолгое время, и она хотела воспользоваться им, чтобы как следует подготовиться к избранному ею самой поприщу. Большая жена переписчика не была ее единственной заботой. Едва девушка узнавала, что кто-то в замке или в его ближайших окрестностях нуждался в утешении или уходе, как она появлялась там и приступала к своему самоотверженному подвигу. И это никого не удивляло, ведь всем было известно, что Агнеса Мозер примет постриг. В ней уже видели будущую монахиню, и это обстоятельство вместе с ее постоянной готовностью помочь всюду, где только нуждались в помощи, доставило ей огромное уважение обитателей замка.

Поэтому в тот вечер, когда в замок принесли раненых, все сочли вполне естественным, что и Агнеса приняла участие в оказании им первой помощи, и охотно пошла навстречу ее предложению перенести наиболее тяжело раненного доктора Бруннова в квартиру ее отца, где она намерена была лично ухаживать за ним.

Губернатор приказал окружить пострадавших самым заботливым уходом, в особенности молодого врача, которому исполнение долга чуть не стоило жизни. Но лучшего ухода нельзя было и желать. Двух полицейских, отделавшихся легкими ранениями, на следующий же день отправили в город, а Макса Бруннова, вследствие его тяжелого положения, пришлось пока оставить в замке. Дворецкий был очень обрадован тем, что своими распоряжениями угодил барону; он по мере сил поддерживал Агнесу в ее намерении помочь ближнему и с удовольствием увидел, что барон остался доволен его докладом о положении дел.

Далеко не так доволен был Мозер. Он буквально вышел из себя, когда, вернувшись домой, нашел в собственной квартире такого политически опасного пациента, и самым решительным образом потребовал его удаления, но получил неожиданный и не менее решительный отпор. Кроткая Агнеса, проявив твердость духа и энергию, отказалась повиноваться своему отцу, и так как неустрашимая Христина примкнула к своей госпоже, то их общими усилиями Мозер был побежден. Ему внушили, что нельзя перевозить тяжело больного, рискуя его жизнью и возможностью стать таким образом его убийцами.

Мозер в конце концов понял это, хотя его отчаяние оттого несколько не уменьшилось. На следующее утро он побежал к начальнику, чтобы сообщить ему эту новость и торжественно поклясться в своей непричастности к ней. Он надеялся, что барон освободит его от нежеланного гостя, но вместо того слышал совет подчиниться воле дочери. Равен обещал позаботиться о том, чтобы этот случай не бросил тени на безупречную репутацию Мозера, и сказал, что пошлет к нему своего домашнего врача. Необходимо было, по его словам, принять участие в молодом докторе, проявившем такое самоотвержение.

Мозер подчинился авторитету начальника, хотя все же у него было тяжело на сердце. Он не мог простить своей дочери ее так далеко простиравшееся христианское милосердие к страждущим, и, будучи не в силах изменить совершившееся, не переставал с негодованием думать об этом.

Прошло два дня с тех пор, как был ранен Макс Бруннов. На третье утро врач, пользовавший его, явился на свой обычный визит в квартиру Мозера. Маленький, тщедушный белоку-

рый господин с кротким взглядом и чрезвычайно неясным голосом, говорил с Мозером, собиравшимся идти к себе в канцелярию:

– Нет, господин советник, у меня очень мало или почти нет никакой надежды на спасение больного, мы должны быть готовы ко всему.

– Но вы еще не видели его сегодня, – возразил Мозер. – Дочь сказала мне, что он провел ночь спокойно и спал.

Тщедушный человек пожал плечами.

– Это проявление слабости, беспамятство. Сильная потеря крови и лихорадка привели к упадку сил. По-моему, надежды нет... совершенно нет.

– Моя дочь, так же как и я, будет очень жалеть о нем. Она с таким рвением ухаживала за раненым и почти не отходила от его постели. Боюсь, что Агнеса переутомилась, я еще никогда не видел ее такой бледной, как теперь. Сегодня утром мне пришлось почти насильно отправить ее в постель на несколько часов после целой ночи бодрствования.

– Да, она с истинной страстностью посвящает себя уходу за больными, – удивленно заметил врач. – Такая самоотверженность будет благодетельной в ее будущей деятельности, но здесь заботы скоро больше не понадобятся. По моему мнению, часы бедняги сочтены, он едва ли протянет до вечера.

Доктор меланхолически покачал головой и, простясь с Мозером, направился к больному.

Советник тоже впал в меланхолическое настроение, но уже совершенно по иным причинам. Этого только недоставало! Покойник в его доме, после двух дней беспокойства и тревог. Он испытывал настоящий ужас при мысли о том, что в газетах будет напечатано: «Сын известного революционера, доктор Бруннов, тяжело раненный во время уличных беспорядков, скончался в доме советника Мозера». Советник обратил жалобный взор к небу. И на его долю выпал столь жалкий жребий!.. Он весь ушел в свой белый галстук и направился в канцелярию.

Доктор между тем прошел в комнату больного. Он ступал так тихо и осторожно, как обычно делают это у постели умирающего. Возле кровати больного сидела Христина, на короткое время сменившая Агнесу. Доктор шепотом обменялся с ней несколькими словами и послал ее за свежими компрессами, а сам подошел к больному и наклонился над ним. Больной проснулся и, по-видимому, в полном сознании открыл глаза.

– Ну, как вы чувствуете себя? – спросил маленький врач.

– Благодарю вас, довольно сносно, – ответил Бруннов, глядя по сторонам и как будто отыскивая что-то глазами. – Что собственно случилось со мной?

– Вы тяжело ранены. Но успокойтесь, я сделаю все возможное.

Макс, взор которого блуждал по комнате и не находил того, что искал, наконец остановил его на говорящем и спросил:

– Вероятно, коллега? С кем имею честь?

– Моя фамилия Берндт! – ответил коллега. – Его превосходительство господин губернатор, отнесшийся с большим участием к вашему ранению, пожелал прислать своего домашнего врача. Но, к сожалению, профессор болен, и я, в качестве его ассистента, взял на себя ваше лечение. Однако вы не должны говорить и тем более шевелиться. Отвечайте на мои вопросы знаками, если вам тяжело говорить! Вы очень слабы и нуждаетесь в полнейшем...

Он вдруг в ужасе смолк, потому что обреченный на смерть внезапным и сильным движением поднялся и, сев в постели, спросил отнюдь не слабым голосом:

– А где же моя сестра милосердия? Она ведь все время была возле меня.

– Вы говорите о фрейлейн Мозер? Она всю ночь провела у вашей постели и теперь пошла немного отдохнуть. У вас весьма самоотверженная сиделка. Фрейлейн Агнеса – истинный ангел милосердия!

– Милосердия? – протяжно повторил Макс. – Но и близкое знакомство с булыжниками мостовой вашего милейшего города познакомило меня с человеческим милосердием. Надо

сказать, это уж совершенно превратное мнение об использовании мостовой, когда ее булыжники начинают швырять в головы людей.

– Добрейший коллега, не двигайтесь же, ради Бога! – стал просить его доктор Берндт. – Только не волнуйтесь! Вам необходим покой и тишина, берегите свои силы! Но так как вы снова в сознании, то позвольте вас спросить, нет ли у вас какого-нибудь желания? Не нужно ли вам чего-нибудь?

Выражение лица маленького доктора показывало, что он не ждал ровно ничего, кроме изъявления последней воли умирающего. Каково же было его удивление, когда пациент вместо того с невозмутимым спокойствием заявил:

– Конечно, есть и очень большое желание – поест!

– Поест? – переспросил потрясенный врач – Ну если вы обязательно хотите, то можно будет дать вам немного бульона.

– Немногим я не удовольствуюсь, – возразил Макс, – его должно быть много, и очень много. И вообще мне нужно что-нибудь существеннее пустого бульона. Бифштекс, например... и притом двойную порцию.

– Помилуйте! – ужаснулся доктор и, предполагая, что больной бредит, схватил его за пульс, но Макс сердито отдернул руку.

– Отчего вы подымаете так много шума из-за пустячной дырки в моей голове? Через неделю она заживает. Я отлично знаю свою натуру.

– Вы ошибаетесь, коллега, относительно состояния своего здоровья. Вы тяжело больны, несмотря на нервный подъем ваших сил. Вы же два дня пролежали в жесточайшей лихорадке.

– Это еще не основание для того чтобы на третий день, после того как лихорадочное состояние миновало, я не мог отлично чувствовать себя. Неужели вы воображаете, что я нахожусь в смертельной опасности?

– Я не воображаю себе этого, потому что это – факт, – обиженно заметил доктор Берндт. – Я серьезно опасуюсь...

– Не опасайтесь ничего, – прервал его Бруннов. – У меня пока вовсе нет желания отправиться на тот свет... Однако будьте так добры сообщить мне, как вы меня лечили.

Эта ясно выраженная жизнеспособность пациента, которому Берндт вынес столь решительный смертный приговор, казалось, совершенно лишила его самообладания. Доктор растерянно молчал; когда же Макс с явным нетерпением повторил свой вопрос, он не без чувства собственного достоинства стал перечислять все средства, при помощи которых старался вырвать своего пациента из когтей смерти.

Макс выслушал его с презрительной улыбкой и в конце концов бесцеремонно заявил:

– Почтеннейший коллега, вы могли сделать все это много лучше. Я не сторонник столь сильных средств и никогда не употребляю их в таких пустячных случаях, а предоставляю природе главную роль в лечении!

– Но это вовсе не пустячный случай, – сердито воскликнул маленький врач. – Повторяю, что ваше положение было весьма опасным; оно опасно и сейчас, и вы сами почувствуете это, едва лишь пройдет минутный нервный подъем.

– А я повторяю вам, что чувствую себя отлично и что об опасности для жизни не может быть и речи! Я решительный противник подобного метода лечения, считаю его бесполезным и даже вредным. Благодарите Бога за то, что мой сильный организм выдержал все эти эксперименты, в противном случае на вашей совести была бы смерть коллеги.

Доктор Берндт побагровел от негодования.

– Я применяю лечебный метод известного профессора, пользующегося огромным авторитетом в медицинском мире; он занимает кафедру в нашем университете и с очень большим успехом.

– Мне нет никакого дела до вашего профессора! – промолвил Макс. – В нашем Цюрихском университете найдутся повыше авторитеты, пользующиеся еще большим успехом, однако мы не прищипливаем к лечению традиций, как делают это господа эскулапы патриархального города Р.

Оба врача затеяли такой горячий профессиональный спор, что из соседней комнаты прибежала испуганная Христина и остановилась на пороге, замерев от удивления при виде представившегося ей зрелища. Доктор Бруннов сидел в постели и энергично обдавал своего коллегу целым потоком медицинских утверждений, положений и доказательств, а «коллега», за десять минут перед тем буквально порхавший по комнате, чтобы не побеспокоить больного, стоял перед ним и, возбужденно размахивая руками, тщетно старался его переговорить. Но это никак не удавалось ему, и он наконец, схватив шляпу, с яростью воскликнул:

– Если вам, коллега, все это известно, то лечите себя сами. Я должен сообщить господину губернатору о состоянии вашего здоровья и скажу его превосходительству, что у меня еще не бывало такого больного, который накануне лежал бы при смерти, а на следующий день осыпал целой кучей грубостей не только меня, но и весь факультет. Вы совершенно правы: второй такой натуры, как у вас, не существует. Вы посрамите любой диагноз. Имею честь кланяться!

С этими словами доктор вышел из комнаты. Христина изумленно посмотрела ему вслед и подошла к больному.

– Что случилось? Доктор рассердился и убежал, а вы...

– Пусть себе бежит! – спокойно ответил Макс. – Этот человек во что бы то ни стало хочет отправить меня к праотцам своими глупыми средствами. Теперь я сам примусь за свое лечение. Настоятельно прошу вас, принесите мне чего-нибудь поесть!

Через час после того Агнеса Мозер после непродолжительного отдыха собралась снова занять свое место у постели больного, от которого она в течение двух дней почти не отходила. Доктор Бруннов между тем с пунктуальной точностью исполнял свои собственные предписания, не оставлявшие желать ничего лучшего и весьма обрадовавшие Христину, по мнению которой доктор превосходно пользовал себя. Она тщетно уговаривала его снова заснуть, Макс утверждал, что это совершенно излишне, и не спускал глаз с двери, в которую должна была войти Агнеса. При этом он проявлял весьма недвусмысленные признаки нетерпения и в течение четверти часа чуть ли не три раза спросил о том, где его сестра милосердия, чем в конце концов вывел из терпения и Христину.

– Что собственно происходит между вами и Агнесой? – без обиняков спросила она. – Тут что-то неладно, я уже давно заметила!

Макс предпочел оставить ее вопрос без ответа, но это не помогло.

Христина сухо продолжала:

– Только не трудитесь, пожалуйста, водить меня за нос даром я в течение двух дней, поминутно заходя сюда, видела, как Агнеса чуть ли не до смерти измучилась, глядя на вас, и как вы разом оживали, как только она подходила к вам. Я понимаю, отлично понимаю... уверяю вас...

– Вы очень умная женщина, Христина! – сказал молодой врач. – Вы мне рассказываете такие вещи, о которых я даже не подозревал три дня назад; не имела понятия об этом и фрейлейн Агнеса. Но вы, к сожалению, правы: Немезида покарала меня – я безнадежно влюблен.

– Я уже давно знала это. Но что же теперь будет? До сих пор я не задумывалась над этим, потому что доктор Берндт решительно отказал вам в выздоровлении. Тогда бы ведь всему конец. А сейчас, кажется, о смерти нечего и говорить! Да? В таком случае позвольте вас спросить, что же будет с вами и Агнесой?

– Поженимся! – лаконически ответил Макс. – Ничего больше.

Сверх всяких ожиданий такой ответ несколько не рассердил Христину. Она не одобряла решения молодой девушки поступить в монастырь и безусловно предпочла бы видеть ее под

брачным венцом, чем под монашеским покрывалом. Намерение доктора Бруннова, с первой же встречи понравившегося ей, полностью совпадало с ее личными взглядами. Тем не менее, она, задумчиво покачав головой, произнесла:

– Но это невозможно! Вы, вероятно, совсем забыли, что фрейлейн Агнеса намерена удалиться в монастырь?

– Ничего не выйдет, – решительно заявил Макс. – Она ведь еще не удалилась в него, а я уж позабочусь о том, чтобы она никогда не сделала этого. Прежде всего не говорите фрейлейн Агнесе ни слова о том, что я чувствую себя лучше, не рассказывайте ей о моем споре с уважаемым коллегой и об отличном аппетите, только что проявленном мною! Я сам расскажу ей обо всем.

Христина удивилась этой просьбе и спросила:

– Но ведь не будете же вы бессовестно разыгрывать комедию перед бедным ребенком?

– При подобных обстоятельствах я ужасно бессовестен, – возразил Макс. – Впрочем, я прошу вас молчать лишь до тех пор, пока сам не скажу обо всем фрейлейн. А там увидим!

Христина не успела обещать это доктору, так как дверь открылась, и в комнату вошла Агнеса. Она и в самом деле была очень бледна, и ее печально вопрошающий взгляд, устремленный на Христину, ясно свидетельствовал о том, что бедняжка потеряла всякую надежду на выздоровление раненого. Легкими шагами она подошла к постели больного и дрожащим голосом спросила о состоянии его здоровья.

Доктор Бруннов благоразумно воздержался от проявления своих свежих жизненных сил и счел за лучшее вместо ответа устало протянуть девушке руку. Он прекрасно сознавал, какого могущественного союзника имел в этой мнимой смертельной опасности, и ни на минуту не задумался выгодно использовать свое положение.

Христина, безусловно, считала его теперь весьма гнусным человеком, но так как была вполне согласна с конечной целью этой гнусности, то и не возмущалась ею, и под первым удобным предлогом оставила молодых людей одних.

Агнеса опять приступила к уходу за больным.

– Примите лекарство! – сказала она. – Доктор Берндт просил очень аккуратно принимать его, он только вчера прописал новый рецепт.

– Но ведь он считает меня безнадежным, – ответил Макс. – Значит, совершенно бесполезно принимать лекарство.

– Нет, нет, вовсе нет! – стала уверять Агнеса, однако испуганное выражение лица уличило ее во лжи. – Он говорил лишь об опасности, которая может наступить.

– Я сам говорил с ним сегодня утром, – прервал ее молодой человек, – и лично слышал приговор из его уст. Он считает мою рану смертельной.

Агнеса чуть не выронила склянку с лекарством и закрыла лицо руками. Послышалось едва сдерживаемое всхлипывание.

– Агнеса, вас огорчила бы... моя смерть?

Эти слова были произнесены с глубочайшей нежностью, на которую, как известно, никогда прежде не был способен Макс. Он не получил ответа, но всхлипывания усилились, грозя перейти в рыдания. Он схватил руки девушки и, отняв их от ее залитого слезами лица, продолжал:

– Я, мне кажется, так много высказал вам, что вы можете сознаться мне, о чем льются эти слезы. За последние три дня, в которые вы ухаживали за мной, я конечно узнал, что происходит со мной, или могу сказать... с нами?

Девушка упала на колени перед кроватью и уткнулась лицом в подушки. Вместо ответа она все безутешнее рыдала, но не сопротивлялась, когда больной обнял ее и притянул к себе. И тут случилось нечто невообразимое – Макс Бруннов отрекся от своей «программы» и решился

на любовное признание, искреннее и жаркое, и грешившее только тем, что своею формой и энергичностью никак не подходило для умирающего.

Бедная Агнеса была, понятно, слишком взволнована, чтобы заметить это, к тому же доктор Бернд так убедительно внушил ей всю безнадежность положения больного, что она не смела даже надеяться. Она приписала оживление Макса попросту лихорадке, и была убеждена, что видит последнюю вспышку угасающей жизни.

– Я никогда вас не забуду, – всхлипывала она. – При жизни я никогда не сказала бы того, в чем сознаюсь сейчас, перед лицом смерти: я люблю вас вечной, невыразимой любовью, люблю вас здесь и буду любить за гробом. Ведь не грех думать об усопшем и вместе с молитвой посылать ему привет за грань жизни. И я буду делать это каждый день, когда вступлю в стены монастыря.

Как трогательно ни звучало это признание, оно не доставило удовольствия Макс. Ему вовсе не улыбалась перспектива быть любимым за гробом, и приветствия, посылаемые «за грань жизни», были ему совершенно не по вкусу.

– Хорошо, все так и будет в том случае, если я умру, – сказал он. – Ну, а что если я останусь в живых?

Агнеса изумленно взглянула на него. Она, очевидно, и не подумала о такой возможности.

– Мне кажется, это было бы вам неприятно, – сердито воскликнул Макс.

– Мне? О Боже! – вырвалось у молодой девушки. – Если бы можно было, я пожертвовала бы своей собственной жизнью ради спасения вашей!

– Жертвовать жизнью вовсе не нужно, – возразил Макс, почувствовавший угрызения совести при мысли о том, как огорчает бедную девушку. – Вам нужно пожертвовать лишь глупой, бессмысленной идеей, которая сделает несчастными нас обоих, если вы будете упорствовать в ней. Агнеса, вы ошибаетесь, считая мое положение безнадежным. Оно едва ли представляло какую-нибудь опасность, а с сегодняшнего утра исчезло всякое сомнение в благополучном исходе. Если я и не открывал вам правды в течение последней четверти часа, то сделал это с единственной целью во что бы то ни стало вырвать у вас взаимное признание. Я ведь знал, что, выздоровев, никогда не добьюсь его. Теперь я слышал его и не возвращу вам вашего слова! Ваше желание взять его назад или отречься от него будет бесполезно. Хоть трижды говорите «нет», ничто не поможет: вы будете моей женой!

– Никогда! – испуганно вскочила Агнеса. – Об этом не может быть и речи. Я ведь принадлежу монастырю и вскоре вернусь туда...

– Я протестую! – возразил молодой врач. – О монастыре нужно забыть. Вы ведь еще свободны для счастья, вы же не давали обета.

– Я сама наложила его на себя. Я обещала настоятельнице и своему духовнику, и это обещание связало меня, как клятва, данная перед алтарем.

– Совершенно согласен с тем, чтобы вы принесли клятву перед алтарем, – ответил Макс, – но я должен лично быть при этом и тоже клясться вместе с вами, как принято делать при венчании. И если настоятельница и ваш духовник вздумают помешать, то им придется иметь дело со мной. Я уже как-нибудь покончу с ними, я поспорю с духовенством всего мира о том, что...

– Ради Бога, не горячитесь так! – с неподдельным страхом взмолилась молодая девушка. – Волнение ведь опасно для вас!

– Прежде всего нам необходимо выяснить все, – сказал Бруннов, а затем забросал Агнесу такими неопровержимыми уверениями и доводами, так ясно доказал ей, что она – его невеста и должна быть его женой, что бедная девушка в замешательстве в конце концов сама начала верить тому, что он прав и что обстоятельства сложились именно так, чтобы это осуществилось.

Нужна была более энергичная натура, чтобы противоречить Максиму в таких условиях. Мнимому умирающему, с которым только что простились и которому обещали духовное общение по ту сторону бытия, вдруг делает в высшей степени земное предложение руки и сердца и чуть ли не силой готов вырвать согласие, в котором ему отказывают! Агнеса, правда, все еще настаивала на своем намерении удалиться в монастырь, но когда молодой человек привлек ее в свои объятия и стал целовать, она не сопротивлялась. Не оставалось никакого сомнения в том, что он победил, и Макс подумал про себя:

– Слава Богу, все кончилось благополучно. Да здравствует глупость моего коллеги!

Довольно скоро доктору Бруннову пришлось убедиться в том, что глупость его коллеги повлекла за собой и более серьезные последствия.

День миновал совершенно спокойно. Несмотря на перенесенные волнения, больной чувствовал себя так хорошо, что и Агнеса начала верить в его спасение.

Вечером, когда уже почти стемнело, она вошла в комнату больного с лампой в руках и сообщила ему, что пришел какой-то пожилой господин, некий доктор Франц, подробно расспросил о его здоровье и выразил желание видеть его. У него будто бы есть поручение от одного коллеги, и он во что бы то ни стало желает лично ознакомиться с состоянием доктора Бруннова, которому посылает несколько слов.

Макс взял записку, набросанную карандашом, и равнодушно произнес:

– Доктор Франц? Мой почтенный коллега, кажется, все еще не может осмыслить сегодняшнего невероятного случая и желает составить формальный протокол о нем. Этому господину...

Макс вдруг умолк. Как только его взор упал на записку, он с испуганным выражением на лице нервно скомкал ее.

Агнеса насторожилась и тревожно спросила:

– Что такое? Ты знаком с этим доктором Францем? Несмотря на все монастырские идеи, девушка уже успела в течение дня перейти с Максимом на «ты».

– Да, знаю его давно, – ответил Макс, уже овладев собой, хотя голос все же изменял ему. – Я хочу поговорить с ним сейчас же, но прошу тебя, Агнеса, оставь нас вдвоем и постарайся, чтобы никто не помешал нам!

Агнеса немного смутилась. В продолжение всего дня Макс ни на минуту не отпускал ее от себя, а теперь сам отсылал прочь. Но она успокоила себя мыслью о том, что предстоит медицинский разговор, и пошла сказать пришедшему, что его ждут.

Вскоре в комнату вошел худощавый, слегка сутулый старик с седыми волосами. Он торопливо прикрыл за собой дверь и стремительно подошел к больному. Макс протянул руки ему навстречу и взволнованно воскликнул:

– Отец! Ради Бога, как ты попал сюда? Как ты рискнул сделать это?

Рудольф Бруннов вместо ответа положил руку на плечо сына и с мучительным страхом устремил на него пыливый взор.

– Тебе лучше? Мне уже сказали... Слава Богу!

– Но откуда ты узнал, что я ранен? – спросил Макс. – Ты не должен был знать об этом, пока я окончательно не поправлюсь. Я не хотел понапрасну беспокоить тебя.

– Я получил вчера телеграмму от твоего врача. Он сообщил мне, что ты тяжело ранен, что твое положение в высшей степени опасно и что я должен быть готов ко всему... Через час я уже был в дороге и с ближайшим курьерским поездом поспешил сюда.

– Проклятый коллега! – с яростью крикнул Макс. – Мало того, что он замучил своей глупостью меня и всех окружающих, он должен был еще вызвать тебя! Знай я об этом сегодня утром, досталось бы ему!

Старый Бруннов радостно перевел дух.

– Ну, если ты еще можешь так горячиться, то дело совсем не так плохо. Я боялся найти тебя в совершенно ином состоянии. Неужели опасность так быстро была устранена?

– Да и не было никакой опасности! Легкая лихорадка, слабость, вызванная потерей крови, – вот и все... Но скажи мне, отец...

– После! – перебил его отец, все еще заметно взволнованный. – Я хочу посмотреть твою рану. Пока я не сделаю этого, я не успокоюсь.

Он снял повязку и принялся за исследование раны. Лицо его прояснилось, и он тихо покачал головою.

– Ты совершенно прав. Рана довольно глубока и вначале могла показаться опасной, но она не угрожает жизни. Не могу понять твоего врача.

– Спаси и помилуй, Бог, тех больных, которые попадут в его руки! – выразительно заметил Макс. – Но как ты, несмотря на эту несчастную телеграмму, решился приехать сюда? Ты ведь знаешь, что прежний приговор еще не потерял своей силы. Тебя сразу же арестуют, едва лишь узнают, и посадят в крепость.

– Успокойся, пожалуйста! – возразил Рудольф Бруннов. – Нечего опасаться, что узнают, я принял необходимые меры. Приехав, я остановился в гостинице в предместье под именем доктора Франца. Да и никто не знает меня в этом городе, никто... за исключением, – лицо его нахмурилось, – губернатора, с которым я едва лишь встречу. У нас много оснований избегать друг друга.

– Тем не менее! – воскликнул Макс. – Находясь здесь, ты ежеминутно рискуешь своей свободой, своей жизнью... Неужели ты не подумал об этом, отправляясь сюда?

– Нет! – возразил Бруннов взволнованно. – Я услышал, что мой единственный сын при смерти и, как врач, стремился приложить все усилия к тому, чтобы спасти ему жизнь... У меня не было времени раздумывать о своей безопасности.

Макс сжал руку отца и с увлажнившимся взором ответил:

– Я не думал, что так дорог тебе. Прости, отец! Но, сомневаясь по временам в твоей любви ко мне, я, право, не заслужил такого самопожертвования! Я причинил тебе немало забот и досады своим упрямством и нежеланием преклониться перед отцовским авторитетом.

– Успокойся, Макс! Забудем о том, что было. Последние сутки, проведенные в мучительном страхе за твою жизнь, показали мне, что значит потерять единственную надежду и отраду в жизни. Не обвиняй себя! Я тоже часто был не прав по отношению к тебе и никак не мог понять, что ты создан иначе, чем я. Но, несмотря на все это, настоящая минута, мне кажется, показала, как ты дорог своему отцу...

Бруннов склонился над сыном и поцеловал его в лоб. Такой нежности уже давно не было между ними. Макс, с детских лет не видевший ласки отца, ответил на нее с сердечной теплотой:

– В будущем тебе не придется жаловаться на своего упрямого, на «реалиста». Я никогда не забуду того, чем ты рисковал ради меня, отец! Однако теперь обещай мне тотчас же уехать обратно. Ты ведь уже доказал, что ради меня не считаешься ни с какой опасностью, но пока ты не переедешь границу, она будет висеть над твоей головой. Еще раз прошу тебя, уезжай как можно скорее!

– Завтра же уеду, – ответил Бруннов, – только завтра утром еще раз навещу тебя... И не думай возражать, Макс! Не мучь себя напрасной заботой! Говорю тебе, нечего опасаться, что мое инкогнито будет раскрыто. Теперь я ухожу от тебя. Тебе необходим покой, а ты и так уже чересчур взволнован.

– Да это мне ничуть не вредно, у меня очень крепкий организм, – возразил Макс. Он подумал о том, что в течение этого дня без всякого вреда выдержал горячий медицинский диспут и сделал предложение, но предпочел пока не говорить отцу о своих любовных делах и продолжал: – Не правда ли, ты был немало удивлен тем, что нашел меня в этом казенном здании?

– Конечно, тем более что имя советника Мозера, чиновника губернаторской канцелярии, мне тоже совершенно незнакомо. Ты, вероятно, познакомился с ним и даже подружился во время своего пребывания здесь?

– Положим, мы не очень-то дружны! Этот Мозер – идеальный образец бюрократа. При слове «революция» с ним происходит нервный припадок, и в первый же день знакомства он указал мне на дверь за то, что я ношу политически неблагонадежное имя.

– Ты должен быть ему тем более признателен, что, несмотря на это, он приютил тебя в своем доме. Мы оба очень обязаны ему. К сожалению, я не могу лично поблагодарить его...

– Ради Бога, не вздумай сделать это! Хотя он и не знает тебя лично, но его инстинкт благонамеренности безошибочно подскажет ему, что перед ним государственный преступник.

– Макс, не говори таким тоном о человеке, принявшем тебя под свой кров! – укоризненно сказал Рудольф Бруннов. – Ты остался таким же, как был. Кроме того, помни, что хотя твоя рана и не угрожает жизни, но она во всяком случае достаточно серьезна, чтобы отбить у всякого другого охоту говорить, а ты еще злишься на своего гостеприимного хозяина.

Макс подумал, что своим приютом он менее всего обязан Мозеру, но не сказал ни слова об этом и с вполне понятным беспокойством стал уговаривать отца поскорее уйти и соблюдать величайшую осторожность. Рудольф Бруннов уступил его желанию и, коротко простившись с сыном, вышел.

Выходя из квартиры Мозера, он вдруг столкнулся с самим советником. Последний подошел к незнакомцу и вопросительно произнес:

– Доктор Франц?

– Да, это – мое имя. Я, вероятно, имею удовольствие видеть господина Мозера?

– Совершенно верно. Моя дочь передала мне, что вы врач и пришли по поручению доктора Берндта; поэтому мне хочется лично услышать от вас, правду ли говорят женщины, что состояние больного значительно улучшилось и даже есть надежда на выздоровление. После сегодняшнего заявления вашего коллеги мне это кажется невозможным.

– Опасность Действительно миновала, – ответил Бруннов. – Я несколько не сомневаюсь в спасении жизни доктора Бруннова. Конечно, он почти всецело обязан этим самоотверженной помощи, оказанной ему в вашем доме. У вас, вероятно, было немало хлопот из-за него.

– Да, да, очень много, – тяжело вздохнул советник, совершенно не зная, радоваться ли ему или досадовать на то, что ангел смерти обошел его дом: ведь в конце концов также неприятно было прочесть в газетах, что «доктор Бруннов, сын известного революционера, благополучно выздоровел в доме советника Мозера».

Рудольф Бруннов между тем с большим участием смотрел на старика, видимо удрученного заботой. Он ничего не знал о своевольном поступке Агнесы и приписывал всецело Мозеру попечение о его сыне. Вместе с тем, благодаря характеристике, данной ему Максом, он видел в советнике человека, великодушно отрекшегося от своих личных взглядов и симпатий и принявшего к себе своего политического противника.

– Доктор Бруннов, – произнес он, – надеюсь, скоро сам будет в состоянии выразить вам свою благодарность, но я, будучи его старым другом, считаю своим долгом сделать это теперь от его имени. Я... мы благодарим вас, господин советник, от всей души благодарим за то, что вы сделали.

Мозер был весьма тронут этими словами, свидетельствующими об искренней признательности, и ответил:

– Это был мой христианский долг. Всякий другой сделал бы то же, но приятно встретить такую признательность.

– Поверьте, мы чрезвычайно благодарны вам, – с живостью подтвердил Бруннов. – Мы сознаем, какую борьбу пришлось вынести человеку с вашими взглядами и вашим положением. Это в самом деле было актом благороднейшего самоотречения! – и в порыве охватившего его волнения Бруннов протянул руку Мозеру.

Бедный советник! Прославленный Максом инстинкт благонамеренности не предостерег его, когда он схватил и дружески пожал руку государственного преступника. Ему было очень приятно встретить наконец человека, сумевшего по достоинству оценить его невероятное самопожертвование в столь фатальных обстоятельствах, и незнакомец снискал его высшее расположение.

– Не хотите ли зайти на минуту ко мне? – спросил советник. – Я буду очень рад...

– Благодарю вас, – отклонил его приглашение Бруннов, только теперь вспомнив о том, что ему не следует проявлять слишком большую благодарность и участие. – Мне нельзя надолго задерживаться здесь, меня призывают мои врачебные обязанности. Но, с вашего позволения, завтра утром я еще раз навещу своего пациента.

– С величайшим удовольствием! – воскликнул советник. – Буду очень рад снова увидеть вас!

Он собственноручно открыл дверь гостю, но тот в нерешительности остановился.

– Скажите, пожалуйста, куда мне идти по лестнице – направо или налево? – спросил он. – Идя сюда, я очень торопился и совершенно не обратил внимания на дорогу.

– Сейчас я сам провожу вас, – вежливо предложил Мозер. – В этих длинных переходах и коридорах очень легко заблудиться незнакомому с ними человеку. Я покажу вам главный выход.

Бруннов в самом деле не знал дороги, а потому охотно принял предложение Мозера, и они пошли вместе по коридору. Последний связывал собой боковой флигель, где была квартира Мозера, с главным зданием и выходил прямо в вестибюль замка. Туда выходили двери губернаторской канцелярии и других присутственных мест, и оттуда же большая лестница вела в квартиру губернатора.

Едва они вступили из полутемного коридора в ярко освещенный вестибюль, как Рудольф Бруннов сделал невольное движение назад. Казалось, он хотел вернуться, но было уже поздно – он и его спутник стояли перед губернатором.

Барон, по-видимому, только что приехал; в саду перед подъездом еще стоял его экипаж, и он разговаривал с полицмейстером, уже собравшимся уходить. Лицо Равена было нахмурено, но при виде Мозера прояснилось. Прервав свой разговор с полицмейстером, он с заметным участием спросил:

– Это правда, господин советник, что, как мне сообщил доктор Берндт, молодой Бруннов совершенно оправился? После того, что мне говорили перед тем, это очень удивило меня.

– Я был удивлен не менее вас, ваше превосходительство, – ответил Мозер. – Я даже и не верил было вначале, но получил подтверждение еще с другой стороны, именно от доктора Франца, который состоит в дружеских отношениях с больным и только что был у него.

Равен обернулся к Бруннову, стоявшему в стороне; прежде он не обратил на него внимания, хотя яркий свет и падал на него. Несколько секунд барон стоял неподвижно, словно пригвожденный к полу, не отрывая взгляда от лица доктора. Внезапная бледность покрыла его лицо, и он крепко сжал губы, словно стараясь сдержать крик, готовый сорваться с них. Однако после минутной растерянности Равен овладел собой, тем более что движение полицмейстера живо напомнило ему о том, что за ним наблюдают. Он дал Мозеру спокойно закончить и обратился к его спутнику:

– Мне приятно было бы услышать и от вас подтверждение хорошей новости. Я направил к больному своего домашнего врача, но он после первого визита заболел и был вынужден передать больного своему ассистенту. Между тем сегодняшнее сообщение доктора Берндта было так неясно, что мне хочется услышать от вас дополнительные сведения о больном. Разумеется, не здесь, на лестнице; прошу вас зайти на несколько минут ко мне в квартиру.

Бруннов владел собой хуже барона; хотя ему и удалось сохранить спокойное выражение лица и равнодушный тон, но взгляд сразу выдал его. В его устремленных на Равена глазах горели ненависть и боль, когда он ответил:

– Вы так интересуетесь молодым врачом, ваше превосходительство?

– Конечно! Я и господин полицмейстер, – с легким ударением на этом слове произнес барон, указывая на своего спутника, – оба очень обязаны ему. Вы, вероятно, знаете, при каких обстоятельствах был ранен Бруннов: это случилось при исполнении им своего врачебного долга, когда он поспешил на помощь к подчиненным господина полицмейстера. Теперь вам, конечно, понятно, что мне весьма желательно получить обстоятельные сведения о ходе его болезни.

Бруннов понял намек; он видел проницательные глаза полицмейстера, зорко наблюдавшего за ним и губернатором, и сразу понял всю опасность своего положения. Несмотря на это, он мгновение колебался, прежде чем коротко ответил:

– Я к вашим услугам.

– Прошу вас идти со мной.

Равен простился с полицмейстером и Мозером и в сопровождении Бруннова стал подниматься в свою квартиру.

– Кто этот господин? – спросил полицмейстер советника.

– Чрезвычайно приятный человек, – веско ответил Мозер. – Коллега доктора Бруннова, с которым он, должно быть, очень дружен, так как принимает в нем большое участие.

– Так, друг доктора Бруннова! – протяжно произнес полицмейстер. – После отъезда асессора Винтерфельда, как мне казалось, у молодого врача вовсе не было здесь близких знакомых. Этот господин – ведь он именует себя доктором Францем? – уже не раз бывал у больного?

– Нет, сегодня он был впервые, но обещал завтра повторить свой визит. Он, между прочим, горячо благодарил меня за мое самопожертвование и очень деликатно намекнул на неприятности, которые могут ожидать меня из-за невольного гостеприимства по отношению к сыну демагога. Он назвал мое поведение актом благородного самоотречения. Действительно чрезвычайно приятный господин и безусловно способный врач! Я с первой же встречи заметил это, а у меня безошибочный взгляд на такие вещи.

– Нисколько не сомневаюсь, – ответил полицмейстер с полуиронической, полусострадательной улыбкой. – Этот «чрезвычайно приятный господин», по-видимому, возбудил и в губернаторе столь же внезапную благосклонность. Барон не имеет привычки без церемонии тащить первого встречного к себе в квартиру. Может быть, он пожелал избавить доктора Франца от моего общества?

– Чего ради? – наивно спросил Мозер. – Его превосходительству угодно лишь узнать о состоянии здоровья доктора Бруннова.

– Совершенно верно... и он, вероятно, получит самые подробные сведения о нем. До свидания, господин советник. Не заходите только слишком далеко в своем «самоотречении». В конце концов вам могут слишком много поставить на вид из-за этого.

После такого совета полицмейстер удалился, а Мозер, совершенно не поняв его слов, важно покачал головой по поводу столь странной речи и направился домой, довольный своим «безошибочным взглядом».

Губернатор между тем, войдя в свою квартиру и приказав слугам не беспокоить его, прошел с Брунновым в рабочий кабинет.

Между ними не было еще произнесено ни слова. Друзья детства встретились впервые после двадцатилетней разлуки. Они расстались молодыми людьми, с неугасшим еще огнем и воодушевлением юности, теперь же свиделись зрелыми мужчинами, прожившими уже почти полвека. Один из них еще вполне сохранил свои жизненные силы, повелительный вид и гордую осанку, ясно выражающие привычку властвовать; в его темных волосах, за исключением чуть серебрившихся висков, не было ни одного седого волоска и на неподвижном лице – ни одной морщины. Зато какую противоположность представлял собой другой! Всего на год старше, он был уже стариком на вид, с согбенной фигурой, седыми волосами и лицом в глубоких морщинах, проложенных заботами и горем. Только в его глазах еще вспыхивал былой огонь, последний след давно минувших дней.

– Рудольф! – наконец сказал барон.

В его голосе слышалось с трудом сдерживаемое волнение, и он, казалось, готов был броситься к своему бывшему другу, но последний отступил на шаг и холодно спросил:

– Что прикажете, ваше превосходительство?

– К чему этот тон между нами? – нахмурился Равен. – Разве ты не хочешь признать меня? Я сразу узнал тебя по твоим глазам. Они остались все теми же, тогда как многое... все другое в тебе изменилось.

Бруннов с горькой улыбкой ответил:

– Я преждевременно состарился. В изгнании, в ежедневной борьбе с заботами и житейскими неприятностями люди плохо сохраняются. Барон Равен лучше выдержал эту борьбу. Правда, заботы и неприятности едва ли достигают той высоты, на которой вы находитесь, ваше превосходительство!

– Еще раз прошу тебя, Рудольф, оставь этот тон! – серьезно и решительно произнес барон. – Я знаю какая пропасть легла между нами и не ищу примирения, теперь уже невозможного. Мы сделались противниками, но ироническое повторение титула, которому я придаю значение не больше, чем ты, – слишком мелкая месть. Каковы бы ни были наши отношения, для тебя я – все тот же Арно Равен... Зови меня так, как всегда называл!

Бруннов не отвечал, мрачно потупив взор.

– Я понимаю, что привело тебя сюда, – продолжал Равен, – но это несколько не умаляет безумной смелости и опасности твоего поступка. Ты ведь отлично знаешь, что угрожает тебе при переходе через границу. А жизнь твоего сына вне опасности.

– Еще вчера я думал увидеть его на смертном одре. Тогда не могло быть и речи о моей личной безопасности. Я должен был во что бы то ни стало приехать к нему.

Барон не мог ничего возразить на эти слова; он, вероятно, ясно представил себе, что и сам поступил бы точно так же.

– Ты, конечно, понимаешь, почему я настоял на том, чтобы ты сопровождал меня, – заговорил он снова. – Наша встреча произошла при свидетелях. Полицмейстер зорко наблюдал за нами и, мне кажется, уже заподозрил что-то. Надо было устранить его подозрения, и продолжительная беседа со мной избавит тебя от них.

– Разумеется, потому что предполагают, что всякую подозрительную личность р-ский губернатор тотчас же передает в руки полиции. Я был уже готов к этому, как только ты узнал

меня, и положительно не знаю, какому капризу обязан своим спасением. Но откровенно сознаюсь, Арно, я мечтал б том, чтобы еще раз в жизни с глазу на глаз встретиться с тобой. В противном случае я предпочел бы сразу отдаться б руки сыщиков, чем последовать за тобой.

– С тех пор как мы расстались, – произнес Равен, – ты так открыто выказал себя моим врагам, что я должен был быть готовым к подобной встрече. Но ты знаешь, что я всегда не выносил оскорблений и с годами не стал податливее. Поэтому не злоупотребляй своим настоящим положением, исключаяющим всякое право на удовлетворение с твоей стороны, и предоставь мне возможность говорить с тобой!

Эти слова не произвели никакого впечатления на Бруннова, и он ответил еще более враждебным тоном:

– Я вижу, что ты не утратил своего властного тона. В былое время всякий, кто пытался противиться тебе, уступал этому тону, и я сам невольно подчинялся ему. Я боготворил тебя и слепо следовал за тобой, потому что ты мог вести только к самым высоким идеалам... Следовал за тобой до того самого дня, когда мой обожаемый идеал рассыпался в прах. Не пытайся же снова применить свою прежнюю власть! Я преклонялся перед тобой только до тех пор, пока верил в тебя, а эта вера уже давно миновала. Увы! Твое сердце всецело занято честолюбием, и тебе не понять, что я утратил вместе с ней.

Наступила томительная пауза. Наконец Равен сказал:

– Если ты когда-нибудь и любил меня, то тем сильнее теперь ненавидишь.

– Да! – был короткий и энергичный ответ.

– Да, у меня даже есть доказательства этого. Еще недавно я задумывался над тем, откуда у одного из моих незначительных чиновников взялась смелость швырнуть мне в лицо перед всем светом неслыханные оскорбления; я забыл, что он побывал в твоей школе. Винтерфельд ведь жил в твоём доме, он – друг твоего сына, а также и твой, и проявил себя весьма способным учеником. В его выпадах сразу виден его наставник.

– Ты ошибаешься, Георг Винтерфельд проявил свою собственную силу, достойную удивления и изумившую даже меня. Я и не подозревал его намерения, он и от меня держал это в тайне, и его брошюра, полученная мною от него третьего дня, была для меня настоящим сюрпризом. Но не отрицаю, что каждое напечатанное в ней слово нашло отклик в моей душе, равно как и у многих тысяч других. Будь осторожен, Арно! Винтерфельд первый осмелился открыто выступить против всемогущего барона Равена, это – первая буря, угрожающая твоей недостижимой доселе высоте. За ней последуют другие, и они будут потрясать почву под тобой до тех пор, пока она не поколеблется, и ты не опустишься так же глубоко, как высоко стоишь теперь.

– Ты так думаешь? – презрительно спросил барон. – Тебе следовало бы лучше знать меня. Я могу пасть и в своём падении увлечь за собой и других, но опускаться мне несвойственно; да и не так далеко еще зашло дело. Мне известны те враждебные силы, которым брошюра Винтерфельда развязала руки, однако им не придется торжествовать и видеть меня удалённым с места, которое я давно и прочно занимаю и которого никогда добровольно не оставлю. Конечно, люди не прощают такой карьеры, какую сделал я.

– Дорогой ценой! – холодно заметил Бруннов. – Ты заплатил за нее своей честью. Да, да, честью!.. Нужно ли напоминать тебе о том дне, когда наш союз был открыт, наши бумаги конфискованы, а нас самих бросили в тюрьму? Нужно ли называть тебе имя изменника, из-за которого это произошло и который для видимости был арестован вместе с нами? Я и другие предстали перед судом, нас ожидали обвинительный приговор и каземат, из которого я спасся только безумно смелым бегством. Тебя после непродолжительного пребывания под арестом освободили, не предъявив даже обвинительного акта. Из той бури, которая стоила друзьям и единомышленникам Арно Равена свободы и целой жизни, он вышел секретарем, доверенным и будущим зятем министра, начав свою блестящую карьеру служением делу, в вечной борьбе

и ненависти к которому поклялся. Таков был конец мечтаний о свободе и юношеских грез. В лице барона не было ни кровинки, его грудь высоко вздымалась и опускалась, руки судорожно сжимались.

– А если я скажу тебе, что эта так называемая измена была лишь неосторожностью, несчастным недоразумением, за которое я дорого заплатился? Если я скажу, что вы сами своим поспешным приговором, своим безумным недоверием заставили меня примкнуть к вашим врагам?

– Тогда я отвечу тебе, что ты потерял право на доверие.

– Не раздражай меня, Рудольф! – вырвалось у Равена, уже едва владевшего собой. – Я даю тебе честное слово, и ты поверишь мне!

– Нет! – жестко ответил Бруннов. – Если бы ты пришел и заговорил со мной так, как теперь, тогда, когда я сидел в крепости и не мог допустить, что изменником являешься ты, то твои слова имели бы в моих глазах больше значения, чем свидетельство всего мира. Но два десятилетия, отделяющие нас от того времени, научили меня другому. Барону Равену, чье имя стоит во главе преследователей того самого дела, которому он некогда посвятил свою жизнь, р-скому губернатору, своим деспотическим правлением насмехающемуся над правом и законами, всего несколько дней тому назад приказавшему стрелять в народ, в рядах которого стоял когда-то он сам, – ему я не верю.

Лицо Равена судорожно подергивалось не то от стыда, не то от гнева, не то от боли. Но при последних словах Бруннова он вдруг выпрямился во весь рост, и в его глазах снова загорелась непоколебимая воля.

– Не к чему терять слова, – сурово сказал он. – Мое объяснение касается только той катастрофы. То, что происходило потом, было результатом моего добровольного решения, и причины, побудившие меня принять его, не относятся к нашему разговору. Я не ищу смягчающих обстоятельств, это было сделано добровольно, и потому все последствия лежат на моей ответственности. С того дня наши пути так безвозвратно разошлись, что теперь наши старания понять друг друга будут тщетны. Разве такому идеалисту, как ты, понятны властолюбие и честолюбие? Может быть, и понятны, но лишь как зародыши преступления, потому что ведь они зиждятся на порабощении себе подобных, и только. Я не так создан, чтобы прозябать в изгнании и за все разбитые надежды и бесполезно потраченные силы утешать себя мыслью о том, что сохранил верность своему идеалу. Проклинай меня, но я не признаю тебя своим судьей.

Ответа не последовало. После непродолжительного молчания Бруннов повернулся и направился было к двери. Равен заступил ему дорогу.

– Что это значит? – спросил доктор. – Ты ведь высказался, нам обоим все ясно, и дальнейшие объяснения совершенно излишни. Пусти меня!

– Нет еще... речь идет о твоей безопасности. Ты ведь сейчас же уезжаешь?

– Я уезжаю завтра утром, я обещал сыну еще раз навестить его.

– Это совершенно ненужная проволочка, – сказал барон. – За жизнь твоего сына можно не опасаться, тогда как ты будешь вне опасности только по ту сторону границы. В полночь отходит курьерский поезд. Ты останешься до тех пор у меня в квартире, а затем поедешь в моей карете на вокзал. Никто не посмеет задержать тебя.

– А если впоследствии обнаружится, что губернатор лично способствовал отъезду «государственного преступника»?

– Это мое дело. Я беру на себя ответственность.

– Благодарю, – резко ответил Бруннов. – Я остаюсь до завтра и отправлюсь на вокзал не под прикрытием ливреи барона Равена. Я предпочту возможную опасность твоему покровительству. Тебе это понятно?

– Рудольф! Упрямство может стоить тебе свободы!

– Какое тебе дело? Мы ведь враги. Едва ли мы встретимся с тобой еще раз в жизни, но запомни мои слова, Арно! Ты пока очень твердо стоишь на своей головокружительной высоте и с презрением смотришь на угрожающие тебе опасности. Но наступит день, когда все рухнет под тобой, когда все покинут тебя, и тогда ты увидишь, что вера в себя и в свои идеалы еще имеет некоторую ценность. Это сознание поддерживало меня до сих пор. У тебя же после того как обрушится блестящее здание твоего честолюбия не будет поддержки. Ты сам погубил себя... Прощай!

Бруннов ушел. Равен мрачно смотрел ему вслед.

– Сам погубил себя! – глухо повторил он. – Да, он прав!

Глава XV

В городе было спокойно. «Энергичные меры» возымели свое действие, хотя были проведены и не в том объеме, как предполагалось раньше. Полковник Вильтен, сознававший, что часть ответственности падает и на него, отдал в тот вечер приказ по первой команде стрелять не в толпу, а в воздух. Он рассчитывал на слепой страх, который охватит людей при виде того, что оружие пущено в ход, и его расчет оправдался. Выстрелы произвели панику и смятение, поднялся дикий шум, толпа беспорядочно заметалась из стороны в сторону и побежала, не оказав ни малейшего сопротивления. Полковник, предвидя это, заранее отдал распоряжение, чтобы в решительную минуту путь для бегущих был открыт. Отряду солдат без труда удалось рассеять толпу, и она уже не могла собраться вновь, так как главные пункты города были заняты войсками.

Спустя несколько часов спокойствие было восстановлено практически без всякого кровопролития. Правда, во время паники многие из толпы получили ушибы, но до настоящей схватки дело не дошло. Беспокойные уличные элементы были уstraшены, эксцессов больше не было, и в течение следующего дня спокойствие ничем не нарушалось. По-видимому, насилия удалось избежать. Губернатор снова одержал верх.

На следующее утро после беседы с Рудольфом Брунновым барон Равен прошел на половину своей свояченицы. Простуда баронессы имела серьезные последствия, и со дня своего возвращения в город она почти не вставала с постели. Барон ежедневно посылал справляться о ее здоровье; в последние дни он не виделся ни с ней, ни с Габриэлью, под предлогом болезни матери не появлявшейся за столом. Таким образом, после того бурного объяснения они еще не встречались.

Когда Равен вошел, баронесса со страдальческим выражением лежала на кушетке. Барон, как будто не заметив Габриэли, находившейся тут же, в комнате, подошел к ее матери и равнодушным тоном, как бы исполняя долг вежливости, спросил о здоровье.

– О, я пережила скверные дни, – вздохнула баронесса. – Я чувствую себя очень плохо, а страх и волнение, пережитые мною в тот ужасный вечер, когда хотели штурмовать замок, совсем подорвали мое здоровье.

– Я ведь приказал доложить вам, что были приняты все меры для безопасности замка, – нетерпеливо возразил Равен. – Для вас вообще и не могло возникнуть никакой опасности, демонстрация была направлена исключительно против меня.

– Но шум, выступление войск, выстрелы на улицах города! Все это ужасно расстроило мои нервы. Ах, зачем я не уступила просьбам полковника Вильтена и не осталась еще на несколько дней у него в имении! Правда, при настоящих условиях я не могу и думать об этом. Габриэль форменным образом мучает меня своим упрямством и своеволием. Она решительно заявила, что никогда не отдаст руки молодому барону Вильтену, и грозит напрямик отказать ему, если я допущу, что он сделает ей предложение.

Равен скользнул взглядом по молодой девушке, которая, опершись головой на руку, сидела в некотором отдалении от них. Но и теперь не сказал ей ни слова.

– Я в чрезвычайном затруднении, – продолжала баронесса. – Я дала полковнику самые определенные заверения, которые никак нельзя взять обратно. Он и его сын будут вне себя. Габриэль уверяет, что уже говорила с вами об этом, Арно. Неужели вы согласны с ее отказом?

– Я, – холодно произнес барон, – отказался от всякого влияния на вашу дочь.

– Боже мой, что случилось? Неужели Габриэль проявила свое упрямство и по отношению к вам?

– Оставим это! – резко прервал баронессу Равен. – Я, конечно, должен уладить историю с Вильтеном уже ради своего личного отношения к полковнику. Он никогда не простил бы

мне, если бы я не избавил его сына от неприятности получить отказа там, где он был уверен в согласии. Впрочем, вы сами виноваты, Матильда. Вам следовало заручиться согласием дочери, прежде чем давать определенное обещание. Во всяком случае нужно выяснить этот вопрос. Я поеду к Вильтену и воспользуюсь нашим сегодняшним свиданием, чтобы сообщить ему об отказе Габриэли. Однако перейдем теперь к настоящей цели моего прихода! Вы ведь больны?

– О, да, очень больна! – прошептала баронесса, с выражением крайнего утомления падая на подушки.

– В таком случае я могу сделать вам следующее предложение. Доктор говорит о нервном расстройстве и советует перемену климата, тем более что осень у нас очень сурова и неблагоприятна. К тому же при настоящем положении в городе нечего и думать об общественной жизни, по крайней мере в ближайшее время. Поэтому советую вам воспользоваться приглашением вашей подруги, графини Зельтенек, о которой вы недавно говорили мне, и на несколько недель вместе с дочерью отправиться в столицу.

Габриэль, внимательно следившая за разговором, при последних словах барона вздрогнула, и с ее губ невольно сорвалось:

– В столицу?

– Да, – иронически подтвердил барон, впервые обращаясь к девушке. – Ведь это, я думаю, вполне отвечает твоим желаниям?

Габриэль промолчала, но утомленное лицо баронессы вдруг оживилось.

– Как? Вы согласны на эту поездку? – спросила она. – Откровенно признаюсь, кратковременное пребывание в столице и свидание с моими столичными подругами и знакомыми очень прельщают меня, но из уважения к вашим желаниям, к моему долгу представительницы вашего дома...

– Не беспокойтесь об этом, – возразил барон. – Повторяю вам, при нынешних обстоятельствах не может быть и речи о каких бы то ни было торжественных приемах. Нельзя быть твердо уверенным в том, что беспорядки не повторятся, а потому прошу вас поторопиться с приготовлениями к отъезду. Надеюсь, к вашему возвращению все уже войдет в обычную колею.

– Как и всегда, подчиняюсь вашему желанию, – заявила баронесса. – Мы очень быстро соберемся в дорогу; возможно, и на Габриэль это развлечение подействует благотворно. Теперь она так бледна и молчалива, что я, право, начинаю опасаться за ее здоровье.

Равен, казалось, пропустил мимо ушей слова свояченицы и поднялся.

– Следовательно, с этим вопросом покончено. Все необходимое для поездки, разумеется, к вашим услугам. А теперь я должен оставить вас.

Он вышел. Едва за ним закрылась дверь, баронесса Гардер с величайшей живостью воскликнула:

– Наконец-то моему зятю пришла в голову благоразумная идея! Я уже боялась, что он посоветует нам остаться в этом мятежном городе, где ни минуты нельзя быть спокойными за свою жизнь и при каждом выезде из дома нужно опасаться быть оскорбленными чернью. Меня удивляет лишь то, что Арно заботится о моих нервах и о предписании врача. Обычно он очень невнимателен к таким вещам. Как ты думаешь, Габриэль?

– Я думаю, что он хочет во что бы то ни стало выжить нас отсюда.

– Ну да, – простодушно согласилась баронесса, – он же видит, что пребывание в Р. далеко не приятно, в особенности для дам. Я ведь не без задней мысли говорила ему о приглашении графини, надеясь, что он даст свое согласие, но он упорно молчал, и я не осмелилась настаивать. Как я жажду снова увидеть столицу и возобновить прежние знакомства! Р. ведь все же провинция, хотя ему и стараются придать вид большого города. А теперь прежде всего необходимо осмотреть наши туалеты. Пойдем, дитя мое, посоветуемся об этом.

– Избавь меня, мама! – слабо возразила девушка. – Мне вовсе не до того теперь. Я согласна на все, что ты решишь сама.

Баронесса с нескрываемым удивлением взглянула на дочь: она никак не могла понять подобное равнодушие.

– Не до того? – повторила она. – Что с тобой, Габриэль? Я заметила перемену в тебе еще во время нашего пребывания у Вильтенов, но в последние дни совсем уже не узнаю тебя. Боюсь, на обратном пути что-то произошло между тобой и дядей Арно. Ты что-то скрываешь от меня. Он явно сердит и почти не смотрел на тебя сейчас. Когда же ты научишься проявлять уважение к нему?

– Ты ведь слышишь, он удаляет нас! – с возрастающей горечью воскликнула Габриэль. – Он хочет быть один во время угрожающей ему опасности, когда его готово постигнуть несчастье... совершенно один!

– Не понимаю тебя, – рассердилась мать. – Что может угрожать твоему дяде? Он достаточно энергично, мне кажется, подавил попытку к восстанию, а в худшем случае к его услугам войска.

Габриэль молчала. Она не думала об этой опасности, но все же чувствовала, что брошюра Винтерфельда не может не иметь последствий, и предвидела надвигающуюся бурю. Она и ее мать, конечно, избегнут ее. Барон отсылает их в столицу и яснее этого не мог сказать, что между ними все кончено. Там ведь был Георг, и они легко могли встретиться. Вся та суровость, с которой барон восставал против их союза, не огорчала молодую девушку так, как эта добровольная уступка. Равен показал, что отказывается от всяких претензий к ней, предоставляет ей полную свободу, а она слишком хорошо знала своего опекуна, чтобы не понять, что предательница, какой он считал ее, не может рассчитывать на его прощение. Габриэль, может быть, и попыталась бы убедить барона в несправедливости подозрения, но его ледяной взгляд говорил, что он не поверит ей, и при мысли об этом в ней с новой силой вспыхнула гордость. Неужели она вторично перенесет унижение быть не выслушанной, отвергнутой, как уже один раз случилось при ее попытке защититься? Никогда!

Баронесса вовсе не подозревала о подобных размышлениях дочери. Она и не вспомнила о том, что в столице сейчас находится ассессор Винтерфельд. Ее голова была занята совершенно иным, и, не встретив сочувствия дочери к вопросу о туалетах, она позвонила горничной и приступила к обстоятельному совещанию с ней.

Болезнь и утомление баронессы, по-видимому, разом исчезли; она делала необходимые распоряжения с таким оживленным рвением, что уже и теперь можно было надеяться на отличный результат от предстоящей «перемены климата».

Барон между тем поехал к Вильтену. Он уже давно был в дружеских отношениях с полковником, а в последнее время они еще больше сблизились. Однако на сей раз в приеме и во всем поведении полковника заметна была некоторая принужденность. Барон не обратил на это внимания, думая совершенно о другом. Он уже хотел было перевести разговор на меры безопасности в городе, главным образом зависевшие от воинского начальства, но Вильтен предупредил его несколько поспешным вопросом:

– Получили ли вы более подробные известия из столицы? Вы ведь ожидаете ответа на свое письмо относительно брошюры Винтерфельда.

– Да, сегодня утром я получил ответ, – барон нахмурился при этом вопросе и, откинувшись в кресле, не то насмешливо, не то огорченно продолжал: – В столице, кажется, совершенно забыли о том, что я, в качестве представителя правительства, действовал его именем и что моя деятельность в продолжение многих лет пользовалась его всемерной поддержкой. Вы были совершенно правы, предупреждая об интригах против меня. Теперь я вижу, как непрочна почва подо мной. Несколько месяцев тому назад не посмели бы ответить таким образом.

– Как, неужели вам не дали понять... – и полковник запнулся.

– Мне дали слишком многое понять. Правда, в самой обязательной форме, но ведь это нисколько не меняет дела. Столичным господам, как мне кажется, было бы очень приятно,

если бы я удалился от дел. Там немало людей, которым я встал поперек дороги, и они приложат все усилия к тому, чтобы использовать выпад против меня. Но я пока еще не склонен очистить им место. Последние здешние события тоже дают повод к самым серьезным толкам. В столице не хотят согласиться с тем, что вмешательство войск было вызвано необходимостью. Мне стараются всячески дать понять мою ответственность, в частности за чрезмерное раздражение населения, и тому подобное. Я прямо ответил, что невозможно правильно судить издали о положении вещей, что, находясь здесь, я лучше знаю, что должен делать, и буду впредь поступать так же, если снова вспыхнут беспорядки.

На лице полковника появилось прежнее принужденное выражение, исчезнувшее было во время их разговора. – Едва ли это возможно, – заметил он. – Правда, возмущение населения много сильнее, чем мы думали вначале, и я уже говорил вам ранее, что при подобных обстоятельствах желательно избегать военных мер.

– Дело не в том, что желательно, а в том, что необходимо, – ответил барон с резкостью, всегда служившей у него признаком сильного раздражения.

– В таком случае будем надеяться, что необходимость не повторится, – заметил Вильтен, – так как я, к сожалению... принужден... заявить, что мне придется отказать вам в содействии.

– Что это значит, господин полковник? Ведь вам известны мои полномочия? Могу вас уверить, что я еще пользуюсь всей полнотой власти.

– В этом я не сомневаюсь, но вот моя-то власть ограничена. В будущем я обязан следовать приказам собственного начальства.

– Вы получили такой контрприказ? – быстро спросил барон.

– Да... – помедлив, ответил полковник, – вчера.

– Могу я видеть его?

– К сожалению, он предназначен только для меня.

Равен отвернулся и подошел к окну; когда он снова обернулся к полковнику, лицо его было бледно.

– Значит, мне связывают руки. Если восстание повторится и полиция не сможет подавить его, я окажусь беспомощным, и город будет предоставлен на произвол судьбы.

Вильтен пожал плечами.

– Я – солдат, ваше превосходительство, и должен повиноваться.

– Конечно, вы должны повиноваться... вполне согласен.

Последовала весьма неприятная пауза. Полковник, по-видимому, подыскивал новую тему для разговора, но Равен предупредил его.

– Раз дело обстоит так, то наши дальнейшие переговоры относительно этого совершенно излишни, – с принужденным спокойствием сказал он. – Прошу вас, не извиняйтесь; отлично понимаю, что для вас лично это тоже очень тягостно, но вы не можете ничего изменить. Мне нужно еще поговорить с вами относительно частного дела. Вы предупреждены о том, что ваш сын обратится ко мне с некоторым предложением. Поручик Вильтен, правда, еще ничего не говорил мне, и в такое беспокойное время, пожалуй, понятно...

– Да, – перебил его полковник. – Я дал понять Альберту, что с его стороны было бы весьма неделикатно затруднять вас подобными вещами в то время, когда кругом такой водоворот. Он уступил моим доводам; к тому же он завтра должен уехать в служебную командировку в М. и, вероятно, пробудет там несколько недель. Правда, сперва я назначил в эту командировку другого офицера, но теперь не могу остаться без него, и моему сыну, как самому младшему из офицеров, легче всего заменить его. То, о чем я говорил, еще может подождать, по возвращении Альберта можно будет вернуться к этому вопросу.

– Напротив, я теперь же хочу навсегда покончить с ним, – сухо возразил барон. – Моя свояченица, баронесса Гардер, к сожалению, не в состоянии исполнить обещание, данное ею

молодому барону. Она убедилась в том, что ее дочь не чувствует достаточной склонности к нему, чтобы решиться на этот брак, а ни она, ни я не желаем принуждать Габриэль.

– Мы никогда и не допустили бы этого! – воскликнул Вильтен. – Мне, конечно, тяжело отказаться от давно лелеемой надежды, и мой сын будет вне себя от огорчения. Но раз он не может надеяться на взаимность, то лучше вовремя отказаться от мысли получить ее. Я серьезно поговорю с ним об этом.

– Сделайте это, пожалуйста! – сказал Равен, от внимания которого не ускользнули ни поспешность возражения полковника, ни его облегченный вздох при этом отказе. – Я убежден, что вы встретите в нем покорного сына.

Он направился к дверям. Полковник вежливо проводил барона и у порога комнаты хотел по обыкновению пожать его руку, но Равен не подал ему своей и, холодно поклонившись, вышел из комнаты. На лестнице он на минуту приостановился и, бросив взгляд назад, вполголоса проговорил:

– Вот, значит, до чего дошло! Уже стараются порвать со мной всякие отношения... Интересные, должно быть, вести получены полковником...

Выйдя из подъезда дома, Равен уже садился в карету, ожидавшую его, когда заметил приближавшегося к нему полицмейстера.

– Я только что хотел идти к вам, ваше превосходительство, – сказал тот, приветливо здороваясь. – Я думал, что вы в замке.

– Я направляюсь туда, – ответил Равен, – поедем вместе.

Полицмейстер принял приглашение. Барон рассеянно слушал сообщения своего спутника, с затаенной злобой переживая первое унижение, выпавшее на его долю. До сих пор он пользовался неограниченной властью, и имел такие полномочия, каких не давали никому из губернаторов, а теперь, когда он особенно нуждался в них, его связывали по рукам и по ногам. У него отняли поддержку, на которую он опирался, намеренно оставили одного бороться с мятежным городом. Равен понимал, что значит этот симптом. В течение нескольких минут полицмейстер говорил о довольно незначительных происшествиях, затем продолжал:

– А теперь еще об одном, что, конечно, поразит вас своей неожиданностью. Вы ведь принимаете участие в молодом докторе Бруннове?

– Конечно! А что с ним такое?

– Дело, правда, не касается его лично, но, к сожалению, довольно близко ему. Вы помните господина, представленного советником Мозером под именем доктора Франца? Вы ведь даже довольно долго беседовали с ним. Вам ничего не бросилось в глаза?

Барон выпрямился, уже с первого слова он понял, что его опасения были небезосновательны и Бруннов находится в опасности. Необходимо было сохранить наружное спокойствие, чтобы попытаться устранить эту опасность. Собравшись с силами, Равен холодно и твердо ответил:

– Нет.

– А мне наоборот! Во мне зародились некоторые сомнения, затем они, благодаря рассказу Мозера, превратились в настоящее подозрение, и я счел необходимым предпринять расследование. Доктор Франц прибыл в одну из гостиниц предместья, очень беспокоился и волновался, расспрашивая о молодом докторе, и тотчас же поспешил к нему. На неосторожно оставленном в гостинице чемодане был наклеен ярлычок с пометкой «Цюрих» в качестве станции отправления; были и другие подозрительные улики – словом, не оставалось никакого сомнения в том, что перед нами отец раненого, Рудольф Бруннов.

Это было сообщено спокойным, деловым тоном, каким говорилось и об остальных происшествиях; Равен постарался ответить полицмейстеру в том же тоне:

– Ваше преждевременное предположение нуждается в подтверждении. На основании одних подобных улик не следует ничего предпринимать против чужестранца.

– У нас уже имеется и подтверждение, – сказал полицмейстер: – Доктор Бруннов назвал свое имя при его аресте.

– При его аресте? – вспыхнул барон Равен. – Вы приказали арестовать его, не известив меня об этом?

Полицмейстер взглянул на него с хорошо разыгранным удивлением.

– Я положительно не понимаю вас, ваше превосходительство! Ведь такие меры я всегда предпринимаю по своей личной инициативе. Если бы я знал, что вы желали бы предварительного сообщения об этом, то несомненно доложил бы вам.

Равен судорожно сжал перчатку в правой руке.

– И я, безусловно, отсоветовал бы этот арест. Подумайте о шуме, который поднимется из-за этого, обо всех неизбежных последствиях. Именно теперь, когда примирение является единственной задачей правительства, когда оно ищет популярности и боязливо избегает каких бы то ни было конфликтов, не время воскрешать старые, полузабытые революционные воспоминания.

– Я исполнил свой долг, не больше. Доктор Бруннов был присужден к долголетнему заключению в крепости и бежал из нее. Он знал, что при возвращении его ждет законная кара, но тем не менее приехал, а значит, должен нести последствия.

– Мне кажется, вы уже давно на службе и могли бы знать, как часто буква закона приносится в жертву требованиям момента, – с возрастающим жаром возразил барон. – Ради чего вернулся сюда беглец? Общественное мнение самым решительным образом встанет на сторону человека, который в смертельном страхе за жизнь своего единственного сына, в надежде спасти ее своими медицинскими познаниями, пренебрег собственной безопасностью. Бруннов сделается мучеником, привлечет к себе симпатии всей страны. Как, по-вашему, желательно это для нас? Вы действовали на основании своего личного подозрения. Навряд ли вас поблагодарят за это в столице.

Резкие слова барона были почти оскорбительны, но полицмейстер спокойно и вежливо ответил:

– Там видно будет. Я действовал наилучшим образом и очень сожалею, что мои мероприятия нашли так мало одобрения. Менее всего я рассчитывал на недовольство с вашей стороны, потому что именно вы, ваше превосходительство, осуждали сдержанность правительства, считая ее признаком слабости, и только что доказали городу, что вы сторонник решительного и энергичного образа действий.

Барон прикусил губу. Он почувствовал, что слишком увлекся, и прервал полицмейстера, спросив:

– Значит, доктор Бруннов назвал свое имя?

– Да, он, конечно, был ошеломлен, когда ему объявили о том, что он арестован, но вскоре овладел собой и уже не отрицал ничего. Да это было бы и бесполезно в данном случае. Я позаботился о том, чтобы его сын на первых порах ничего не знал об этом, по крайней мере советник Мозер обещал мне хранить молчание. Бедный советник! С ним чуть не случился удар, когда я открыл ему, кто такой мнимый доктор Франц.

– Надеюсь, по крайней мере, вы отнесетесь с должным уважением к арестованному, – заметил Равен. – Цель его возвращения и самопожертвование его сына ради ваших подчиненных дают ему полное право на это.

– Несомненно, – согласился полицмейстер. – Доктору Бруннову не придется жаловаться. Пока он содержится в комнате при городской тюрьме, и я распорядился, чтобы стража относилась к нему с величайшей гуманностью. Однако необходима самая строгая охрана, чтобы сделать невозможными вторичное бегство или... попытку его освобождения.

Равен мрачно взглянул на своего спутника. Легкая ироническая усмешка на губах последнего ясно говорила барону, что его отношение к бывшему другу молодости не состав-

ляет более тайны и что удар был собственно направлен не против Бруннова, а против него самого. В настоящую минуту он еще не знал, с какой целью это было сделано, но полицмейстер никогда не действовал необдуманно там, где ему грозила серьезная ответственность. Он всегда знал, что делает.

– Бегство! Освобождение! – с горечью повторил барон. – Теперь это, право, слишком поздно!

– Я думаю то же самое, но не хочу пренебрегать необходимой осторожностью. Нельзя заранее знать, какие связи у беглецов... Вот все, что я имел сообщить вам. Не буду более беспокоить вас. Позвольте просить вас остановить карету, когда мы будем проезжать мимо моей канцелярии. У меня там, наверное, опять груда дел.

Минут через десять карета остановилась, и полицмейстер вышел, вежливо простившись с бароном.

Наконец Равен остался на несколько минут один. С самого утра его поражал удар за ударом. Сперва письмо министра, затем открытие полковника Вильтена, теперь сообщение об аресте Бруннова. Грозные признаки нарастали, почва под ногами барона начинала колебаться, и впервые он со своей головокружительной высоты заглянул вниз с мыслью о том, как глубоко могло быть его падение. Но Арно Равен не испугался этой мысли. Гордое и энергичное выражение его лица указывало на то, что он ни на шаг не отступит перед угрожающей ему опасностью. Он не хотел пасть и с непреклонной решимостью готов был встретить надвигающуюся бурю.

Глава XVI

В замке стало грустно и пустынно. Баронесса Гардер с дочерью уехали в столицу. Никто из прислуги не пожалел о старой баронессе, капризной и привередливой, но зато все очень грустили о Габриэли, снискавшей всеобщую симпатию и любовь. С ее появлением словно солнечный свет проник в этот дом, даже барон стал мягче и доступнее во время ее кратковременного пребывания в замке, так что прислуга иногда даже не узнавала своего господина. Теперь Габриэли не было, ее комната была заперта, и все чувствовали какое-то мрачное запустение.

Один только барон, казалось, не замечал отсутствия девушки; по крайней мере, это никак не проявлялось, да и все знали, что у него не было времени заниматься домашними делами. Окружающие привыкли всегда видеть его замкнутым и не обращающим внимания ни на какие обстоятельства. Теперь губернатор был все тот же, но ни для кого не было тайной, что грозные тучи собирались над его головой.

Беспорядки в городе пока не повторялись. Низшие слои населения были уstraшены, лучшая его часть опомнилась. Последние события ясно показали всем, что прежние средства не приведут к цели. Городской голова прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать повторению подобных событий. Урок ни для кого не прошел бесследно. Однако из этого все же нельзя было заключить, что борьба закончена, напротив, население продолжало ее с еще большей настойчивостью, но в то же время и с большим спокойствием, потому что жители Р. увидели, как сочувственно отнеслись к их интересам не только в столице, но и во всей стране. Брошюра Винтерфельда имела колоссальный успех, и ее воздействие превзошло всякие ожидания, найдя поддержку даже в высших сферах.

В столице барон Равен далеко не пользовался любовью. Поднявшись из низкого звания до одной из самых высоких государственных должностей, он не мог не возбудить вражды и зависти в тех, кого так далеко оставил позади себя. Многие видели в его блестящей карьере и в положении, которое он занимал, захват их собственных родовых привилегий. Барону не могли простить его манеру обращения с высокопоставленными лицами и ждали только удобного случая, чтобы отомстить выскочке. До сих пор они не могли повредить Равену. Правительство предоставляло ему широкие полномочия и старалась не замечать их превышения. Для Р-ской провинции оно нуждалось именно в таком человеке, как Равен, энергично и с непоколебимой последовательностью поддерживавший авторитет правительственной власти и обуздавший ее опасные элементы. Необходимость в таком губернаторе брала верх над происками его врагов.

Но времена изменились. Наступил переворот, грозивший сделаться роковым для сторонников теперешнего правительства. Одна их часть старалась примкнуть к новым течениям, другая готовилась со всеми внешними почестями уступить поле битвы. У всех были друзья и связи, благодаря которым они могли достигнуть своей цели, но Равен был одинок, и общая затаенная ненависть к нему стала выходить на поверхность.

Во всякое другое время брошюра Винтерфельда была бы конфискована, теперь же ею воспользовались в качестве орудия против ненавистного барона, и молодой чиновник попал в милость. Его посещали, превозносили до небес, удивлялись его мужеству – вслух произнести то, о чем все знали, но умалчивали. Находили, что брошюра была написана блестяще, обнаруживала огромную эрудицию автора, талант и строгую логику, что в ней не было и признаков памфлета. Автор отдавал должное необыкновенным качествам губернатора, обвинения основывались только на фактах, а последние были освещены с такой беспощадной ясностью и подвигались такой жестокой критике, которая никак не могла остаться без ответа.

Для Р-ской провинции и ее главного города брошюра Винтерфельда сыграла роль искры в бочке пороха. Страх перед губернатором исчез, увидели, что и он уязвим, и скрытое раздражение разразилось настоящей бурей. Никто не вспоминал о том, что провинция и город Р.

многим обязаны деятельности барона, сердца всех жителей были полны ненависти к деспоту, и самые горячие почитатели барона первые бросили в него камень.

Другой на месте Равена отступил бы, не видя ни малейшей надежды на удержание позиции. К тому же из столицы ему дали понять своевременность отставки. Но гордость барона возмущалась при вынужденном отступлении под градом обвинений и оскорблений. Он знал, что в настоящую минуту его отставка будет сочтена поражением, и потому надменно ответил, что не намерен долго оставаться на своем посту, но прежде хочет окончить борьбу, свергнуть противников, заставить их замолчать, как он сделал это при вступлении в настоящую должность. Раньше того он не удалится! Равен, пожалуй, не выказывал бы такого упорства, если бы сигнал к всеобщему натиску не был подан Георгом Винтерфельдом. Мысль быть сверженным ненавистным человеком, стоявшим между ним и Габриэлью, приводила его в бешенство и затемняла его ясный ум.

Отставка Равена еще не была окончательно решена. Он стоял еще твердо и мог сослаться на то, что действовал совершенно открыто, будучи уполномочен правительством, поэтому оно не решалось свергнуть человека, столько лет управлявшего от его имени. Привычные полумеры и слабость сказались и здесь. Первые нападки на барона встретили одобрение, но когда он дал им неожиданный и твердый отпор, правительство не решилось поддержать ни губернатора, ни его противников.

Во всяком случае это событие всецело завладело вниманием общества. Та же участь постигла и арест доктора Бруннова, все еще пребывавшего в р-ской городской тюрьме. Общество знало, что закон требовал задержания вернувшегося беглеца, но находило жестоким, что отцу, поспешившему к смертному одру сына, пришлось поплатиться за это своей свободой, несмотря на то, что со дня приговора над ним прошло уже так много лет.

Было еще довольно раннее утро, когда полицмейстер вошел к заключенному. Он был вежлив и любезен, словно явился сюда с визитом.

– Я пришел сообщить вам, господин доктор, о посещении вашего сына, – начал полицмейстер. – Вы ведь получаете регулярные сведения о его здоровье, и вам, конечно, известно, что он может уже без вреда для себя выходить из дома. В двенадцать часов он будет у вас. Я хотел лично сообщить вам это.

– Вы положительно очень добры ко мне! – ответил Бруннов.

– Вместе с тем я хотел убедиться, точно ли исполняются мои приказания, – продолжал полицмейстер. – Вы получаете все возможные облегчения, насколько это допускается вашим положением арестованного? Нет ли у вас каких-нибудь жалоб?

– Ровно никаких! Напротив, мне очень интересно было бы знать, кому я обязан чрезмерным вниманием, оказываемым мне с первой же минуты моего пребывания под арестом?

– Прежде всего, конечно, исключительной цели вашего возвращения: чтут заботу отца о сыне.

– Неужели это единственная причина? Из прежнего своего пребывания в государственной тюрьме я могу заключить, как мало придают значения подобным личным отношениям. У меня на этот счет весьма печальный опыт.

– Все изменилось, – непринужденно возразил полицмейстер, не замечая горького тона его слов. – Между прошлым и настоящим лежит целый ряд лет, и эти годы благоприятно отозвались на вашей судьбе.

– Я знал, чем рискую при возвращении в страну, и не питал никаких иллюзий относительно своей судьбы, – почти резко ответил Бруннов. – Вы, вероятно, явились сюда, чтобы сообщить мне, что я скоро буду переведен в крепость?

– Относительно этого еще ничего не решено. Чему вы удивляетесь? Действительно странно, что так медлят с решением, но я считаю это хорошим для вас признаком: весьма возможно, что из уважения к таким исключительным обстоятельствам вас помилуют.

– Вы так полагаете? – оживился Бруннов.

– Пока это – лишь мой личный взгляд, – поспешил заявить полицмейстер. – Но, по моему, настроение чрезвычайно благоприятно для вас. Может быть, ожидают первого шага с вашей стороны. Я убежден, что если вы подадите прошение о помиловании, оно не будет отвергнуто.

– Никогда я не стану просить о помиловании! – твердо произнес старик. – Это было бы признанием своей вины, а я не признаю ее за собой и даже ради свободы не пожертвую своими принципами. Помилуют меня или нет – я никогда не стану просить об этом.

Полицмейстер проклинал в душе «высокомерное упрямство старого демагога». Прощение о помиловании было бы так кстати ввиду уступки, которую решили сделать общественному мнению, но, к сожалению, на него нельзя было надеяться. Первая часть миссии полицмейстера не удалась, и он приступил ко второй.

– Разумеется, это зависит только от вас лично, – произнес он. – Но вы затрудняете таким образом действия своих друзей, прилагающих все усилия к тому, чтобы спасти вас.

– Кто они? – удивленно спросил Бруннов. – У меня нет друзей, пользующихся влиянием в правительственных кругах.

– Может быть, есть, и даже лучшие, чем вы предполагаете. Разве вам и в самом деле не известно, что сам губернатор ходатайствует о вашем помиловании?

– Арно Равен... вот как? – медленно произнес Бруннов.

– Да, да, барон Равен. Именно он, узнав от меня о вашем аресте, вменил мне в обязанность внимательное обращение с вами.

Бруннов молчал.

Полицмейстер после короткой паузы продолжал:

– Он, по-видимому, все еще интересуется вами. Разумеется, вполне естественно не быть равнодушным к ДРУГУ юности.

– А, это уже здесь тоже известно? – мрачно взглянул доктор на собеседника. – Но едва ли от его превосходительства.

– Он сам, конечно, никому не говорил. Вполне понятно, что положение барона не позволяет ему открыто говорить о юношеской дружбе, представляющей столь резкую противоположность с его собственным жизненным направлением.

– С его позднейшим направлением, хотите вы сказать? – голос Бруннова звучал резко и насмешливо. – С прежним эта дружба была в наилучшей гармонии.

– Не станете же вы утверждать, что барон Равен знал о тех стремлениях, которые привели вас на скамью подсудимых? – спросил полицмейстер с улыбкой, которая должна была раздражать его собеседника.

И он достиг цели. Бруннов заметно взволновался.

– О, не только знал, но в полной мере разделял их!

– Да, мне помнится, тогда он тоже был под подозрением, оно было вызвано клеветой. Барону удалось совершенно снять с себя подозрение, так что его тотчас же освободили, и он получил даже, в виде удовлетворения за неправый арест, место секретаря при министре.

– В виде вознаграждения за предательство! – вспыхнул Бруннов, совершенно не подозревая, что его раздражают со специальным намерением, и не в силах больше владеть собой. Оно стало первой ступенью той лестницы, по которой он достиг своего высокого положения. Он купил это положение ценой гибели своих друзей, измены своим убеждениям и потери чести!

– Господин доктор, умерьте свой гнев! – с возмущенным видом остановил его полицмейстер. – Вы ведь бросаете губернатору ужасное обвинение. Оно может быть лишь заблуждением или ложью.

– Ложью? Нет, это истина! Но вы, конечно, считаете барона Равена не способным на предательство, а меня лгуном, клеветником.

– Я вовсе не хотел делать таких намеков, однако серьезно сомневаюсь в том, что вы осмелитесь повторить свои слова.

– При необходимости я повторю их перед целым светом. Я швырну их в лицо самому губернатору, как уже сделал это однажды, когда...

Тут Бруннов запнулся и замолчал. Живейшее любопытство, выразившееся на лице слушателя, заставило его опомниться. Он не закончил своей фразы и угрюмо отвернулся.

– Вы хотите сказать... – пришел к нему на помощь полицмейстер.

– Ничего я не хотел сказать!

– Я вас решительно не понимаю. Если дело обстоит так, то у вас нет ни малейших оснований щадить губернатора.

– Я и не щажу его, – мрачно возразил Бруннов, – но не желаю доносить на того, кто некогда был моим другом. Если бы я хотел пустить в ход такое оружие против него, то уже давно сделал бы это. Оно разит вернее и убийственнее, чем брошюра Винтерфельда, потому что окроплено ядом... Но тем не менее я неспособен употребить его в дело. Пожалуйста, оставим разговор! К чему выводить на свет Божий давно минувшую историю? Пусть она будет Погребена!

Однако эти слова доктора совсем не согласовались с замыслом полицмейстера. Он охотно продолжил бы разговор на ту же тему, но видел, что больше ничего не добьется от своего собеседника. Главной же своей цели он уже достиг, так как знал теперь то, что хотел знать. Поэтому он без усилий перевел разговор на другую тему и вскоре простился.

Бруннов беспокойно посмотрел ему вслед и пробормотал про себя:

– Неужели он в самом деле пришел с целью намекнуть мне на просьбу о помиловании? Или ради того, чтобы разузнать о Равене? По-моему, последнее вернее. Жаль, что я так увлекся в разговоре с ним.

Глава XVII

Несмотря на вечерний час и осеннее ненастье, на главных улицах столицы происходило непрерывное движение, и только в аристократических кварталах, лежавших в стороне от центральных улиц и торгового центра, стояли тишина и покой.

В доме графов Зельтенек, в отведенной ей комнате одиноко сидела Габриэль Гардер, погруженная в грустные думы, что теперь нередко случалось с ней. Из легкомысленной, жизнерадостной девушки она превратилась в настоящую мечтательницу. Она была уже совсем одета, чтобы ехать в оперу, но, видимо, вовсе не думала о ней, прижавшись в угол кресла и рассеянно перебирая рукой кружевную отделку платья.

Если в настоящее время существовало что-нибудь, что могло развлечь Габриэль, то это должно было быть именно посещение столицы, где ее и ее мать приняли чрезвычайно любезно. Графиня Зельтенек, задушевная приятельница баронессы, прежде часто бывала в доме Гардеров, а после смерти барона постоянно переписывалась с его вдовой. Теперешняя встреча доставила обеим дамам огромное удовольствие, и графиня, никогда не имевшая собственных детей, всячески ласкала и баловала очаровательную дочь своей приятельницы.

Баронесса только здесь узнала о направленных против Равена выступлениях в печати, но была слишком ограничена, чтобы серьезно взвесить значение факта, казавшегося ей, подобно мятежу в городе Р., лишь мимолетной досадной неприятностью. Ей и в голову не приходило, что положение барона могло пошатнуться, его дела вообще интересовали ее лишь постольку, поскольку вопрос касался ее собственной будущности. Баронесса не чувствовала к зятю ни малейшей симпатии, она только боялась его. Тем не менее ее возмутила «наглость этого Винтерфельда», в поступке которого она видела лишь месть за полученный отказ в руке Габриэли. Баронесса ни минуты не сомневалась, что барон заставит смельчака понести заслуженное наказание, и вообще не видела причины беспокойства из-за таких пустяков.

То, что ее дочь не отважится снова завязать отношения с ассессором Винтерфельдом после нанесенного им Равену оскорбления, баронесса тоже считала само собой разумеющимся. Теперь она заботилась лишь о том, чтобы не допустить случайной встречи молодых людей, а это было нетрудно. Георг не принадлежал к кругу знакомых графа и графини Зельтенек, а Габриэль в столице, среди чужих, никогда не предоставляли самой себе. В действительности девушка и не делала никаких попыток дать знать Георгу о своем приезде; она содрогалась при одной мысли о возможности встречи с ним, когда ее сердце было полно любви к другому. Несмотря на все, что произошло в последнее время между ней и Арно, вопреки даже его жестокому и несправедливому обвинению, образ этого человека жил в ее душе, и мысль о грозившей ему опасности лишь усиливала его власть над девушкой.

Несмотря на свою юность и неопытность, Габриэль несравненно лучше матери понимала значение выступления Винтерфельда, так как уже несколько недель с лихорадочным интересом следила за ходом дел. Прежде она никогда не заглядывала в газеты, а теперь внимательно отыскивала каждую заметку, прислушивалась к каждому замечанию в разговоре, имевшему отношение к барону.

Обвинительная брошюра Винтерфельда обрисовала перед ней истинный облик Равена, каждая черта которого была ей знакома, со всеми темными сторонами его характера, и, как противоположность ему, выступал чистый и благородный облик Георга, смело приносившего всю свою будущность в жертву тому, что повелевали ему долг и совесть. Но напрасно! Душа Габриэли рвалась к мрачному деспоту, она готова была бороться рядом с ним, дрожала и тревожилась за него! И в то же время в глубине ее души нарастало враждебное чувство против Георга, оскорбившего любимого ею человека.

Бой каминных часов пробудил Габриэль от ее мыслей, напомнив о том, что пора готовиться ехать в театр. Накинув на плечи кружевной шарф и натянув перчатки, она направилась в гостиную, где уже находились ее мать и графиня Зельтенек. Обе уже были в вечерних туалетах.

– Я понимаю, как тебе приходилось страдать под гнетом обстоятельств в доме твоего зятя, Матильда, – говорила графиня, – но чего не сделаешь ради своего ребенка! В руках барона ведь вся будущность Габриэли, со временем она получит княжеское состояние. Равен в этом отношении дал тебе, кажется, вполне определенные обещания, не правда ли?

– Конечно, – ответила баронесса. – Это было сказано, как только я приехала к нему, но теперь я боюсь, что из-за злополучного случая с Винтерфельдом все изменится.

– Ассессор – очень интересная личность, – сказала графиня. – По-моему, я говорила тебе, что несколько недель назад мы познакомились с ним на одном вечере, где всеобщее внимание было обращено исключительно на него. Он ведь теперь в некотором роде знаменитость и пользуется особенным покровительством министерства. Его приглашают в лучшие дома и везде встречают с крайней предупредительностью.

– Но это неслыханно! – воскликнула баронесса. – За оскорбление губернатора Р. обязаны были строго наказать виноватого, вместо того чтобы принимать его «с крайней предупредительностью»!

– Тем не менее это так, и, мне представляется, что это делается намеренно, ради оппозиции барону. Вообще я не понимаю, почему предложение ассессора показалось тебе и твоему зятю чем-то невозможным. Вместо того чтобы отказать ему и тем вызвать его на отчаянный шаг, лучше было подать ему надежду.

– Подать надежду? Послушай, Тереза... ведь он – не дворянин.

– Это не непреодолимое препятствие, – объявила графиня, искренне симпатизировавшая Георгу. – Какое значение имеют дворянские грамоты? Равен также не был дворянином, когда обручился с твоей сестрой.

– Но это был исключительный случай, а ассессор Винтерфельд...

– Сделает совершенно такую же карьеру. После смелого шага, который привлек к нему взоры всей страны, ему нечего бояться забвения; а если бы он еще стал членом такой старой аристократической семьи, как твоя, ничто уже не помешало бы ему достигнуть той же высоты, на какую поднялся барон фон Равен.

Баронесса умолкла в раздумье. Она привыкла подчиняться суждениям подруги, превосходившей ее в умственном отношении, а в изображении графини Георг Винтерфельд предстал перед ней в совершенно новом свете. Еще немного – и уже готово было снова возродиться то расположение, с каким она относилась к Георгу в самом начале их знакомства.

Приход графа положил конец разговору приятельниц. Граф только что вернулся с визита, и после нескольких вопросов и ответов супруга напомнила, что пора отправляться в оперу. Однако граф задержал ее.

– Одну минуту, Тереза! – сказал он. Мне надо сперва поговорить с тобой об одном небольшом деле. Баронесса, надеюсь, простит нас.

Баронесса попросила не стесняться из-за нее, и супруги удалились в соседнюю комнату.

– Я получил известия, которые очень огорчат баронессу Гардер, – вполголоса начал граф. – Они касаются ее зятя, барона Равена.

Он закрыл за собой дверь в гостиную, но комната имела еще другой выход, скрытый портьерой. Собеседники остановились возле него как раз в ту минуту, когда Габриэль, направляясь в гостиную, собиралась войти в эту комнату. До ее слуха долетели последние слова и имя барона, и этого было достаточно, чтобы она стала жадно прислушиваться, затаив дыхание.

– Разве он не подал в отставку? – спросила графиня.

– Об этом теперь нет и речи, – ответил Зельтенек. – Тогда он только разделит бы участь многих государственных сановников, удалившихся на время от дел. Но сейчас я услышал у брата нечто настолько серьезное, что можно предполагать – карьера Равена навсегда кончена. Первая газета в Р. напечатала статью, содержащую тяжкое обвинение против губернатора. Уже давно поговаривали, что в прежних революционных движениях не обошлось без участия Равена, однако в статье определенно утверждается, будто барон был не только членом, но даже руководителем кружка, главой которого считали осужденного доктора Бруннова, того самого, которого недавно снова арестовали. Утверждают, будто Равен самым низким образом изменил своим друзьям, выдав все важнейшие бумаги, а полученное им место в министерстве было будто бы наградой за эту подлость. Обвинение высказано с такой беспощадной определенностью, что почти не оставляет места для сомнений, причем ссылаются на свидетельство самого Бруннова.

– А что ответил Равен? – поспешно спросила графиня.

– Он объявил все напечатанное ложью – к этому принудило его чувство самосохранения, но об опровержениях пока ничего не слышно. Если ему не удастся выяснить все дело и очиститься от подозрений, его роль будет сыграна.

– Бедная Матильда! – воскликнула графиня. – Не повременить ли с этими сообщениями? Не промолчать ли пока?

– Невозможно! Она завтра же все узнает из газет. Ей надо сказать все.

Решив, что от оперы сегодня придется отказаться, муж и жена вместе прошли в гостиную. Бледная, как смерть, вернулась Габриэль в свою комнату. Она ни минуты не обманывалась относительно значения того, что сейчас услышала. Она знала, что Равен мог справиться с любым ударом судьбы, кроме одного, имя которому – позор и унижение, а именно это обрушилось теперь на его голову.

Пока графиня Зельтенек передавала баронессе тяжелое известие, Габриэль с лихорадочной поспешностью набросала несколько строк. На адресе стояло имя асессора Винтерфельда; письмо заключало в себе извещение о ее приезде и просьбу навестить ее завтра в доме графини Зельтенек.

На следующий день, в назначенный час, Георг уже стоял в гостиной графини. Через несколько минут появилась Габриэль, и Георг бросился к ней в порыве бурной радости.

– Габриэль, дорогая моя Габриэль, наконец-то мы увиделись!

В своей радости он не заметил, что молодая девушка не ответила на его рукопожатие, что ее рука неподвижно лежала в его ладони, а на его нежное приветствие она ответила только слабой, грустной улыбкой.

– Но что это значит? – продолжал он тем же радостно возбужденным тоном. – Я думал, что ты еще в Р., и вдруг узнаю, что ты уже здесь, так близко от меня. И как понять письмо, которым ты меня вызвала? Твоя мать знает об этом приглашении?

– Нет, – ответила Габриэль. – Она поехала с графиней Зельтенек делать визиты, но когда вернется, я ей расскажу, как и для чего я тебя вызвала. Она не разрешила бы этого свидания, а мне необходимо поговорить с тобой.

Георг не без удивления взглянул на девушку. Такой решительный шаг прежде был не в обычае Габриэли.

– Я тоже страстно стремился поговорить с тобой, – сказал он. – Но невозможно было послать тебе какую-нибудь весточку. Я не могу и не смею поддерживать связь с домом губернатора Р. против его желания, ты ведь знаешь, в какие отношения к нему я теперь встал.

– Мне пришлось узнать об этом... от других. Ты тогда ушел от меня с какими-то неясными намеками, которых я почти не поняла. Ты допустил, чтобы ужасная истина поразила меня в то время, когда я вовсе не была подготовлена к этому.

Георг почувствовал справедливость ее упрека.

– Прости меня! – искренне произнес он. – Я поступил так только ради тебя. Я не смел сделать тебя невольной соучастницей удара, направленного против человека, в доме которого и под покровительством которого ты жила. Ты меня осуждаешь? Но ты не представляешь себе, как я боролся с самим собой прежде чем решился на этот шаг.

– Этот шаг принес тебе удачу, – голос молодой девушки звучал как-то странно, почти насмешливо, – он сразу выдвинул тебя из неизвестности: твое имя сделалось повсюду известно.

– Мне очень тяжело, что это произошло благодаря такому поводу. Таких последствий я менее всего ожидал. Ты знаешь, Габриэль, что не личная месть побуждала меня выступить против барона и что идея моего выступления зародилась еще до нашего знакомства. Я был готов к тому, что оно окажется для меня роковым, так как знал своего противника. Мое положение и, может быть, вся моя будущность были поставлены на карту, но дело шло о том, чтобы сломить тираническую власть человека, которого никто не смел коснуться, а я осмелился и приготовился нести все последствия такого шага. Но если когда-либо дело принимало совершенно неожиданный оборот, так именно в этом случае. Со всех сторон меня поддерживали и защищали, и участь барона была решена. Я никак не мог предвидеть, какой благоприятный прием встретит мое выступление в тех самых кругах, которых я больше всего опасался.

Георг говорил просто и спокойно, но в его глазах читался тревожный вопрос, который не смели вымолвить уста. Обращение с ним любимой девушки было ему непонятно: она казалась чуждой, холодной, без малейшего признака участия. Ни одного ласкового слова не услышал он при свидании после продолжительной разлуки; вместо того обсуждались предметы, от которых прежде Габриэль держалась очень далеко и которые только одни, по-видимому, и интересовали ее теперь. Что случилось с ней?

– Еще один вопрос, Георг, – снова заговорила она. – Последнее нападение... та позорная клевета, о которой пишут в газетах... ты принимал в ней какое-нибудь участие?

– Нет, это неожиданное разоблачение поразило меня не меньше других, и я не знаю, от кого оно исходит. Если бы я хотел воспользоваться этим фактом для своего выступления, то судьба барона решилась бы гораздо раньше, так как мне этот факт был известен много месяцев тому назад.

– Факт? Ты называешь это фактом? – крикнула Габриэль. – Это ложь!

– Нет – факт, – серьезно произнес молодой человек. – Я слышал о нем от человека, которому было очень тяжело выступить обвинителем своего прежнего друга, от отца Макса Бруннова.

– А я все-таки повторяю: это клевета! – со сверкающими глазами воскликнула Габриэль. – Арно не может сделать ничего бесчестного и не сделал. Он объяснил все это ложью; значит, это и есть ложь, и если даже весь свет станет обвинять его, я поверю ему одному.

– Арно?... Ты веришь ему одному? Что... что это значит?

– Все его покинули, – продолжала Габриэль со страстной горячностью, – все восстает против него. Пока он был могуществен и стоял высоко, никто не осмеливался коснуться его, но как только ты подал сигнал к нападению, его со всех сторон стали преследовать и травить. И видя, что он спокойно выдерживает все, прибегают к последнему средству и смертельно оскорбляют его честь. Он угадывал, что его ожидало, и хотел погибнуть один!

Георг, бледный как смерть, не сводил взора с лица взволнованной девушки. Ее горячность слишком много выдала, и сердце молодого человека больно сжалось. Он почувствовал гибель своего счастья...

– Что произошло между тобой и бароном? – спросил он. – Так не защищают родственников или опекуна, так должна была бы ты защищать меня, если бы мне грозила опасность. Что случилось с тех пор, как мы расстались? Габриэль... нет, невозможно... ты ведь не любишь этого... Равена!

Она ничего не ответила, а, упав в кресло, разразилась рыданиями. Несколько минут длилось тягостное молчание, прерываемое только ее всхлипываниями.

Георг застыл на месте, ему не нужно было другого ответа, и открытие произошло так внезапно, так неожиданно!

– Ты его любишь, – беззвучно произнес он. – А он... Теперь мне понятны его ненависть ко мне, его дикий гнев, когда он узнал о моей любви. Оттого-то он так неумолимо разъединил нас и постарался отнять у меня всякую надежду на обладание тобой. Но что он и твою любовь у меня отнимет, этого... этого я никак не думал.

Осушив слезы, Габриэль поднялась с кресла.

– Прости меня, Георг! Я глубоко чувствую свою неправоту по отношению к тебе, но не могу поступить иначе. Когда я дала тебе слово, я не знала, что такое любовь, я только тогда научилась понимать ее, когда встретила с Арно, и теперь с моей стороны было бы изменой тебе, если бы я продолжала скрывать это от тебя. Я боролась, пока борьба была вообще возможна; когда же пришли последние известия, уже не осталось никакого сомнения. Теперь я знаю, где мое место, и отстою его. Но сперва ты должен был все узнать. Верни мне мое слово! Прощу тебя... я не могу его сдержать.

– Ты для того меня и вызвала, чтобы сказать это? – спросил Георг.

– Да, – был чуть слышный ответ.

– Ты свободна с той минуты, как пожелаешь быть свободной, – с глубокой горечью произнес Винтерфельд. – Я поклялся тебе, что ничто на свете не заставит меня отказаться от твоей руки, если я от тебя самой не услышу, что ты от меня отказываешься. Теперь я это слышал! Прощай!

Он повернулся и направился к двери. Габриэль догнала его и положила руку ему на плечо.

– Не уходи от меня так, Георг! Скажи, что ты меня прощаешь! Не покидай меня с ненавистью и горечью в сердце! Мне невыносимо знать, что ты на меня сердишься.

Это был опять прежний ласковый тон, которым она так часто пленяла Георга; услышав его, молодой человек остановился, и когда к нему с мольбой поднялось милое, залитое слезами лицо, даже его оскорбленная гордость не выдержала, и он крепко обнял страстно любимую девушку.

– Неужели я должен потерять тебя? – дрожащим голосом произнес он. – Опомнись, Габриэль! Не жертвуй так скоро нашим счастьем и нашей любовью! Страсть Равена увлекла, ослепила тебя, он умеет приковывать к себе сердца какой-то демонической силой, но никогда не сможет сделать женщину счастливой. Со своей ясной, чистой душой ты погибнешь возле такого человека. Ты еще не знаешь его, он не стоит твоей любви.

Габриэль мягко высвободилась из его объятий.

– Разве я ищу счастья с Арно? Я только хочу быть возле него, когда все его покинули, хочу разделить его участь и, если суждено, то и погибнуть вместе с ним. Это – единственное счастье, какого я ожидаю, и его по крайней мере я не позволю у себя отнять.

В этих словах слышалось глубокое, искреннее чувство, и Георг с мучительной болью в сердце смотрел на молодое, неясное существо, так быстро познавшее самоотверженную преданность женщины. Такой мечтал он видеть Габриэль, когда веселый, своевольный ребенок стал его единственной любовью, но он никогда не смел надеяться, что она поднимется до такой высоты. Перед Георгом стояло живое воплощение его идеала, в ту минуту, когда этот идеал навеки утрачен для него.

– Расстанемся! – сказал он, призывая на помощь все свое самообладание. – Ты права: с сердцем, полным всепоглощающей страсти к другому, ты не можешь быть моей. После этого признания я и без твоей просьбы освободил бы тебя от данного слова. К тебе у меня нет ни ненависти, ни малейшего упрека – только к нему, отнявшему тебя у меня. Ты была счастьем всей моей жизни. Как стану я переносить жизнь, когда тебя в ней не будет, не знаю. Прощай!

Винтерфельд еще раз прижал Габриэль к своей груди, в последний раз поцеловал ее и быстро удалился.

Оставшись одна, Габриэль больше не плакала, но сердце ее невыносимо болело. Она чувствовала, что с любовью Георга из ее жизни исчезло все, что было в ней лучшего, благородного.

Глава XVIII

– Ну, слава Богу! Злополучная история пришла к счастливому концу! Меня просто приводила в отчаяние мысль, что всему причиной был именно я. От всего сердца поздравляю тебя с освобождением, отец! – и Макс Бруннов горячо обнял отца, на лице которого промелькнула улыбка.

– Для меня освобождение не было неожиданностью, – ответил он. – Несколько времени назад мне о нем ясно намекнул сам полицмейстер.

– Печать тоже храбро защищала тебя, – сказал Макс. – Все газеты громко зывали о помиловании, а публика с первого же дня принимала в тебе самое горячее участие.

Разговор происходил в бывшей квартире асессора Винтерфельда, которую он перед своим неожиданным отъездом из Р. передал своему другу. Тотчас после выздоровления Макс возвратился к себе домой и теперь привез сюда освобожденного из заключения отца.

Давно ожидаемое помилование старика Бруннова наконец состоялось и было с удовлетворением всеми встречено. На упорство доктора, наотрез отказавшегося хлопотать о себе, решено было посмотреть сквозь пальцы, он получил полную амнистию. Несмотря на это, вид у него был грустный и подавленный.

Что касается Макса, то он нисколько не изменился. Его крепкий организм необыкновенно быстро справился с болезнью, и единственным напоминанием о ней был свежий рубец на лбу. Только к отцу молодой человек очень переменился: прежнее немного жесткое отношение уступило место сердечному уважению. Макс глубоко ценил жертву, принесенную ему отцом, а старик в первый раз почувствовал, насколько сын был дорог его сердцу. После памятных минут у постели больного Макса прежние прохладные отношения между отцом и сыном уступили место искреннему дружескому согласию.

– Ну а теперь поговорим о другом! – вдруг оборвал себя Макс. – Я должен сделать тебе признание, отец. Посмотри на меня! Не замечаешь ли ты во мне чего-нибудь необыкновенного?

– Нет, не замечаю, нахожу только, что ты замечательно быстро поправился, а больше ничего.

Макс близко подошел к отцу и с важностью произнес:

– Я – жених.

– Жених? – повторил пораженный отец.

– Уже несколько недель, как это случилось. В последнее время у нас накопилось так много серьезных вопросов, что я не мог утруждать тебя своими сердечными делами, но теперь ты свободен и спасен, и я прошу твоего согласия. Мою невесту ты уже знаешь: это дочь советника Мозера.

– Как? Та самая молодая девушка, которая ухаживала за тобой во время болезни? Это невозможно!

– Почему невозможно? Разве Агнеса тебе не нравится?

– Не в том дело, но ведь эта бледная, нежная особа с мечтательными темными глазами вовсе не в моем вкусе. И потом это странное монашеское одеяние... я думал, что она сестра милосердия, которую пригласили ухаживать за тобой.

– Да, Агнеса собирается в монастырь, – подтвердил Макс. – Мне предстоят серьезные объяснения с настоятельницей, с почтенным духовником и с полдюжиной разных преподобий, пока дело дойдет до венчания. Кроме того, Агнеса исключительно нежного сложения и болезненна, но ничего опасного нет – просто повышенная нервная чувствительность. Я уж ее вылечу, на что же я доктор? В хозяйстве она тоже почти ничего не смыслит.

– Вижу, что ты строго следуешь намеченной программе брака, – засмеялся Бруннов-старший. – Поэтому скажи, как обстоит дело с первым и главным ее параграфом, касающимся состояния, которое ты ставил необходимым условием?

На лице молодого человека выразилось смущение.

– Ну, я пришел к убеждению, что это совсем неважно. Разве ты не считаешь меня способным без посторонней помощи прокормить жену и поддержать дом? На состояние я во всяком случае не могу рассчитывать.

– Ну, надо сознаться, ты не слишком последователен в своих поступках, – заметил отец, – все идет наперекор твоим прежним намерениям. Как это произошло с тобой?

– Я и сам не знаю, но полагаю, что весь насквозь пропитался идеализмом. Ты всю жизнь тщетно старался насадить его во мне, а Агнесе это удалось сделать в несколько недель, и так как ты раньше горевал об отсутствии у меня подобного качества, то теперь, надеюсь, ты в восхищении.

Но старый доктор вовсе не имел радостного вида. К новоявленному идеализму своего сына он отнесся с открытым недоверием.

– Нет, Макс, это невозможно, – сказал он, качая головой. – Молоденькую девушку, выросшую в монастырской обстановке, пропитанную идеями монастыря, склонную к религиозной мечтательности, дочь бюрократа чистейшей воды, ты хочешь ввести в наш круг, познакомить ее с нашими взглядами на жизнь. Обдумай хорошенько...

– Я ничего не буду обдумывать, а просто женюсь, – перебил его Макс. – Все, что ты мне теперь говоришь, я уже сто раз повторял самому себе, но ничто не помогло. Агнеса должна быть моей, хотя бы мне пришлось брать штурмом все препятствия, включая сюда и папашу-советника, и его белый галстук.

– Да, и советника, – сказал Бруннов. – А что говорит он об этом?

– Пока еще ничего не говорит, потому что ничего не знает. Я, понятно, не мог просить у него руки его дочери, пока ты, в качестве бывшего государственного преступника, был в заключении, но теперь не буду больше медлить с предложением. Он, вероятно, выставит меня за дверь, однако меня не так-то легко сбить с позиции, которую я хочу за собой удержать. Я с места не тронусь... Не смотри так недоверчиво, папа! Уверю тебя, что, узнав Агнесу ближе, ты согласишься, что этот брак окажется самым разумным делом всей моей жизни.

– Поживем – увидим! – улыбнулся старый доктор. – Но если ты встретишь длительное сопротивление со стороны отца твоей невесты, то мне, пожалуй, не придется увидаться и говорить с ней. Я ведь послезавтра уезжаю домой.

– Брось ты эту мысль! Отчего ты не хочешь подождать, пока и мне можно будет ехать с тобой? Хотя дело с нашим наследством почти окончено, но еще надо решить кое-какие вопросы. Между прочим, на имение покойного дяди находится покупатель, и было бы хорошо, если бы он мог переговорить с тобой лично.

– Нет, нет! – отговаривался Бруннов. – У тебя есть от меня полная доверенность, и в практических делах ты разбираешься гораздо лучше меня. Я хочу уехать как можно скорее.

– Решительно не понимаю тебя. Ты так рвался на родину, а теперь, когда она для тебя открыта, бежишь из нее.

Бруннов опустил на стул и оперся головой на руки; его лицо приняло еще более печальное, почти болезненное выражение.

– Я стал чужим в своем отечестве! – ответил он. – И как ты думаешь, весело мне выступать свидетелем с разоблачениями, касающимися прежней жизни Равена? Если меня спросят, я обязан отвечать, а я не хочу, чтобы меня допрашивали, по крайней мере здесь.

– Да почему же? – возразил Макс. – Ты всегда с величайшим раздражением отзывался о пагубном управлении барона, считая необходимым свергнуть его; теперь же, когда, судя по всему, его падение уже близко, ты не хочешь приложить к нему свою руку?

– Оставим это, Макс! – мрачно отозвался доктор. – Ты же знаешь, что значит нанести смертельный удар тому, кого когда-то горячо, всем сердцем любил. Я надеялся, что нападки Винтерфельда достигнут цели, но вижу, что плохо знал Равена. Он и против этого противника устоял – к своему несчастью. Тогда он еще мог отступить, уйти, теперь же – падает, падает, как бесчестный предатель, заклеянный позором презрения, а для него это в десять раз хуже смерти. Но я, – докончил Бруннов, порывисто вставая, – не хочу нанести ему еще последний удар. Пусть те, кто начал дело, и кончают его! Итак, решено: я еду послезавтра.

– Я только через несколько недель смогу последовать за тобой, – сказал Макс, больше не настаивая. – Я уеду отсюда только объявленным женихом, когда получу согласие советника и буду уверен, что Агнесе не грозят никакие наговоры и мучительства со стороны ее духовных опекунов. Но, прежде всего, могу ли я рассчитывать на твое согласие?

Он протянул отцу руку, как бы прося его согласиться, и старик без колебания пожал ее.

– Я только один раз видел твою невесту, и именно потому, что она показалась мне такой симпатичной, никак не мог думать, что она может понравиться тебе. До сих пор мы никогда не сходились в наших склонностях. Мои сомнения основывались исключительно на различии в ваших характерах и воспитании; если ты надеешься преодолеть это, то я могу только пожелать тебе счастья.

– Теперь я немедленно отправляюсь к советнику, – воскликнул торжествующий Макс, – и повергну верноподданнейшего слугу его все милостивейшего государя в невыразимый ужас перспективой иметь зятем демагога. Ты позволишь на часок оставить тебя одного, отец? Тебе даже необходим покой после всех пожеланий счастья и выражений сочувствия, которыми тебя осыпали сегодня. До свидания! Бегу штурмовать моего будущего тестя...

Мозер сидел в своей комнате и читал газеты, мешающие ему пить кофе и смущавшие его покой. Само собой разумеется, что он читал исключительно печатные органы, сочувствующие правительству, но даже и они не в силах были скрыть тот печальный факт, что государство безнадежно катится в бездну по наклонной плоскости либерализма. А теперь ко всему еще эти сообщения из Р., составлявшие в больших газетах отдельную рубрику!

Мозер уже давно с удивлением замечал, что все правительственные органы, вместо того, чтобы настойчиво защищать губернатора, крайне равнодушно отнеслись к делу, но их отношение к последним событиям превосходило всякую меру. Ни одного энергичного слова в защиту барона, ни выражения возмущения по поводу позорного обвинения, никаких строгих мер против газеты-клеветницы! Говорилось только о «невероятном обвинении», выражалась надежда, что губернатору удастся оправдаться; делались намеки, что в противном случае его увольнение неизбежно... Значит, считали предполагаемый факт возможным! И за этой статьей непосредственно следовало известие, что бывший государственный преступник доктор Рудольф Бруннов получил полное помилование и сегодня освобожден из заключения.

Советник погрузился в мрачные думы.

Уже давно подумывал он выйти в отставку на пенсию. Он посвятил служению родине почти сорок лет своей жизни. Его дочь, единственное дитя позднего брака, рано прерванного смертью жены, через месяц готовилась покинуть его, чтобы поступить послушницей в монастырь, сам он был стар и нуждался в покое. Его служебное положение, составлявшее его гордость, приносило ему теперь мало радости. Царивший во всей стране новый дух проник даже в пределы правительственной канцелярии. Железная рука Равена еще крепко держала бразды правления, но Мозер с ужасом думал о том, что будет, если эта рука действительно лишится власти. Он не верил ни одному слову лживых рассказов, всюду распространявшихся. Губернатор мог и должен был вдребезги разбить их, но после непростительного отношения к нему правительства вряд ли он останется на службе. Советник чувствовал, что его время миновало, и твердо решил последовать примеру своего патрона, если тот подаст в отставку.

Шум отворившейся двери вывел советника из задумчивости. Христина доложила о приходе доктора Бруннова, и тот не замедлил войти. Советник встретил гостя с чопорной вежливостью.

– Надеюсь, вы не объясните в дурную сторону, что в последние две недели я избегал вашего дома, – начал после первых приветствий Макс, садясь на предложенное ему место. – Это было сделано из уважения к вам и вашему положению. Но теперь, когда мой отец...

– Мне уже известно о его помиловании, – вставил советник с той же чопорностью. – Наш всемилостивейший государь простил его.

– Да, и благодаря этому с прошлым совершенно покончено, – с ударением произнес Макс. – Что касается моего отца, то он во всяком случае не воспользуется разрешением остаться на родине, а возвратится в Швейцарию, которая стала для него вторым отечеством. Мы теперь всегда будем жить там. Но прежде всего позвольте мне еще раз высказать вам свою благодарность за то добро, которое я встретил в вашем доме. Этого я никогда не забуду.

Советник кивнул головой, находя благодарность в порядке вещей.

– Вы, значит, пришли проститься? – спросил он. – Я искренне радуюсь, видя вас снова вполне окрепшим и здоровым, и моя дочь также будет очень рада, когда я сообщу ей об этом.

Сообщение было совершенно излишне, так как Агнеса прекрасно знала, в каком состоянии находится ее бывший пациент.

После того как он покинул дом ее отца, она регулярно виделась с ним у их общей пациентки, жены переписчика. Здоровье больной было совершенно восстановлено, и она больше не нуждалась ни в медицинской помощи, ни в духовном утешении, но и врач, и утешительница с трогательным постоянством продолжали свои посещения.

– Вашей дочери, – продолжал Макс, – я обязан особенной признательностью. Только ее самоотверженный уход спас мне жизнь, и поэтому, надеюсь, вы разрешите мне высказать еще одну просьбу, касающуюся ее?

Мозер вторично кивнул головой, он готов был исполнить просьбу, заключающуюся, конечно, в разрешении проститься с Агнесой.

Но вместо того Макс, поднявшись со своего места, без всяких церемоний произнес:

– Я прошу у вас руки вашей дочери.

Советник в первую минуту даже не сообразил, о чем идет речь, но затем тоже встал, однако не порывисто, а медленно и торжественно, бросил уничтожающий взгляд на врача и произнес:

– Мне... вероятно, послышалось? Вы сказали...

– Что прошу у вас руки вашей дочери, – с невозмутимым спокойствием повторил Макс.

– В своем ли вы уме? – спросил Мозер, все еще не пришедший в себя; хотя ему еще раз повторили неслыханную весть, он все-таки не в состоянии был понять ее.

– Я в полном разуме и совершенно нормален, – уверил его Макс. – Что касается моего предложения, то оно основывается на искреннейшей взаимной склонности. Согласие вашей дочери я уже получил. Агнеса отдала мне свою руку и сердце, разумеется, при условии вашего согласия. Об этом я теперь и прошу, надеясь, что мне будет дозволено обнять отца моей невесты, как своего родного. Итак, дорогой тесть...

И Макс с распростертыми объятиями быстро двинулся к советнику, но тот отскочил в сторону, спасаясь от проявлений сыновней любви. Страшное слово «тесть» вывело его из оцепенения.

– Вы серьезно говорите о браке? – воскликнул он. – О браке с моей дочерью, решение которой – идти в монастырь – вам должно быть известно? И это осмеливаетесь говорить вы, сын государственного преступника... изменника?!

– Господи Боже мой, да я вовсе не ищу какого-нибудь государственного места, а только жену, – защищался молодой врач. – Я решительно не понимаю, отчего вы так испугались моего предложения!

– И вы еще спрашиваете! Ваш отец хотел ниспровергнуть правительство!

– Но я-то к этому не причастен, да это было и совершенно невозможно, так как мне в то время едва минуло четыре года. И вообще причем тут старая, давно забытая история; мой отец получил помилование.

– Революционер остается революционером! – с ударением объявил советник. – Амнистия не может заглазить прошедшее.

– Как, неужели я слышу это от вас? Вы, всегда хваставшийся тем, что были самым лояльным подданным своего государя, теперь отказываетесь признать его решение? Вы сами сказали, что всемилостивейший государь простил, он хочет, чтобы прошедшее было забыто, а вы этого не хотите? Вы позволяете себе посягать на высочайшее решение, сопротивляетесь авторитету властителя страны! Да ведь это оппозиция, возмущение, одним словом – государственная измена!

Эти удивительные доказательства были высказаны так быстро и с такой уверенностью, что советник не мог вставить ни слова. Совершенно оглушенный и озадаченный, он растерянно смотрел на своего оппонента.

– Вы в самом деле так думаете? – боязливо спросил он наконец.

– Непокколебимо убежден! Но вернемся к моему предложению.

– Ни слова об этом! – перебил его Мозер. – Это оскорбление. Моя дочь – невеста небес.

– Прошу извинить, она моя невеста, – возразил Макс. – Я ничего не имею против того, чтобы уступить Агнесу небесам лет через пятьдесят счастливого брака, но до тех пор требую ее только для одного себя.

– Что же, вы хотите насмеяться над призыванием моей дочери? – воскликнул советник, снова приходя в негодование. – Впрочем, я давно знаю, что вы – неверующий, богоотступник...

– Не волнуйтесь! В ваши годы и при вашем сложении подобные волнения опасны. У вас явная склонность к апоплексическим ударам, – предостерег молодой врач, хотя длинная, сухошавая фигура Мозера нисколько не соответствовала такому предсказанию. Но это не смущало доктора, и он спокойно продолжал: – При таком телосложении очень выгодно иметь зятем врача, который, разумеется, с величайшей заботливостью станет наблюдать за здоровьем своего тестя. Я уже сказал, что вы не должны волноваться.

– Это вы меня волнуете, – воскликнул советник, приходя в бешенство от постоянного упоминания родственных отношений. – Из-за ваших отвратительных объяснений у меня делается удар. Я уже чувствую себя совсем плохо... вся кровь прилила к голове... мне душно! – и он, упав в кресло, схватился руками за галстук.

Макс дружески помог ему развязать узел, говоря:

– Прежде всего, снимем это белое чудовище, и вам сразу станет легче. У меня есть незаменимое средство против приливов крови, я сейчас пропишу вам его. Подобные случаи внушают опасения.

Мозер с грустью увидел свой любимый галстук в руках доктора, который бережно сложил его и положил на стол. С удалением «белого чудовища» гнев старика немного смягчился, а предупреждение о грозящем ему апоплексическом ударе испугало его. Он терпеливо смотрел, как его мучитель подошел к письменному столу, прописал лекарство – совершенно безвредное успокоительное средство – и с рецептом в руке возвратился к нему.

– Шесть капель в рюмке воды, – с важностью сказал он, – но три раза в день.

– Благодарю вас.

– Не стоит благодарности.

Советник надеялся теперь освободиться от навязчивого жениха, но ошибся: вместо того, чтобы уйти, Макс взял стул и уселся напротив него.

– Так вы согласны на брак вашей дочери со мной? – снова начал он.

Мозер готов уже был снова вспылить, но вспомнил, что у него нашли склонность к апоплексическим ударам и что он должен избегать волнений, а потому заговорил как можно спокойнее:

– Нет и еще раз нет! Я не верю, что Агнеса могла до такой степени забыться, чтобы полюбить вас. Она по свободной склонности избрала монастырь, она – послушная дочь и благочестивая католичка.

– И будет превосходной женой, – закончил Макс. – Впрочем, ведь и я католик.

– Да, но какой! – иронически всплеснул руками Мозер.

– Я хотел лишь сказать, что вероисповедание не послужит препятствием. В настоящее время мои средства довольно ограничены, но могут удовлетворить жену, не обладающую широкими запросами. Что касается меня, то мой тесть...

– Отстаньте вы со своим тестем! – простонал советник. – Я не хочу больше слышать это. Вы ужасный человек!

– Вы привыкните! Так я могу завтра прийти, чтобы повидаться с вами и с Агнесой?

Боясь затянуть разговор, старик ничего не ответил: прежде всего он желал удалить своего мучителя из дома, решив, что завтра запрется на все замки.

Макс, по-видимому, также убедился, что на сегодня достаточно помучил своего будущего тестя; поэтому он встал и откланялся, но у двери остановился.

– Господин советник!

– Что вам еще нужно? – с отчаянием отозвался старик.

– Если вы будете говорить о нашем деле с Агнесой, избегайте всякого волнения! Вы уже знаете, как это опасно. Шесть капель лекарства на рюмку воды, три раза в день, а главное – сдержанность и спокойствие! Я не мог бы утешиться, если бы с моим дорогим тестем что-нибудь случилось.

Наконец он ушел, а советник в изнеможении упал в кресло; теперь, когда он остался наедине с самим собой, ему стало совершенно ясно, как неслыханно обошлись с ним, а он еще не смел сердиться, чтобы не нажить апоплексического удара!

Бруннов между тем вовсе не так скоро ушел из дома, как предполагал Мозер. Он все еще стоял в передней, обнимая Агнесу, как будто был уже признанным женихом. Девушка со страхом расспрашивала его о разговоре с советником, выясняя, что ответил отец.

– Пока он все еще говорит «нет», – объяснил Макс, – но ты не беспокойся: уж он скажет «да». Я вовсе и не рассчитывал, что крепость сразу сдастся, – ее надо осаждать по всем правилам искусства. В общем я доволен результатом сегодняшнего штурма; уже пробиты бреши, а завтра я еще дальше продвинусь вперед.

– Ах, Макс, – прошептала сквозь слезы Агнеса, – сколько нам еще предстоит впереди! У меня пропадает последнее мужество, когда я думаю обо всех препятствиях. Я никогда не смогу преодолеть их.

– От тебя это вовсе и не требуется, это – уже мое дело! Я лишь тогда уеду отсюда, когда все будет улажено и день нашей свадьбы назначен. До тех пор у твоего отца будет достаточно времени, чтобы освоиться с этим вопросом, а я между тем почтительнейше извещу о нашей помолвке настоятельницу и духовника, которых ты так боишься.

На лице Агнесы выразился ужас.

– Некоторую часть бури придется перенести и тебе, – продолжал Макс, – но главное я беру на себя. Не теряй твердости, моя дорогая! Даю тебе слово, что твой отец собственноручно благословит нас.

С этими словами он простился, еще раз горячо поцеловав невесту.

Глава XIX

Утром следующего дня барон Равен сидел в своем рабочем кабинете, где, кроме него, находился еще полицмейстер. Он редко являлся теперь в управление губернатора. С одной стороны, вследствие восстановления в городе спокойствия его частые совещания с губернатором оказывались излишними, с другой – после ареста Бруннова в обращении барона проглядывала такая холодность, что полицмейстер по мере возможности избегал встреч с ним. Сегодня необходимо было обсудить некоторые новые меры, и обе стороны постарались насколько возможно сократить разговор, ограничиваясь строго деловыми рассуждениями.

Следуя примеру губернатора, полицмейстер был крайне сдержан, хотя и сохранил свою прежнюю обязательную любезность и не позволил себе ни единого намека на события последних дней. Обращение барона было еще более высокомерным, чем когда бы то ни было прежде, но что-то в нем напоминало пойманного в сети зверя, чующего близкий конец и собирающегося с последними силами, чтобы дать отпор своим преследователям. Энергия, которой дышала вся фигура барона, происходила, может быть, не от сознания собственной силы – это была энергия отчаяния.

Покончив с частью доклада, полицмейстер заговорил о последних распоряжениях, причем коснулся освобождения доктора Бруннова.

– Когда освободили Бруннова? – перебил его барон.

– Вчера в полдень. Как я слышал, доктор намерен покинуть наш город уже завтра утром. Он опять возвращается в Швейцарию, где думает провести остаток жизни.

– Он прав, – сказал барон. – Кто столько лет провел в изгнании, тот редко или почти никогда не сживается снова с родиной. Приемное отечество решительно предъявляет свои права.

Его слова звучали равнодушно, как будто речь шла о постороннем человеке, о помиловании которого он узнал случайно. Конечно, это равнодушие не обмануло полицмейстера, но даже с его острой наблюдательностью ему не удалось открыть, как намерен барон отнестись к известному обвинению.

Разговор был прерван приходом слуги с только что полученным из столицы большим пакетом. Дав слуге знак удалиться, барон сломал печать.

– Простите меня на одну минутку! – вскользь произнес он.

– Пожалуйста, не стесняйтесь из-за меня, ваше превосходительство! – сказал полицмейстер, бросив какой-то странный взгляд сперва на письмо, затем на барона.

Развернув письмо, Равен при первом взгляде на него смертельно побледнел; его правая рука судорожно скомкала бумагу, а левая сжалась в кулак, по телу пробежала дрожь гнева или боли, и одну минуту казалось, что он не выдержит.

– Надеюсь, вы не получили неприятных известий? – непринужденным тоном осведомился полицмейстер.

Барон поднял голову и впился взглядом в лицо своего собеседника, роль которого в аресте Бруннова прекрасно понимал. Выражение молчаливой насмешки на лице полицмейстера доказывало, что он уже знал содержание письма. Это вернуло Равену самообладание.

– Во всяком случае поразительные известия, – сказал он, откладывая письмо в сторону. – Но для них достаточно времени впереди... Продолжайте пожалуйста!

Полицмейстер колебался – столь невероятное самообладание производило сильное впечатление. Он только что стал свидетелем нанесенного человеку страшного удара, но ему не посчастливилось видеть, как из раны сочится кровь. Зажав рану, этот человек стоял так же твердо, как и прежде. Неужели ничто не смогло сломить его упорство и надменность?

– О главном мы уже поговорили, – несколько смущенно произнес полицмейстер. – Если у вас есть другие дела, я не хотел бы мешать вам.

– Прошу вас продолжать, – беззвучно, но твердо сказал Равен.

Полицмейстер понял, что всякое снисхождение будет принято за оскорбление, и продолжал свой доклад. Наконец он встал, чтобы откланяться, барон также машинально поднялся с места.

– Ваше превосходительство желает еще что-нибудь приказать?

– Нет, – холодно ответил барон. – Могу лишь посоветовать следовать данным вам инструкциям так же точно, как и до сих пор. Тогда ваши услуги будут признаны.

– Я вас не понимаю, ваше превосходительство. О каких инструкциях вы говорите?

– О тех, которые вы привезли с собой из столицы, когда вас сюда назначили и поручили... наблюдать и следить.

– Вы, конечно, говорите о наблюдении за городом? Я считаю, что в этом отношении выполнил свои обязанности. Беспорядки прекратились, и с ними теперь покончено.

– Разумеется, – презрительно бросил Равен, – и между нами все так же покончено. Вы меня прекрасно понимаете.

Не говоря больше ни слова, он повернулся к полицмейстеру спиной и подошел к окну. Это было явное оскорбление, но полицмейстер не подал вида, что оскорблен, чтобы не вызвать еще более неприятных для себя последствий. Поэтому, сделав прощальный поклон и не получив ответа, он вышел из комнаты.

За дверями он с облегчением вздохнул. Ему было мучительно неприятно, что барон видел его насквозь, тем более, что он вовсе не хотел стать личным врагом Равена. Полицмейстер только поступал согласно указаниям высокопоставленных лиц, когда принялся выслеживать прошлое барона, и задержал доктора Бруннова именно с той целью, чтобы вывести на свет Божий разгаданную тайну. Ему нетрудно было при помощи нескольких софизмов примириться с той двусмысленной ролью, которую он с самого начала играл с бароном; теперь эта роль была доведена до конца.

Равен остался один. Он еще раз прочел роковую бумагу, заключавшую его отставку, о которой ему объявили в самой резкой, оскорбительной форме; его осудили, даже не выслушав. Ему даже не предоставили обычной в таких случаях возможности самому просить об отставке, ему ее дали, и дали в такой форме, какая существует для виновных. После этого никто уже не мог сомневаться в том, что правительство встало на сторону обвинителей, признав своего бывшего представителя изобличенным в приписываемом ему деянии.

Отшвырнув бумагу, Равен молча принялся ходить взад и вперед по комнате; его губы дрожали, глаза метали молнии. Вдруг он остановился, словно осененный какой-то мыслью, и подошел к столу, на котором стоял небольшой ящик. От легкого нажатия пружины крышка ящика открылась, и в нем обнаружилась пара пистолетов превосходной работы. Несколько минут барон молча смотрел на них, погруженный в мрачное раздумье, затем захлопнул крышку и быстрым движением выпрямился во весь рост.

– Нет! – вполголоса сказал он. – Это было бы трусостью и принято, как признание вины. Непременно должен быть еще какой-нибудь исход... Такого торжества во всяком случае я им не доставлю.

Он снова продолжил свою молчаливую прогулку, погруженный в мрачные думы о предстоящем ему решении.

Тем временем отец Макса Бруннова был занят приготовлениями к завтрашнему отъезду. Сам Макс отправился продолжать начатую вчера осаду и с новыми подробностями объяснял «дорогому тестю», какого прекрасного, несравненного зятя он может приобрести в лице доктора Макса Бруннова.

Рудольф Бруннов не противоречил сыну, зная, что тот всегда добьется своего. Сам он всего охотнее уехал бы уже сегодня, если бы не дал Максиму обещания остаться до завтра. Он не находил себе места, и все выражения сочувствия и поздравления по поводу его освобождения

только тяготили его. Окончив письмо с извещением о своем приезде, он только что собрался отдать его служанке, как она сама без зова поспешно вошла в комнату и, задыхаясь, доложила:

– Господин доктор, его превосходительство господин губернатор!

Бруннов быстро обернулся и увидел барона, который уже вошел в соседнюю комнату, а теперь подошел ближе и сказал официальным тоном:

– Я хотел бы несколько минут поговорить с вами, господин доктор.

– К вашим услугам, ваше превосходительство, – ответил Бруннов, и так как растерянное лицо служанки напомнило ему, что не следует проявлять удивление, передав письмо, отпустил ее.

Когда они остались одни, Равен сразу отбросил первоначальный официальный тон.

– Тебя удивляет мой приход? – спросил он. – Ты один?

– Да, моего сына нет дома.

– Это хорошо, так как при нашем разговоре не должно быть свидетелей. Будь добр, запри дверь, чтобы никто не мог нам помешать.

Доктор молча исполнил его просьбу и снова вернулся на прежнее место. Несколько секунд бывшие товарищи молча стояли друг против друга, глядя с такой же неприязнью, как и при первой встрече. Первым заговорил барон.

– Ты не ожидал видеть меня у себя? – повторил он.

– Я действительно не могу понять, что могло привести ко мне губернатора Р., – был ответ.

– Я больше не губернатор, – холодно произнес Равен.

Бруннов бросил на него быстрый, испытующий взгляд.

– Так ты подал в отставку? – спросил он.

– Я оставляю свой пост, но прежде чем покинуть город хочу получить разъяснение по поводу газетной статьи, в которой так усердно описывается мое прошлое. Ты лучше всякого другого можешь дать мне это разъяснение, потому я и пришел к тебе.

– Эта статья исходила не от меня, – сказал Бруннов после паузы.

– Может быть, но ты во всяком случае дал повод к ней. В настоящее время ты и я – единственные оставшиеся в живых участники той катастрофы; все остальные умерли или пропали без вести. Один ты мог сделать такие разоблачения.

Бруннов молчал; он слишком хорошо помнил тот день, когда полицмейстеру удалось ловким маневром вынудить у него слова, получившие теперь роковое значение.

– Я только удивляюсь, почему ты раньше не предпринял таких шагов, – продолжал Равен. – Ты или кто-нибудь другой.

– Отвечай сам на свой вопрос! – мрачно сказал Бруннов. – У нас не было доказательств. Мы были глубоко убеждены в твоей вине, но общество требует фактов, а их мы не могли ему дать. Ты спрашиваешь, отчего раньше против тебя не поднялся ни один голос? Но ты ведь отлично знаешь, что в то время, которое, к счастью, давно прошло, всякий неугодный голос заставили бы замолчать. Арно Равен в самое короткое время сделался влиятельнейшим другом и любимцем министра, а вскоре и назвал его отцом. Позже барон фон Равен стал могущественной опорой правительства, которое не могло без него обойтись. В то время не допустили бы ни малейшей критики против тебя, ее просто потушили бы, объявив ложью, клеветой. Все мы это знали, и потому другие молчали. Меня такие соображения не могли бы остановить, но я... не хотел тебя обвинять, да и теперь не сделал этого. К теперешним разоблачениям могли дать повод несколько слов, которые, боюсь, с намерением выманили у меня во время моего заключения. Конечно, в этом деле участвовал полицмейстер. Он – твой враг!

– Нет, только шпион! – с презрением сказал Равен. – Поэтому я и отказываюсь требовать от него ответа. Кроме того, он не был уполномочен молчать о том, что ему было сообщено. Ты сообщил эти сведения, ты и должен дать мне удовлетворение.

– Я – тебе? Что это значит? – изумленно спросил Бруннов.

– Что значит? Я думал, что это не требует объяснений. Существует только одно единственное средство смыть оскорбление, которое ты мне нанес. Уже при нашем первом свидании в моем кабинете ты произнес слова, от которых вся кровь во мне закипела. Но тогда ты был беглецом, тайно поспешившим к постели больного сына, и каждый час твоего пребывания здесь грозил тебе опасностью. Тогда не время было требовать от тебя объяснений. Теперь ты свободен, выбирай время и оружие!

– Я должен драться с тобой? – воскликнул Бруннов. – Нет, Арно, этого ты не можешь, не смеешь от меня требовать!

– Я настаиваю, и ты согласишься на мое требование.

– Нет, нет! Со всяким другим я готов драться, если нужно, но не с тобой!

На лбу барона прорезалась глубокая складка. Он хорошо знал друга своей юности, оставшегося, несмотря на свои седые волосы, той же горячей головой, и помнил, что в раздражении страстная натура Бруннова не знала границ. Оставалось лишь задеть слабую струну.

– Я не думал, что после нашей разлуки ты сделался трусом! – с нескрываемой насмешкой начал барон.

Удар попал метко: Бруннов вскочил с места, и его глаза засверкали.

– Возьми свои слова назад! – с угрозой крикнул он. – Ты знаешь, что я никогда не был трусом, мне не нужно доказывать тебе это.

– Я ничего не беру назад, – объявил Равен. – Ты высказал по моему адресу обвинение в бесчестье, повторил его постороннему, заранее зная, что он разнесет его по всему свету, а теперь хочешь уклониться от ответственности! Называй это, как хочешь, но я называю трусостью.

Все самообладание Бруннова исчезло, когда роковое слово было вторично брошено ему в лицо.

– Остановись, Арно! – выкрикнул он. – Я не могу этого перенести!

Барон оставался непреклонным, ни один мускул в его лице не дрогнул. С полным хладнокровием он шаг за шагом вел своего противника к совершенной утрате самообладания.

– Так вот твоя месть! – презрительно сказал он. – Ты двадцать лет медлил нанести удар. Пока я стоял на высоте власти, ты не отважился задеть меня. Разумеется, легче напасть на человека, которому грозит падение. Винтерфельд был по крайней мере честным противником. Он открыто вызвал меня на бой. Ты же предпочел ранить меня из засады, воспользовавшись для нанесения удара чужими руками. Ты, не задумываясь, дал полицмейстеру и печать и оружие против меня, а для того, чтобы померяться оружием со мной, который должен отомстить за оскорбление, у тебя не хватило мужества. Правду сказать, Рудольф, я не считал тебя способным на такую низость и подлость...

– Довольно! – задыхаясь, перебил его Бруннов. – Я принимаю твой вызов.

Доктор коротко и тяжело дышал, побледнев как смерть и дрожа всем телом, он оперся на спинку ближайшего стула. В глазах барона мелькнуло что-то вроде сострадания при виде страшно взволнованного человека, которого он поставил лицом к лицу с таким ужасным выбором, но голос нисколько не выдал его чувств, когда он снова заговорил:

– Хорошо! Я попрошу полковника Вильтена, коменданта здешнего гарнизона, быть моим секундантом; он обо всем условится с тем, кого ты выберешь.

Бруннов только кивнул головой в знак согласия. Барон взял со стола свою шляпу и еще раз обратился к бывшему другу:

– Еще одно слово, Рудольф! Дело это для меня важнее жизни, и я надеюсь, что из дуэли ты не сделаешь пустой комедии. Ты, пожалуй, был бы в состоянии выстрелить в воздух. Не вынуждай меня повторять перед свидетелями то, что я только что сказал тебе. Даю тебе слово, что я так и сделаю, если ты намеренно промахнешься.

Бруннов вскочил с места, и в его глазах загорелась ненависть.

– Будь покоен! – ответил он. – То, что ты сейчас заставил меня выслушать, убило последние остатки воспоминаний юности. Ты прав: между нами возможен только бой не на жизнь, а на смерть. Я тоже умею мстить за оскорбление!

С минуту они смотрели друг на друга; они говорили без слов, но их безмолвные речи были ужасны. Затем Равен повернулся, намереваясь уйти.

– Итак, до завтра! Теперь я пойду, отыщу полковника.

Глава XX

Было послеобеденное время. Барон Равен сидел за письменным столом, просматривая бумаги. Все распоряжения относительно завещания были окончены, но оставалось еще многим распорядиться. Полковник Вильтен с готовностью предоставил себя в распоряжение барона. Его тяготили установившиеся между ними холодные и принужденные отношения, поэтому он с радостью ухватился за первую возможность оказать услугу Равену и обещал распорядиться всем необходимым для назначенной на следующий день дуэли.

Равен только что закончил письмо и надписал адрес: «Доктору Рудольфу Бруннову». Складка на его лбу стала еще глубже.

– Я не могу избавить тебя от этого, Рудольф, – тихо произнес он. – Ты никогда не примиришься с несчастным часом, когда мы должны будем стать друг против друга с оружием в руках, но другого исхода нет.

Он отложил письмо и снова взялся за перо, но прошло несколько минут, прежде чем он написал первые строки, потом остановился и снова начал писать, опять остановился и наконец разорвал листок. К чему прощаться? Каждое его слово дышало горечью, и письмо могло стать вечным укором для той, которой оно предназначалось.

Барон отбросил перо и опустил голову на руки. Он не напрасно боялся той минуты, когда единственное чувство, которое он старался схоронить в глубине души, снова всплывет наружу. Ему удавалось казаться спокойным в течение последних часов, хотя ненависть, негодование и оскорбленная гордость рвали его душу на части. Строгая педантичность и теперь не покидала его. Все уже было приведено в порядок, все кончено, кроме одного, и это «одно» пробудилось с прежней неотразимой силой.

Но не нежные чувства волновали его в эту минуту. Природа не так создала Равена, чтобы прощать измену или отказываться от своих прав. Разлука произошла по его воле, он сам отослал Габриэль и не раскаивался в этом. «Все или ничего!» – всегда было его девизом, и потому он хотел или безраздельно обладать любимой девушкой, или потерять ее навсегда. И он потерял ее из-за другого, обладавшего могучей силой молодости и первой любви.

Барон не сомневался, что в столице отношения Габриэли с Винтерфельдом возобновятся. Деспот-опекун, так долго разлучавший молодых людей, отступил, предоставив им возможность сблизиться, а баронесса была слишком бесхарактерна, чтобы долго противиться желанием своей дочери. К тому же карьера Винтерфельда приняла блестящий оборот, уничтожив препятствие к браку с ним Габриэли, и все пойдет естественным, давно намеченным путем, который его безумная страсть напрасно пыталась пересечь. И как могло такое существо, как Габриэль, понять подобную страсть и ответить на нее? Она могла быть только временно ослеплена, ее тщеславию льстила мысль быть предметом такой страсти; о более глубоком чувстве не могло быть и речи, а когда дело дошло до выбора, она, бесспорно, обратилась к тому, кто мог дать ей молодость и счастье. Это невинное, светлое создание не должно было иметь ничего общего с тем мрачным часом, когда чести и жизни человека приходит конец.

Короткий осенний день близился к закату; через широкое полукруглое окно в комнату ворвался целый поток золотых лучей, наполнив ее фантастическим светом. Так и в жизнь Равена ворвался солнечный луч, озарил ее ярким светом и погас, оставив позади себя темноту и одиночество. Тщетно пытался барон оторваться от воспоминаний – они все-таки возвращались к Габриэли: всякий предмет напоминал о ней, все его помыслы стремились к ней. Он покончил с прошлым, с обществом, светом и жизнью, но на пределе этой жизни его удерживало всепоглощающее стремление к единственному существу, которое он когда-либо любил. Мучительный вздох вырвался из его груди. Он ведь был совершенно один и мог сбросить маску

невозмутимого спокойствия, сохранять ее теперь было выше человеческих сил. Он прижал руку к пылающему лбу и закрыл глаза.

Так прошло несколько минут в тяжелом раздумье. Потом тихо, почти неслышно отворилась дверь и так же тихо закрылась. Вдруг Равена поразил шелест женского платья. Он вздрогнул, обернулся и, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на видение, которое могло быть только порождением его фантазии.

Напротив него, озаренная потоком солнечных лучей, стояла Габриэль. Она действительно походила на видение, вызванное страстной тоской, видение, которое могло так же бесследно исчезнуть, как и явилось.

– Ты? Это ты? – наконец произнес Равен, поднимаясь с места и задыхаясь от волнения. – Я думал, ты далеко.

– Я сегодня утром выехала из столицы, – тихо ответила молодая девушка. – Я только что приехала. Мне сказали, что ты в своей комнате...

Равен не отвечал, его взгляд не отрывался от светлой фигуры. Он чувствовал только одно – что она здесь, но как и почему – об этом он не спрашивал. Габриэль по-своему поняла это молчание: она робко остановилась перед ним, как будто не решалась приблизиться. Наконец собрала духом и медленно подошла к нему.

– Неужели ты опять прогонишь меня от себя, Арно, если я скажу тебе, что, подозревая меня, ты был глубоко несправедлив? Мне давно следовало сделать это, но ты так сурово оттолкнул меня, не захотел даже выслушать. Тогда и во мне проснулось упрямство – я не хотела выпрашивать доверие. Я, – она подошла уже совсем близко к барону и смотрела на него умоляющими глазами, – я ничего не знала об этих нападках. Прощаясь со мной, Георг только сказал мне, что вступает с тобой в борьбу. Тщетно я расспрашивала его – он не хотел ничего мне сказать, а через несколько минут мы уже расстались. С того времени я не слышала об этом ни единого слова до той минуты, когда ты показал мне брошюру. Если бы я хоть что-нибудь подозревала, ты узнал бы об этом. Я не предала тебя, Арно, верь мне!

Равен схватил Габриэль за руку. На его лице выражалась мучительная тревога, когда он привлек к себе Габриэль и, не говоря ни слова, заглянул ей в глаза. Они затуманились слезами, но ясно и твердо выдержали его взгляд. Несколько секунд они молчали и, не отрываясь, смотрели друг на друга; потом барон поцеловал Габриэль.

– Нет, ты не предала меня! Я верю тебе! – проговорил он с облегчением, и его рука крепче сжала ее руку. Он только тогда заметил, что Габриэль еще оставалась в дорожном костюме, сняв только шляпу и плащ. Он все еще был далек от истины, что и доказал вопросом:

– Но где же твоя мать? И что побудило вас так неожиданно вернуться?

Лицо молодой девушки медленно покрылось густым румянцем.

– Мама осталась в столице. Я едва добилась у нее разрешения на эту поездку. Она уступила мне только тогда, когда убедилась, что меня невозможно удержать. Я приехала в сопровождении нашего старого слуги.

Равена охватило предчувствие невероятного, невозможного счастья, но в то же мгновение в его памяти воскресла знакомая тень.

– А Винтерфельд? – почти резко спросил он. Габриэль потупилась, и в ее голосе послышалось волнение.

– Я нанесла ему удар, поразивший его до глубины души, но он должен был узнать правду прежде, чем я отправлюсь к тебе. Теперь Георг знает, кому принадлежит моя любовь. Он возвратил мне мое слово, я свободна...

Она еще не успела договорить, как Арно уже схватил ее в объятия, она чувствовала его поцелуи на своих губах, и все остальное исчезло в блаженстве этой минуты.

Наконец Равен выпрямился, не выпуская ее из объятий.

– Но почему же ты именно теперь поспешила ко мне? – спросил он. – Ведь ты же не знала и не могла знать, что произошло.

– Я знала только, что тебе угрожает новая опасность, и хотела быть с тобой.

Это «хотела быть с тобой» звучало просто и естественно, но Равен понял всю безграничную преданность, выразившуюся в этих немногих словах. Он молча смотрел на юную девушку, почти дитя, которую он только что горько обвинял, считая непостоянной и несамостоятельной, и которая так решительно порвала все узы, чтобы быть возле него и вместе с ним погибнуть. Среди окружавшего его мрака ослепительным было сознание, что он так любим.

Обнимая Габриэль, Равен стал говорить с ней, но не об опасностях или гибели – оба забыли, что нечто подобное существует на свете. В первый раз между ними не лежало ни малейшего недоразумения, никакой тени, в первый раз они могли и смели принадлежать друг другу, и оба чувствовали, что безгранично счастливы...

– Господин полковник Вильтен, – доложил вошедший слуга.

Равен взглянул на него, словно пробуждаясь от сна, и, проведя рукой по лбу, медленно повторил:

– Полковник Вильтен? Ах, да, я и забыл.

– Разве тебе необходимо сегодня говорить с полковником? – спросила Габриэль, точно охваченная каким-то предчувствием. – Ведь твои приемные часы давно прошли.

Барон встал. Сияющее выражение исчезло с его лица:

– Я ждал его. Нам необходимо поговорить. Попросите полковника подождать меня в гостиной. Я сейчас приду, – сказал он слуге и, когда тот ушел, обратился к Габриэли:

– Я должен оставить тебя. Ты знаешь, чего мне стоит расстаться с тобой теперь хоть на мгновение, но мне необходимо покончить дело, с которым пришел ко мне полковник. Я хочу освободиться на весь вечер. Тогда мы будем принадлежать друг другу, и никто не потревожит нас. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Он взял Габриэль под руку и повел на другую половину замка, а через несколько минут вошел в гостиную, где его ожидал полковник. Переговоры длились недолго; не прошло и четверти часа, как полковник ушел, а барон направился в кабинет, где снова сел за свой письменный стол. Он сказал правду: ему было невероятно трудно покинуть Габриэль даже на несколько минут, а между тем ему пришлось еще целый час не видеть ее. Не могла же она находиться возле него в то время, когда он писал ей прощальное письмо!

В замке неожиданный приезд молодой баронессы возбудил общее удивление, тем более что она вернулась без матери, но старый слуга, сопровождавший ее, все объяснил: барон письмом вызвал к себе свояченицу с дочерью, однако баронесса, которая, к сожалению, снова заболела, была не в состоянии совершить такое утомительное путешествие; поэтому она послала вперед дочь, сама же приедет через несколько дней. Баронесса сама придумала такое объяснение, когда убедилась в невозможности удержать дочь.

Между тем наступил вечер. Сидя одна в своей комнате, Габриэль с нетерпением ждала возвращения Равена. Она открыла окно и сидела, облокотившись на подоконник, когда наконец раздались так страстно ожидаемые шаги. Она бросилась навстречу барону, и он обнял ее так крепко, как будто этот час разлуки длился вечность.

– Теперь я свободен, моя Габриэль, и всецело принадлежу тебе.

Габриэль подняла на него глаза. Его лицо было бледнее обыкновенного, но выражало глубокую нежность.

– Полковник не сказал тебе ничего неприятного? – озабоченно спросила она.

– Нет, он сообщил мне только кое-какие необходимые сведения, – спокойно ответил Равен, избегая яркого света лампы и отходя с девушкой к окну, в которое врывался прохладный, свежий воздух, напоминавший дуновение весеннего ветерка.

– Я открыла окно, – сказала Габриэль, – в комнате было душно, а вечер так хорош!

– Да, очень хорош, – повторил барон, задумчиво глядя в окно. – Ты права, сегодня душно и тесно в закрытой комнате. Мне хочется подышать свежим воздухом. Не пойти ли нам в сад?

Габриэль немедленно согласилась.

В саду, как всегда, царили безмолвие и покой, но его летнее великолепие давно миновало. Густой лиственный покров, окутывавший сад глубокой тенью, сильно поредел, могучие липы потеряли почти половину своих листьев, и лунное сияние ярко освещало дерновые лужайки. «Ключ ундин» журчал по-прежнему, неустанно посылая вверх свой водяной столб, а двое людей, для которых шум фонтана имел такое роковое значение, снова стояли у его края, обрызганные его каплями, как мелким дождем.

Равен со смешанным чувством нежности и грусти смотрел на свою спутницу.

– «Месть ундин» все-таки настигла меня, – сказал он вполголоса. – И это за то, что я осмелился насмехаться над нимфами и их очарованием. С того дня я не был здесь, а сегодня меня влекла сюда непреодолимая сила. Я должен был еще раз увидеть «Ключ ундин».

– Еще раз? – изумленно спросила Габриэль. – Что ты хочешь сказать?

В голосе девушки как будто звучало предчувствие... Арно улыбнулся и нежно провел рукой по белокурым волосам.

– Не будь такой трусишкой! Это значит только, что я на днях покину замок и сад. Удар уже разразился – с сегодняшнего утра я больше не губернатор этой провинции.

– Итак, тебя все-таки заставили принять крайние меры, – тихо проговорила Габриэль. – Ты должен был подать в отставку?

– Нет, мне ее дали.

– Дали отставку? – повторила Габриэль. – Не получив от тебя прощения о ней? Но ведь это...

– Оскорбление, – закончил барон, когда она остановилась, – или осуждение, назови, как хочешь. Обычно тому, кого свергают, дают право самому просить отставки, а мне в этом было отказано.

– Что же ты теперь будешь делать?

– Ничего, – холодно ответил барон. – Моя официальная карьера кончена. Я уеду в свои Поместья и... останусь там жить.

– Но будешь ли ты в состоянии сделать это, Арно? Ты сам мне говорил, что деятельность и власть необходимые тебе жизненные условия, что ты никогда не мог бы вести однообразное будничное существование и спокойной среде.

– Может быть, я и научусь. Чему только не научит жизнь? По крайней мере я должен попытаться сделать это.

– И я поеду с тобой, – с глубоким чувством прошептала Габриэль. – Я никогда не расстанусь с тобой.

– Разумеется, никогда!

Равен нежно обнял Габриэль и повел к скамье у фонтана. Здесь стояла одна из самых больших лип, еще сохранившая часть своего лиственного убора, и отбрасываемая ею при лунном свете тень мешала видеть выражение лица говорившего. Барон был не в силах выносить внимательный и озабоченный взгляд девушки. Этот взгляд был опасен: обостренный любовью, он мог заметить даже то, что должно было оставаться для нее тайной.

Некоторое время Арно молча сидел рядом со своей любимой. После всех бурь последних дней он наслаждался окружающим его покоем, и буря улеглась в его душе. Пока ему приходилось сражаться и защищаться, он оставался на поле битвы, внешне совершенно невозмутимый. Но только он один знал, что происходило в его душе в то ужасное время, когда две преобладающие страсти его жизни – гордость и честолюбие – изо дня в день терпели поражения и унижения, пока он не был замучен до смерти. Теперь борьба и мучения кончились, и спокойствие, навеванное последним непоколебимым решением, отнимало у воспоминаний их острую горечь.

– Габриэль, ты даже не спросила меня, что было причиной моего падения, – сказал барон, – а между тем ты знаешь, в чем меня обвиняют. Веришь ты этому?

– Зачем мне спрашивать? Я знаю, что все это – ложь и клевета.

– Значит, хоть ты еще веришь мне! – с облегчением произнес Равен.

– Я ни минуты не сомневалась в тебе. Но почему ты молчал в ответ на то обвинение? Почему не восстал против него?

– Я объявил публично, что это обвинение – ложь, но ты видишь, каким недоверием были встречены мои слова, а доказательств у меня так же мало, как и у моих обвинителей. Был один человек, который мог бы очистить меня от всех подозрений, это – твой дедушка, но он уже давно в могиле.

– Мой дедушка? – с удивлением спросила Габриэль. – Он умер, когда я была еще ребенком, но я слышала от своих родителей, что ты всегда был его любимцем и самым доверенным лицом.

– Это был необыкновенный человек, потому, может быть, мы и понимали всегда друг друга, ведь я и сам никогда не руководствовался прописными правилами. Аристократ до мозга костей, он обладал достаточным чувством справедливости, чтобы ценить способности и характер, даже если встречал их вне своей среды; я испытал это на самом себе. Богатому, гордому графу и всемогущему министру нелегко было отдать руку своей дочери молодому чиновнику мещанского происхождения, которому еще предстояло завоевать свою будущность. Но, конечно, твой дед отлично знал, что я сумею завоевать ее. Ему я всецело обязан тем, чем стал; до самой своей смерти он был мне другом и отцом, и все-таки я хотел бы, чтобы он никогда не вмешивался в мою жизнь и не направлял меня насильно на другой путь. Этот путь возвел меня на ту высоту, о которой я мечтал, но цена, которую я за это заплатил, была слишком велика.

Барон замолчал и снова стал смотреть в туманную даль. Габриэль умоляюще положила руку на его плечо.

– Арно, я уже давно знаю, что в твоей жизни таится что-то темное и тяжелое, знаю также, что это какое-то несчастье, а не проступок. Скажи мне, в чем дело. Теперь ведь я имею право все знать.

– Да, ты права, – серьезно проговорил Равен, – ты должна все знать! – Он обнял ее и крепче прижал к себе. – Ты знаешь, что я самого простого, мещанского происхождения. Преждевременная смерть родителей рано научила меня стоять за себя. Я поступил на государственную службу и должен был начинать карьеру с самых низших должностей. В то время, когда вся страна была охвачена бурей революции и столица подняла мятеж против правительства, я жил в глухом провинциальном городишке, и только это обстоятельство спасло меня от участия в движении, которому я вполне сочувствовал.

Благодаря случайности, я уже на следующий год был переведен в столицу. Здесь я сблизился со своим начальником, только что назначенным на пост министра и положившим начало реакционному периоду. Он, должно быть, сразу заметил, что меня следует мерить другой меркой, чем остальных его подчиненных, стал отличать меня, и я почувствовал, что он особенно внимательно следил за мной и моей работой. Однако мне не представлялось случая выдвинуться. Тут я встретился с Рудольфом Брунновым, своим университетским товарищем. Всюду еще продолжалось брожение, и хотя с открытыми проявлениями его справились, но все подавленные силой элементы, не смея действовать открыто, продолжали тайно собираться.

Бруннов вовлек меня в кружок, к которому уже давно принадлежал по своим убеждениям. Сам он стоял во главе одного тайного союза, членом которого стал и я. Мы верили в идеалы, несбыточные в действительной жизни, и скорее согласились бы умереть, чем изменить им. А потом случилась катастрофа! Нас заподозрили и стали наблюдать за нами, о чем мы и не подозревали, пока не вмешался сам министр. Он, видимо, догадался, что я как-то причастен к этому делу, потому что однажды стал расспрашивать меня, но не как преступника,

у которого хотят что-нибудь выведать, а добрым, отеческим тоном, и это обезоружило меня. Я тогда еще слишком мало знал его, чтобы понять, каким непримиримым врагом революции он был, и его осторожность и умеренные требования обманули меня, как и многих других. Я увлекся, открыто признался в своих политических убеждениях и стал защищать их, защищать перед ним!

Это было с моей стороны преступной неосторожностью, и мне пришлось в ней жестоко раскаяться. Правда, я ни слова не сказал о той тайне, которую должен был хранить, да министр и не делал попыток выведать ее у меня. Он был убежден, что ни обещания, ни угрозы не заставят меня выдать товарищей, но моя страстная вспышка, мое неосторожное выступление в защиту тех идей указали опытному государственному человеку, где найти настоящий след.

Он милостиво отпустил меня, но едва я успел вернуться домой, как меня арестовали, мои бумаги были опечатаны, и я был лишен всякой возможности дать друзьям весточку о случившемся. Следующей жертвой стал Рудольф, которого знали, как моего друга и поверенного. У него нашли всю корреспонденцию нашего союза, а с ней и ключ ко всему остальному. Еще четверо наших товарищей разделили мою участь. Удар разразился так неожиданно, что никому не удалось спастись.

Нас обвинили в государственной измене, и потому мы должны были готовиться ко всему. Скоро меня опять позвали к министру, который объявил, что меня освобождают из заключения; он якобы убедился, что меня ввели в заблуждение и что я лишь поддался влиянию Брунова и его единомышленников. Поэтому он был готов забыть все случившееся, если я дам ему честное слово навсегда покончить со всеми революционными стремлениями. Действительно ли он не знал о моем отношении к делу, или не хотел ничего знать? Во всяком случае мое имя нигде не было названо. Главой нашего союза считался Рудольф, но такой проницательный человек, как министр, должен был понимать, что пассивная, несамостоятельная роль введенного в заблуждение человека совершенно противоречила всему складу моего характера. Тогда еще я не подозревал, что он хотел быть слепым, чтобы иметь право простить. Я решительно отказался дать требуемое обещание, потому что это значило изменить своим убеждениям, и выразил желание разделить участь товарищей.

Министр сохранил невозмутимое спокойствие и повторил свое предложение.

– Я даю вам месяц на размышление, – сказал он. – Я возлагаю на вас и на вашу будущность слишком большие надежды, чтобы дать вам погибнуть в дикой роли демагога. Эта голова может оказать государству лучшие услуги, чем составление в крепости или в ссылке бесплодных заговоров. Вы – не первый, сознающий сделанную ошибку и делающийся потом ревностным поборником тех идей, против которых некогда ратовал, и именно то упорство, с каким вы теперь отталкиваете предлагаемое мною спасение и противитесь обращению, убеждает меня в том, что я могу взять вас на свою ответственность и снова открыть вам доступ к государственной службе, если вы измените свои убеждения. Вас никто еще не обвинил, и от вас одного зависит, чтобы и не было никакого обвинения. Немногие компрометирующие вас доказательства находятся в моих руках и будут немедленно уничтожены, как только вы дадите мне слово. Через месяц я ожидаю от вас ответа. Пока вы свободны, и вам предстоит выбор между почетной – пожалуй, даже блестящей – карьерой или гибелью. С этими словами он отпустил меня.

– И ты сделал выбор? – спросила Габриэль.

– Я – нет! – с горечью возразил Равен. – Для меня вообще не существовало более выбора – об этом уже позаботились. Прежде всего я попытался разузнать, кто из наших погиб и кому удалось спастись. Я разыскал своих друзей и встретил такой прием, какого никак не мог ожидать... «Измена!» – раздавалось со всех сторон, куда бы я ни пошел. Ненависть, негодование, отвращение звучали на все лады вокруг меня. В первую минуту я не мог понять, что это значит, но скоро все выяснилось.

Меня считали изменником, из-за которого организация была раскрыта. Мое официальное положение и видимая благосклонность ко мне начальника уже и ранее возбуждали у многих подозрение, а теперь стало ясно как день, что я был орудием, шпионом министра – выдал и продал ему нашу тайну. Мой арест считали только комедией, заранее условленным фокусом, чтобы отвлечь от меня месть выданных товарищей, а мое теперешнее освобождение доказывало, как дважды два – четыре, что я был в союзе с враждебной партией. Только тогда я понял, что великодушие моего начальника было далеко не таким безусловным, как я думал. Он обеспечил себя, отпуская меня на свободу и делая для Меня навсегда невозможным возвращение к роли «демагога».

Сначала я был совершенно ошеломлен ужасным обвинением, потом всеми силами души возмутился против него. Я чистосердечно признался в вине, которую признавал за собой! Я рассказал о своем разговоре с министром – все было напрасно, все сочли это пустыми отговорками. Мне вынесли обвинительный приговор, который уже никогда не был отменен. Единственный человек мог бы, пожалуй, поверить мне – Рудольф Бруннов. Его этот удар поразил сильнее остальных, но если бы я мог встретиться с ним один на один и сказать ему: «Это ложь, Рудольф, я не изменник!» – он протянул бы мне руку и вместе со мной восстал против клеветы. Но он находился в заключении, и я не мог проникнуть к нему.

Я уверял остальных товарищей своим честным словом, но мне отвечали, что у меня нет больше чести, и даже отказывали в удовлетворении за это оскорбление, говоря, что со шпионами не дерутся. Преследуемые, затравленные и до безумия раздраженные люди были не способны на беспристрастное суждение, и я боюсь, что их подозрение было намеренно навлечено на меня. Достоверно убедиться в этом я, конечно, никогда не мог, но мое помилование только подтвердило подозрение.

Через месяц я снова явился к министру. Я сделал все возможное, чтобы очистить себя от оскорбительного подозрения, но безрезультатно. Мои прежние единомышленники оттолкнули меня, избегали, осудили тайным судом, хотя до этого времени на мне не было никакой вины. У меня оставался еще один исход: я мог покинуть свое отечество и начать где-нибудь новую жизнь, чтобы остаться верным своим убеждениям, как сделал Рудольф, когда бежал. В конце концов, по прошествии нескольких лет, это, может быть, и послужило бы мне оправданием, но я никогда не понимал героизма мученичества. С одной стороны, меня ожидало изгнание со всеми его лишениями и горечью, с другой – карьера, обещавшая полнейшее удовлетворение моего честолюбия.

После всех этих событий я уже не мог сомневаться в том, чего от меня потребуют, если я приму предложение своего начальника, но все во мне пылало ненавистью к тем, кто осудил меня, даже не выслушав моих оправданий. Перенесенные оскорбления и несправедливость прежних друзей заставили меня перейти в неприятельский лагерь. Я знал, что заплачу за свою карьеру ценой своих убеждений и, порвав с прошлым, дал требуемое обещание.

Голос барона и его прерывистое дыхание свидетельствовали о том, как волновали его эти воспоминания.

Габриэль слушала с напряженным вниманием, не решаясь прервать Равена ни одним вопросом. Он выпустил ее из своих объятий, и его голос звучал слабо и глухо, когда он продолжал.

– С этого времени моя карьера известна. Я стал секретарем министра, потом его другом и поверенным и, наконец, его зятем. Могущественное влияние устранило все препятствия, стоявшие на пути выскочки мещанского происхождения, а когда путь оказался свободным, мне оставалось только пробиться собственными силами. Само собой разумеется, все мое прошлое было при этом уничтожено; я знал это, да и не в моем характере делать что-нибудь наполювину. Кроме того, я от природы склонен к деспотизму, власть и господство над другими всегда имели для меня какую-то демоническую привлекательность. Теперь я познал их, а необычайно

быстрая карьера и блестящие внешние успехи помогли мне скорее, чем я думал, справиться со старыми воспоминаниями. Постоянное влияние моего тестя, которого я искренне уважал, и та среда, в которой я с этого времени вращался, довершили остальное. Я должен был идти вперед, не оглядываясь, и я действительно шел вперед. Правда, мой путь вел по обломкам моих идеалов, но я достиг своей цели... чтобы так кончить!

– Но ведь тебя свергли клеветой и ложью, – воскликнула Габриэль. – Это должно же обнаружиться!

– Как я могу заставить свет питать ко мне доверие, в котором он мне отказывает? Недавно я принужден был выслушать из уст Рудольфа Бруннова, что потерял право на доверие. Он может с ясным челом встретить всякое обвинение, и его оправдания всегда будут выслушаны, так как все его прошлое, вся его жизнь говорят за него, а моя – осуждает меня. Кто изменил своим убеждениям, тот и товарищей мог выдать. Проклятие того ужасного часа, когда я изменил самому себе, падает теперь на меня и лишает возможности опровергнуть взведенную на меня клевету.

– Но кто же свергнул тебя? Те, ради кого ты все это сделал, кому ты все принес в жертву? О, какая неблагодарность!

– Разве я имею право требовать от них благодарности? – с горьким спокойствием спросил Равен. – Между нами никогда не существовало доверия. Они нуждались во мне для исполнения своих планов, мне они были нужны для того, чтобы я мог подниматься все выше и выше. Мы были постоянно на военном положении. Я довольно часто давал им чувствовать власть ненавистного выскочки, а теперь, когда власть перешла в их руки, они свергли меня.

Я не мог и не должен был ожидать ничего иного, но теперь понял, что Рудольф прав: чего-нибудь да стоит верить в себя и свои идеалы. Кто падает из-за своих убеждений, оставаясь им верным, тот может пережить свое падение. Кто положил лучшие силы своей жизни на дело, которое не только чуждо его сердцу, но которое он в глубине души осуждает и презирает, тому не остается ничего, за что бы он мог ухватиться при падении.

– А я? – с упреком спросила Габриэль.

– Да, ты! – в порыве страстной нежности воскликнул барон. – Ты одна у меня осталась, без тебя я был бы не в силах перенести такой конец.

– Да вообще перенесешь ли ты его? – с тоской проговорила девушка. – Ах, Арно, мне кажется, что и я не в состоянии буду примирить тебя с жизнью, в которой ты будешь лишен того, что составляло ее сущность. Ты будешь изнывать в одиночестве, даже если я буду рядом.

– Оставим это, – мягко, но уклончиво произнес Равен. – Об этом мы поговорим после. Я открыл тебе свое прошлое, чтобы ты знала и его, и меня. А теперь довольно мрачных воспоминаний; они не должны больше отравлять нам этот час.

Он выпрямился, как будто стряхивая с себя мучительные мысли. Этот час в озаренном лунной уединенном саду действительно был прекрасен. В дремотной тишине покоились деревья и далекие окрестности. Они не сверкали более в золотом сиянии летнего дня, сегодня долина была скрыта прозрачной дымкой лунной ночи.

У подножия горы мерцали огни в окнах города, крыши и башни которого, ярко озаренные лунной, высились на фоне ночного неба. Отчетливо выступали горные вершины, а самые отдаленные из них совершенно исчезали в голубоватом тумане. Бледный свет заливал бесконечным покоем леса, горы и селения. Внизу, в долине, на лугах и полях, лежала таинственная мгла, сквозь которую местами поблескивали изгибы реки. А высоко над всем этим раскинулось небо в своем звездном великолепии. Вся картина дышала мечтательной красотой и глубоким покоем.

И здесь наверху над лужайками расстился загадочный, магический сумрак, в котором лунные лучи ткали свои фантастические образы. И в этих лучах, казалось, оживали поросшие мхом фигуры «Ключа ундин» и шевелились под своим влажным покровом, который то взлетал

вверх, то падал вниз снопом серебряных искр, ярко освещенных луной. Ветер стих и воздух был совершенно неподвижен, но порой что-то шелестело в листве, как будто какое-то таинственное дуновение проносилось мимо и замирало вдали.

Вечер был так тих и ясен, что казалось – снова наступила весна. Душа Равена действительно переживала весеннюю грезу, для него в ней заключалось все блаженство, доступное человеку в этом мире, и он горячо и взволнованно изливал свои чувства, держа в объятиях невинное юное существо, благодаря которому впервые познал, что значат любовь и счастье.

Кто в этот час увидел и услышал бы Арно Равена, тот понял бы, что, несмотря на свои годы и строгую сдержанность, несмотря на все мрачные стороны своего характера, он должен был победить всех соперников, если любил настоящей любовью. Вся давно сдерживаемая страсть и нежность вспыхнули в нем; каждое слово, каждый взгляд говорили о такой пылкой, сильной и глубокой любви, которую может испытывать только сердце зрелого человека, а не юноши. И Габриэль чувствовала это. Крепко прижавшись к Равену, положив голову ему на плечо, она вся отдавалась невыразимому блаженству. Никакие мрачные предчувствия не могли устоять перед очарованием близости любимого человека, перед звучанием его голоса, сопровождавшегося сладкой мелодией фонтана, под музыку которого пробудилась их любовь. «Рай блаженства» теперь приблизился и принял их в себя. Это был час такого полного, чистого счастья, какое человек может пережить только один раз, но который стоит целой жизни...

Внизу, в городе, башенные часы пробили одиннадцать. При этом напоминании барон слегка вздрогнул, потом быстро встал, как будто твердо на что-то решившись.

– Нам пора вернуться в замок, – сказал он, – становится прохладно, да и тебе не мешает отдохнуть после утомительной поездки. Пойдем, Габриэль!

Она без возражений подала ему руку и последовала за ним. Они прошли мимо «Ключа ундин» и вышли из сада. Калитка закрылась за этой мирной, озаренной лунным светом тишиной, за этим часом блаженства – весенней грезе наступил конец.

В верхнем коридоре замка, ведущем в покои баронессы Гардер Равен остановился. Все его существо возмущалось против мучительного горя разлуки, но он недаром слышал тревогу в полных предчувствий вопросах Габриэли. Он знал, что малейшая неосторожность с его стороны может все ей открыть и отдать ее во власть бесполезному, смертельному страху. Удар был неизбежен, но пусть лучше он разразится неожиданно.

– Покойной ночи, – сказала ничего не подозревающая Габриэль, целуя его. – Завтра мы снова увидимся.

– Завтра! – с усилием повторил Равен. – О, конечно! Он нежно поднял головку девушки, так что на ее лицо упал свет висячей лампы, и долго вглядывался в милые черты, озаренные нежным румянцем счастья, и в ясные, лучезарные глаза, вглядывался так долго и пристально, точно хотел навеки запечатлеть в своей душе ее образ. Потом наклонился и поцеловал ее в губы.

– До свидания, моя Габриэль, покойной ночи! Габриэль тихо высвободилась из его объятий и ушла.

На пороге своей комнаты она остановилась и послала ему прощальный привет, потом закрыла за собой дверь. Равен неподвижно стоял на прежнем месте и смотрел туда, где исчез его солнечный луч. Его голос дрожал, когда он тихо произнес:

– Бедное дитя, каково-то будет твое пробуждение!

Глава XXI

Утро следующего дня было пасмурным и туманным. Едва рассвело, когда полковник Вильтен явился в замок. Он пришел пешком, и слуга, очевидно, уже получивший соответствующие приказания, немедленно провел его в комнату барона. Скоро вышел и сам Равен. Он был совсем готов, и на его лице не было ни малейших следов тревожной или бессонной ночи. Он действительно спал глубоким и крепким сном до той самой минуты, когда его разбудили, и теперь спокойно поздоровался с полковником. Они обменялись несколькими словами относительно тумана, поездки, места и часа условленной встречи. Потом Равен вынул ключ от своего письменного стола и передал его полковнику.

– Мне хотелось бы попросить вас сделать в случае моей смерти первые и самые необходимые распоряжения, – сказал он. – Все мои бумаги в порядке. В том ящике лежит мое завещание и некоторые личные распоряжения, которые я сделал еще вчера. Там вы найдете также письмо, которое я прошу вас немедленно отправить по адресу доктора Рудольфа Бруннова.

– Вашему противнику? – спросил чрезвычайно удивленный Вильтен.

– Да, в письме содержится одно объяснение, которое я должен был дать ему, но не мог сделать это до дуэли. Теперь еще одно, – и барон вынул из бокового кармана пакет. – Это письмо предназначается для опекаемой мною племянницы, Габриэли фон Гардер; мне бы не хотелось, чтобы она получила его совершенно неподготовленная или неожиданно услышала о несчастье – она может смертельно испугаться. Потому я попросил бы вас лично передать ей письмо, но сделать это осторожно, как можно осторожнее. Такое нежное юное существо, как Габриэль, надо очень беречь. Если она получит такое известие неожиданно, оно может убить ее.

При этих словах, заключавших в себе полупризнание, Вильтен с трудом скрыл свое удивление. Теперь ему стало понятно, почему его сын получил отказ.

– Вы обещаете сделать это? – спросил барон.

– В случае вашей смерти баронесса Гардер получит письмо из моих рук, и я лично передам ей о случившемся со всей возможной осторожностью. Даю вам слово.

– Благодарю вас, – с видимым облегчением произнес Равен. – А теперь пора отправляться. Экипаж уже ждет нас внизу. Могу я попросить вас поехать без меня и подождать меня по ту сторону замковой горы? Мне бы не хотелось возбудить внимание своим ранним выездом, поэтому я не сяду в экипаж у парадного крыльца, а пройду через сад.

Полковник Вильтен нашел это распоряжение несколько странным, но молча повиновался. Равен позвонил и велел подать себе шляпу и пальто. Когда слуга принес то и другое, барон и полковник вместе вышли из комнаты, но расстались внизу лестницы.

Проходя по двору замка, барон встретил советника Мозера, который только что вышел из своей квартиры и заметно удивился, увидев своего начальника в такое неурочное время. Равен остановился.

– Вы уже так рано собрались на прогулку?

– Только вышел посмотреть, какая погода, – ответил советник. – Я имею обыкновение гулять по утрам, но при таком холодном и сыром тумане предпочитаю остаться дома.

– Вы совершенно правы, – согласился барон, – погода не из приятных.

– Но вы, ваше превосходительство, все-таки собираетесь выйти?

– Мне необходимо выйти по делу, не терпящему отлагательства. Прощайте, милый Мозер.

Говоря это, барон протянул руку. Удивленный старик поспешил пожать ее с чувством глубокого почтения. Он не раз видел со стороны своего начальства знаки благосклонности,

но не дружеской короткости. Необычная его приветливость придала старику смелости, и он решился высказать то, что давно уже лежало у него на душе.

– Осмелюсь предложить вам один вопрос, – робко начал он: – Поговаривают о том... по крайней мере, вчера вечером в городе распространился слух, будто вы, ваше превосходительство, намереваетесь покинуть свой пост. Правда ли это? Неужели вы действительно хотите уйти?

– Да, я уйду, – спокойно сказал Равен, – и даже очень скоро.

– В таком случае и я больше не останусь. Я уже давно подумывал подать прошение об отставке.

Барон молча взглянул на советника. Привязанность старика тронула его. Один Мозер всегда оставался верен ему и твердо держал его сторону, только он один не поверил клевете.

– Идите домой, милый Мозер, – ласково проговорил барон. – Вы простудитесь в легком домашнем костюме на таком резком утреннем воздухе. Еще раз прощайте! – и, сердечно пожав руку старика, он удалился.

Мозер неподвижно стоял на месте, глядя ему вслед. Это рукопожатие смутило его, а последнее «прощайте» звучало как-то странно. Ему хотелось побежать за своим начальником и задать ему еще какой-нибудь вопрос, только для того, чтобы еще раз взглянуть ему в лицо и услышать его голос. Но мысль о неприличии подобного поступка удержала старика. Лишь тогда, когда барон исчез из вида, Мозер вернулся домой, из его груди вырвался глубокий вздох, когда он поднимался по лестнице. Итак, это все-таки случилось: губернатор получил отставку.

Равен медленно шел по саду замка. Он не мог удержаться, чтобы еще раз не побывать здесь. Сад сообщался с замковой горой посредством небольшой проделанной в стене калитки, а оттуда можно было в несколько минут по маленькой тропинке дойти до города. Когда губернатор хотел где-нибудь неожиданно появиться, то всегда пользовался этим путем, чтобы не проходить через парадный подъезд или мимо часовых. Он мог прийти к месту одновременно с экипажем, которому приходилось делать значительный объезд.

У «Ключа ундин» барон остановился. Что случилось со вчерашним эдемом, озаренным лунным светом? Теперь все было окутано густым туманом, дерн покрылся инеем, липы мрачно и уныло стояли во влажном воздухе, а земля была усыпана поблекшими листьями. Фонтан еще журчал, но теперь его струи походили на печальные, однообразные потоки дождя, падавшие на серые, наполовину выветрившиеся каменные фигуры, и его пение звучало невыразимо печально.

Таинственный свет, заливавший своим блеском всю окрестность, исчез, осталась прозаическая действительность со всем своим безотрадным запустением.

Равен плотнее закутался в свой плащ и обернулся к разрушенной стене, откуда открывался вид на далекие окрестности. Еще вчера там лежала долина, волшебной прекрасная под покровом лунной ночи, сегодня она была вся затянута колеблющимися волнами тумана. Только несколько городских башен неясно вырисовывались в нем, долина и горы пропадали во мгле. Барон окинул взглядом город, в котором он так долго властвовал, и снова перевел взор на колышущееся море тумана. Что скрывалось в нем? Лучезарный летний день или мрачная серая мгла?

Он бросил последний взгляд на мрачные стены замка, затем открыл калитку в стене, вышел из сада и подошел к подножию горы почти в одно время с экипажем. Через минуту он уже сидел рядом с полковником, а вскоре город остался позади. Они быстро ехали по направлению к горам и через полчаса уже были у опушки леса, составлявшей цель их поездки. Выйдя из экипажа, они пошли пешком к назначенному для поединка месту, лежавшему недалеко от опушки.

Доктор Бруннов со своим секундантом и сыном, который, как было условлено, должен был оказать пострадавшему медицинскую помощь, были уже на месте. Мужчины молча рас-

кланялись, затем оба секунданта обменялись несколькими словами и немедленно приступили к необходимому приготовлению.

Макс стоял возле отца. Бледное лицо и горящие глаза последнего ясно свидетельствовали о бессонной ночи. Он тщетно старался скрыть свое лихорадочное состояние, но, несмотря на все усилия, это ему не удавалось. Губы его были плотно сжаты, а рука, лежавшая в руке сына, порой нервно вздрагивала.

– Мужайся, отец, – прошептал Макс. – Ты должен заставить себя успокоиться; твоя рука так дрожит, что ты будешь не в состоянии спустить курок.

– Будь спокоен, я смогу сделать это, – тоже шепотом возразил доктор, взглянув на оружие, которое заряжали секунданы.

Макс бросил тревожный взгляд на отца, отлично понимая мучительное волнение старика и сознавая необходимость во что бы то ни стало вернуть ему самообладание.

– Полковник Вильтен заметил твое состояние, – многозначительно проговорил Макс, – он только что взглянул на тебя с удивлением. Неужели ты допустишь, чтобы он подумал, что тебя заставляет так волноваться страх перед пулей?

Молодой человек не ошибся в расчете: отец ответил ему гневным жестом.

– Ты прав. Посторонние не могут знать, что происходит во мне, но не должны считать меня трусом.

Бруннов постарался овладеть собой, и ему удалось принять более спокойный вид, хотя он избегал смотреть в том направлении, где со своей обычной гордой осанкой стоял барон с выражением холодной решимости на лице, видимо, совершенно не беспокоясь о том, что происходит вокруг него. Сперва он равнодушно следил за тем, как заряжали оружие, потом стал рассматривать окрестности.

Уже рассвело, туман исчезал. Солнце, вероятно, уже взошло, так как восточная часть горизонта была залита розоватым светом, но солнечные лучи еще не могли пробиться сквозь остатки тумана. Город окутывала беловатая дымка, однако замок уже был виден.

Там Габриэль, ничего не подозревая, предавалась счастливым утренним грезам, между тем как здесь наступала кровавая развязка, имевшая отношение и к ее судьбе.

Полковник Вильтен объявил, что все готово, и противники заняли свои места. Равен стоял выпрямившись, с высоко поднятой головой, со спокойным взглядом, так уверенно и крепко держа в руке пистолет, как будто промах для него был невозможен. Бруннов явно делал над собой усилие, чтобы казаться спокойным. Решающее значение наступающей минуты и страх перед тем, что его поведение будет ложно истолковано, заставили его наружно ободриться, но все-таки рука его слегка дрожала, когда он направлял пистолет на грудь некогда горячо любимого друга.

Вильтен подал знак. Одновременно раздались два выстрела; секунду оба противника продолжали стоять на своих местах. Затем один из них выронил пистолет и прижал руку к груди. Арно Равен лежал на земле, и белый иней вокруг него начинал окрашиваться красным цветом.

Наскоро убедившись, что отец невредим, Макс бросился к раненому, возле которого уже стоял полковник. Старик Бруннов продолжал неподвижно стоять, судорожно сжимая в руке пистолет и не сводя глаз с упавшего противника. К нему подошел его секундант.

– Что это значит? – тихо спросил он. – Разве вызов был не со стороны барона? А между тем он выстрелил в воздух.

Эти слова вывели Бруннова из охватившего его оцепенения. Отшвырнув пистолет в сторону, он бросился вперед.

– Арно! – с беззвучным отчаянием закричал он. Макс пытался в это время унять кровь, но отец порывисто оттолкнул его, как будто он один имел право на это, вырвал у него платок и прижал его к ране. Молодой человек молча отошел в сторону, сделав знак полковнику и другому секунданту последовать его примеру.

– Не можете ли вы чем-нибудь помочь барону? – вполголоса спросил полковник. – Ваш отец слишком взволнован, и кроме того, это его противник.

– Здесь уже невозможна никакая помощь, – ответил Макс. – Мне достаточно было взглянуть на рану, чтобы убедиться, что она смертельна. Все кончится через несколько минут, и мой отец сделает все необходимое. Пожалуйста, оставьте его одного с умирающим.

– Только один из раздавшихся выстрелов мог быть смертельным, – многозначительно произнес секундант Бруннова.

Полковник кивнул.

– Я тоже заметил это. В последнюю минуту Равен направил пистолет в сторону. Странно!

Все трое молча переглянулись; они начали догадываться, чем была вызвана дуэль, но никто из них не выразил своей мысли словами. Они чувствовали, что на том месте, где Бруннов стоял на коленях перед умирающим, совершалось совсем не то, что бывает при обыкновенных поединках, и, исполняя просьбу молодого врача, отошли в сторону, чтобы не мешать.

Рудольф Бруннов левой рукой обнимал раненого, голова которого покоилась на его груди, а правой зажимал платком рану. Боль ли от этого прикосновения, или отчаянный крик Бруннова привели в чувство раненого, потерявшего сознание, но он открыл глаза и сделал слабое движение, как будто хотел отстраниться.

– Оставь, – сказал он, – ты метко попал, я знал это заранее.

– Арно, зачем ты так поступил со мной? – простонал Бруннов. – Почему именно моя рука должна была поразить тебя? Теперь я знаю, зачем ты заставил меня принять вызов.

В этих словах звучала такая мучительная скорбь, что она потрясла даже умирающего, и он сделал слабую попытку протянуть руку прежнему другу.

– Прости меня, Рудольф, – едва слышно прошептал он. – Не упрекай себя ни в чем. Благодарю тебя!

Голос отказывался служить ему, но, сделав над собой последнее усилие, он немного приподнялся, и его взор, казалось, искал что-то вдали. Бруннов поддерживал его. Охваченный смертельным страхом, он старался остановить кровь, лившуюся из раны, нанесенной его собственной рукой, хотя, как врач, знал, что не было ни малейшей возможности спасти умирающего. В это время солнце пробилось наконец сквозь туманный покров, и на горе показался замок, ярко озаренный утренними лучами. Его стены и башни засияли красноватым светом, и окна засверкали, как будто посылая огненный привет. Равен, не отрываясь, смотрел на замок, его последний взор был обращен к приветствовавшему его оттуда «солнечному лучу».

Потом все померкло. Сияющий диск понемногу стал заволакиваться, бледнеть и наконец совсем исчез. Мрачные тени окутали умирающего и унесли его в таинственную глубину, не доступную ни единому отзвуку жизни, и все стремления и желания скорби и радости исчезли в вечном, непробудном сне.

Бруннов опустил на землю тело, которое все еще держал в объятиях; хотел подняться, хотел сказать окружающим, что все кончено, и не мог. Силы оставили его, и он без чувств упал на труп друга своей юности.

Глава XXII

Над всей страной пронеслись новые веяния. В последние четыре года почти все изменилось до неузнаваемости. Партия, прежде подвергавшаяся преследованиям, теперь стояла во главе правления, и это повлекло за собой резкие перемены во всем строе общественной жизни; стремления, которые прежде вызывали ожесточенную борьбу и подавлялись, теперь проявлялись свободно и открыто.

С новыми веяниями на сцену явились и новые люди. В числе тех, кто необыкновенно быстро поддержал современные политические направления, был и Георг Винтерфельд. Он не принадлежал к типу людей, ищущих бурной борьбы, и завоевывал желанную будущность спокойной, интенсивной работой. Поэтому он вряд ли выдвинулся бы так скоро, если бы не его выступление против покойного губернатора Р. Мужественная борьба с одним из столпов низвергнутой теперь системы, притом в такое время, когда никто об этом и думать не смел, создала ему имя и заставила сыграть важную роль, после чего он уже не должен был погрузиться в безвестность. Недюжинное дарование и обширные познания Винтерфельда были высоко оценены и при новом составе министерства нашли достойное применение. Георг получил необычайно высокое для своих лет назначение, и все его начальники единодушно утверждали, что ему предстоит блестящая будущность. Конечно, он не был таким ярким метеором, как Равен, вынырнувший из полной безвестности, сделавший блестящую и бурную карьеру, приковавшую к себе всеобщее внимание, и исчезнувший так же внезапно, как появился! Винтерфельд поднимался медленнее, спокойнее, но увереннее, и никогда не терял почвы под ногами.

Новый губернатор Р-ской провинции был полной противоположностью своего предшественника: либеральный, снисходительный, без малейшей склонности к деспотизму. Но и ему пришлось бороться со многими затруднениями, и он не всегда встречал желаемое сочувствие. Окружавшие его люди были избалованы властной, но кипучей деятельностью Равена и привыкли видеть в губернаторе человека, умеющего сразу всесторонне осветить всякий вопрос, устранить всякое затруднение и с несокрушимой энергией отстаивать интересы провинции. Им не хватало строгого порядка, и железной дисциплины предыдущего правителя; приемник Равена, полный добрых намерений, не был способен к решительным или крутым мерам, а между тем они иногда являются необходимыми.

Внезапная смерть Равена и сопровождавшие ее обстоятельства много способствовали смягчению возбужденного им общего озлобления, тем более, что обвинительная статья, повлекшая за собой его падение, оказалась неосновательной; свидетель, на которого опирался автор статьи, выступил в защиту обвиненного. Уступая настоятельным просьбам сына, Рудольф Бруннов немедленно после дуэли навсегда покинул родную страну; он вернулся в Швейцарию и оттуда открыто выступил в защиту памяти покойного. Он объяснил, что сам находился под влиянием заблуждения, что последнее объяснение с Равеном совершенно разубедило его и что обвинение является глубокой несправедливостью в отношении покойного. Заявление того самого противника, от руки которого пал Равен, конечно, имело огромное значение. То, что с недоверием слышали бы из уст живого, не вызывало сомнений, как свидетельство мертвого, снявшего с себя позор клеветы в предсмертную минуту, и это пятно по крайней мере не было связано с его памятью.

Щедро обеспечив своих слуг, Равен все свое имущество завещал молодой баронессе Гардер, сделавшейся поэтому одной из самых богатых девушек страны. Но она так долго и тяжело болела после смерти дяди, что одно время казалось сомнительным, воспользуется ли она когда-нибудь полученным наследством.

Теперь Габриэль жила вместе с матерью в столице, и была центром притяжения для многочисленных искателей ее руки. Соединение красоты и нравственного обаяния с огромным

богатством встречается очень редко, поэтому среди претендентов на ее руку называли такие имена, которые могли бы вскружить голову двадцатилетней девушке. Однако Габриэль отклонила все предложения и, казалось, думать не хотела о браке, к огромному огорчению старой баронессы, истощавшей все свое красноречие, чтобы изменить настроение дочери. Габриэль достигла совершеннолетия, вступила во владение своим имуществом, и теперь, по мнению матери, было как раз время выбрать себе мужа.

Советник Мозер исполнил свое давнее желание и вышел в отставку еще за четыре года до описанных событий, сразу после смерти барона. С одной стороны, его побудила к этому смерть патрона, с другой – ему, как он думал, не пристало оставаться на казенной службе, породнившись с семьей «демагога». Хотя он и руками, и ногами отбивался от этого родства – ничто не помогло: Макс Бруннов не оставил его в покое, пока он не сдался. Упорный жених с величайшей пунктуальностью являлся к нему каждый день, чтобы повторять своему дорогому тестю, как он счастлив, что будет его зятем, и как твердо верит, что лучшего зятя вообще нельзя найти на всем белом свете. Если старик впадал в гнев, бессовестный врач грозил ему параличом и прописывал успокоительные капли. Если отказывал ему от дома – Макс хладнокровно заявлял, что не может лишиться себя свидания с невестой, и на другой день являлся часом ранее обыкновенного. Когда однажды советник натолкнулся на довольно нежную сцену, Макс, не дав ему сказать ни слова, обнял его и заявил, что его нежные чувства распространяются не только на Агнесу, но и на дорогого папашу. В конце концов советник покорился своей участи, так как принадлежал к числу людей, которым достаточно ежедневно упорно твердить что-либо, чтобы они наконец сами поверили в это.

С духовными опекунами невесты дело обстояло труднее – они никак не хотели допустить ее замужества. Духовник Агнесы поднял страшный шум, на что Макс ответил еще решительнее и явился в качестве зрителя на отповедь, которая предназначалась провинившейся Агнесе. Разгневанный патер приказал ему удалиться, но молодой доктор возразил, что, как жених, имеет право присутствовать при объяснении, причем надеется и сам получить известную пользу от красноречия его преподобия.

Настоятельница монастыря, в котором Агнеса воспитывалась и в который собиралась поступить, писала своей воспитаннице письмо за письмом, но Макс завладел корреспонденцией и, к иступленному негодованию набожной дамы, сам отвечал на ее письма. Когда его противники грозили ему муками ада – он отвечал угрозой прибегнуть к прессе, уверяя, что разгласит историю своей любви и подымет шум в газетах жалобой на то, что у него хотят отнять невесту и насильно заточить ее в монастырь. Это заставило его врагов призадуматься. Рудольф Бруннов, благодаря последним событиям, стал таким известным лицом в городе, что и его сын при подобных обстоятельствах непременно должен был возбудить к себе общий интерес, а падение предыдущего правителя показало, какую роль может в таком случае сыграть газетная статья.

Наконец между духовником невесты и молодым врачом разыгралась последняя, весьма драматическая сцена, кончившаяся приблизительно так же, как последнее объяснение жениха с будущим тестем. Почтенный патер оказался совершенно укрошенным.

– Этот человек – прямо-таки нечистый, от которого да сохранит нас Бог, – произнес он, когда мучитель наконец оставил его. – Он и в самом деле способен натравить на нас газетную свору и опозорить наш монастырь. Придется уступить.

Макс благоразумно поторопился со свадьбой и увез жену в Швейцарию. Рудольф Бруннов, благодаря полученному наследству, мог жить вполне обеспеченно и настоял на том, чтобы молодые поселились в его доме, поскольку у Макса еще не было практики. Он вскоре приобрел ее, но отец и сын продолжали жить вместе. После сцены, разыгравшейся у постели больного Макса, отношения между ними совершенно изменились; если же когда-либо и возникали

разногласия, Агнеса спешила вмешаться со свойственной ей кротостью и мягкостью, и всегда успешно.

Старый советник по-прежнему жил в Р., но каждое лето приезжал навестить своих детей.

Снова наступило лето. Скромный домик Рудольфа Бруннова имел теперь совсем иной вид: он был перестроен и расширен, так как в нем жили две семьи; сад, благодаря прикупленной земле, увеличился почти вдвое. Сегодня молодой Бруннов, старавшийся посещать пациентов вне своего дома в предобеденные часы, изменил своей привычке и сидел у себя в саду с дорогим гостем, прибывшим всего полчаса назад.

– Теперь ты должен всецело принадлежать мне, Георг, – говорил Макс, – отец опять совершенно завладел тобой, а ведь твой визит предназначался прежде всего мне. Какая приятная неожиданность! Я ведь и не подозревал, что ты в Швейцарии.

– Это была командировка, – сказал Георг, – я был послан министром к нашему посланнику в Б. с поручениями, которые мне удалось выполнить скорее, чем я думал, и я не мог отказаться от удовольствия заехать к тебе хоть на один день.

За четыре года Винтерфельд стал более мужественным, в манерах его появилась спокойная уверенность. Прозрачная бледность лица уступила место здоровому румянцу, хотя работал он несколько не меньше, чем раньше. Однако ясный в прежние годы лоб омрачала легкая тень, а чудесные голубые глаза были не только серьезными, как прежде, но даже печальными. Человек, едва достигший тридцати двух лет, с солидным положением и многообещающим будущим, по-видимому, не был счастлив и не испытывал радости от своих успехов в жизни.

Макс Бруннов, напротив, всем своим видом подтверждал собственные слова о том, что прекрасно чувствует себя в этом ничтожнейшем из миров, а поскольку к тому же был явно окружен заботливым уходом, то являл собой блестящее свидетельство хозяйственных добродетелей супругов.

– Мы с тобой давно не видались, – продолжал он начатый разговор, – я здесь пришит, благодаря своей практике. Правду сказать, мне чертовски повезло. После нескольких случаев удачного излечения пациенты потекли ко мне рекой – я едва справляюсь, и уже не остается времени, чтобы поехать куда-нибудь для своего удовольствия... А ты – член правительства, и без таких важных особ трудно обойтись в министерстве. Скажи-ка, Георг, когда тебя сделают министром?

– Да, надо полагать, еще не скоро, – засмеялся Георг. – Пока я – только чиновник при министерстве.

– А также правая рука министра и душа всего управления. О, мы ведь тут прекрасно знаем, что и как делается у вас в столице; знаем, что ты имеешь все шансы на пост губернатора. Кстати, как обстоит дело с губернаторским постом в Р.? Теперешнему превосходительству, кажется, тяжеленько приходится?

– Положение, во всяком случае, не таково, чтобы не испытывать больших трудностей. Но откуда ты все это знаешь?

– Много слышу от тестя. Наш милый город Р. всегда находится в оппозиции, такова уж его старая привычка. Новый правитель – олицетворение либерализма и доброжелательности к людям, жителям не в чем упрекнуть его, и именно это их бесит. Маленький любезный господин, одинаково вежливый со всеми, для них недостаточно величествен. Я думаю, они искренне жалеют о властном деспоте, который хотя и держал их в ежовых рукавицах, зато умел им импонировать.

– Ты несправедлив к нашему городу, – возразил Георг, – он храбро боролся за свои права и сумел отстоять их. Чего действительно недостает, так это такой сильной личности, какой был Равен, и перед которой преклонялись даже враги. Теперешний губернатор честен и справедлив, но отнюдь не выдающаяся фигура и, пожалуй, не дорос до такого ответственного поста.

Так ты говоришь, что советник все еще живет в Р.? А я думал, что он в конце концов решился переселиться сюда, чтобы быть поближе к дочери.

– Какая оскорбительная мысль! – шутливо воскликнул Макс. – Чтобы мой тесть соблаговолил водворить свою персону в какой-то презренной республике? Уж и то огромное самопожертвование, что он ежегодно приезжает к нам погостить! Посещения его непродолжительны, но это и лучше; не потому, чтобы я боялся его близости, нет, между нами будь сказано – папаша-советник у меня в повиновении, но с моим отцом он не мог бы ужиться: уж слишком они разные люди.

– Макс, твой отец очень постарел, – сказал Винтерфельд, – я даже не ожидал увидеть его таким.

– Он не может забыть смерть Равена. Воспоминания о несчастной минуте, когда друг юности пал от его руки, отравляет ему жизнь. Я надеялся, что время смягчит его горе, но он все больше поддается ему, и я вижу, что ему уже недолго жить с нами... мне, как врачу, хорошо видны роковые признаки.

Лицо молодого доктора сделалось грустным, как и лицо Георга, когда он вполголоса проговорил:

– Он не может оторваться от того, что когда-то любил, и воспоминания убивают его... Я понимаю это...

– Да, ты тоже, кажется, не прочь убиваться от «воспоминаний»! – с внезапно вспыхнувшим гневом перебил Макс. – Когда мы виделись в последний раз, ты ничего не хотел объяснить мне; теперь у тебя прямо элегическое настроение. Ну, признавайся же наконец!

– Оставь! Ты ведь знаешь, что я неисправим, а в известных вопросах даже и ты не понимаешь меня.

– Ну, разумеется, как неисправимого реалиста, ты не можешь допустить меня в святая святых твоих чувствований. За тебя следовало бы приняться моему отцу; ваши души всегда были родственны, и он, наверное, понял бы твои «идеальные побуждения», которые я – не сердись, Георг, – считаю просто бреднями.

Винтерфельд нахмурился и отвернулся. Однако Макс продолжал, нимало не смущаясь:

– Эта робость и нерешительность, это стремление бежать от счастья, которого ты, может быть, добился бы одним смелым движением, эти постоянные чувствительные раздумья и комбинации будут продолжаться до тех пор, пока тебя не опередит другой, не обладающий такими тонкими чувствами, и ты во второй раз прозеваешь свое счастье... Да, да, это оскорбляет тебя, а я все-таки скажу: раз уж ты никак не можешь развязаться с этой любовью, так женись, и дело с концом.

– Ты говоришь на основании собственного опыта, с принужденной улыбкой возразил Георг, – ты испытал рекомендуемое тобою средство на себе самом, и притом с блестящим успехом. Твоя жена прелестна.

– Она делает честь системе перевоспитания, не правда ли? От бледности и нервов не осталось и следа. Да, но ведь я основательно занимался ее воспитанием.

– Да, ты успешно боролся с тем, что было привито ей воспитанием и был предусмотрителен, поторопившись увезти ее от прежних влияний и пересадить совсем в иную среду. А то, пожалуй, постарались бы снова связать порванные нити.

– Не думаю. Я так здорово прижал духовника и настоятельницу, что они возымели ко мне огромное уважение. И, наконец, разве ты сомневаешься, что моя жена вполне разделяет мои воззрения и во всем следует моим указаниям? Я очень люблю Агнесу, но все же крепко держу в руках скипетр власти; мужчина всегда должен быть в своем доме главой – имей это в виду на всякий случай, милый Георг, и, когда придется, примени.

Так разговаривая, они обошли сад и теперь приближались к дому. На веранде сидел доктор Бруннов со своей невесткой. Агнеса читала ему газету. Доктор действительно сильно поста-

рел, взгляд его был страдальческим. Его прежняя раздражительность исчезла, уступив место вялому равнодушию, которое лишь изредка нарушалось проблесками бывлой страстности.

Агнеса превратилась в цветущую женщину, соединявшую в себе прежнюю кротость с достоинством жены и матери. У ног ее играл мальчик лет двух. Едва заметив подходивших, он поднялся на ножки и устремился навстречу отцу. Макс схватил ребенка и высоко поднял его.

– Взгляни на этого мальчишку! – воскликнул он, с отеческой гордостью показывая другу краснощекого, здорового бутуза. Если бы мы жили в Р., я непременно пригласил бы патера, о котором мы сейчас говорили, крестить моего наследника, у его преподобия, пожалуй, сделалось бы от этого разлитие желчи.

– Милый Макс! – кратко сказала Агнеса, и взгляд, сопровождавший эти слова, также был кроток, но Макс тотчас понял.

– Да, да, я ведь обещал не шутить на эту тему, – сказал он. – Ну, так вот: я был бы в отчаянии, если бы у его преподобия сделалась желтуха, и употребил бы все свое искусство, чтобы вылечить его.

– Не думайте, Винтерфельд, что Макс действительно такой безбожник, каким представляется, – вмешалась Агнеса, – он только никак не может обойтись без насмешек, даже когда провожает меня в церковь.

– Ты ходишь в церковь? – спросил Георг, с удивлением глядя на своего друга.

– Иногда, – смутился Макс. – Впрочем, очень редко, всего несколько раз в году. Если я этого не делаю, Агнеса плачет, и мне по необходимости приходится выслушивать проповедь.

– Милый Макс! – опять повторила Агнеса, и муж, очевидно, побаивающийся кротких предупреждений своей жены, поспешил перебить ее:

– Милое дитя, Георг останется у нас ночевать. Завтра он, к сожалению, покидает нас, но сегодня он – наш гость. Будь добра, сделай все необходимые распоряжения.

Молодая женщина выразила свою радость по поводу посещения Георга, потом поднялась, чтобы проверить, все ли приготовлено для гостя.

– Я уведу малютку, он привык спать перед обедом. Снеси его наверх! – обратилась Агнеса к мужу.

– Я не хочу оставлять Георга, – отозвался тот, – да и мальчуган должен научиться подниматься по лестнице на своих ногах. Он уже достаточно велик.

– Как хочешь, милый Макс, – тотчас же уступила жена, – ты знаешь, я всегда стараюсь поступать согласно с твоими желаниями, но Рудольф привык, что ты сам носишь его наверх, он будет плакать...

– Это у него мамина привычка, – возразил Макс и, очевидно, решив показать другу, что всегда твердо стоит на своем, не сдвинулся с места.

Его жена с выражением бесконечной кротости нагнулась и сама взяла на руки ребенка, который хотя и был здоровым крепышом, никак не мог быть для нее чересчур тяжелой ношей. Однако Агнеса, казалось, несла его с величайшим трудом и у дверей даже вынуждена была остановиться, чтобы перевести дух. Взгляд, который она при этом бросила на мужа, был полон упрека. Это подействовало: Макс в мгновение ока очутился около жены.

– Сколько раз я говорил, чтобы ты не злоупотребляла своими силами! Давай малыша, я сам снесу его наверх, – сказал он своим прежним властным голосом и, взяв ребенка, понес его на второй этаж, где находилась квартира молодых супругов.

Агнеса склонила голову и послушно последовала за мужем; она ведь и на сей раз, как всегда, покорила его желанию.

Георг поглядел им вслед с иронической улыбкой, потом обратился к доктору Бруннову, молчаливому свидетелю этой сцены:

– Сейчас только Макс прочел мне лекцию относительно того, что мужу никогда не следует выпускать из рук бразды домашнего правления и он должен всегда оставаться в своем доме господином. Кажется, он сам себя обманывает?

Мимолетная улыбка промелькнула на лице Бруннова.

– Вы сами только что видели, как Макс приказывает, а Агнеса повинуется, – сказал он. – Она настолько умна, что оставляет его в заблуждении насчет неоспоримости его власти, хотя и водит его на помочах. Только и слышно: «Как хочешь, милый Макс!», а милый Макс терпеливо исполняет все, чего хочет его жена. В конце концов не все ли равно, лишь бы он был счастлив. А он счастлив вполне. И вы, Георг, последуйте наконец примеру моего сына; но, если женитесь, не стройте заранее программы брачной жизни – женщина все-таки перевернет вверх дном все предусмотренные вами параграфы.

Винтерфельд тихо покачал головой и повторил:

– Если женюсь. Но я никогда не женюсь! Вы ведь знаете мое решение.

– Знаю, но не думаю с ним соглашаться. В ваши годы нельзя ставить крест на возможности личного счастья, вы же притом совершенно не созданы для одиночества. Честолюбие никогда не удовлетворит вас вполне, не заполнит всей жизни. Вам нужен семейный очаг.

Георг не отвечал. Опершись на решетку балкона, он задумчиво устремил взгляд на озеро. Доктор положил руку на его плечо.

– Что, Георг? Все еще болит старая рана? Винтерфельд обернулся. В глазах, которые теперь печально смотрели на него, он прочел что-то родное, и не мог не ответить:

– Есть раны, которые никогда не закроются; я, может быть, не способен к такому страстному чувству, как тот, другой, но если чему отдаю свою душу, то это навсегда. Я не могу вырвать из сердца старое чувство, да и не хочу.

– Видели вы Габриэль в последние годы?

– Видел, и гораздо чаще, чем следовало бы для моего душевного равновесия. Мне ведь теперь приходится вращаться в кругу, к которому она принадлежит, а в столичном обществе очень трудно избежать неожиданных встреч. Как часто оказывалась она прямо передо мной, окруженная блестящей толпой, и мы не могли уклониться от встречи, хотя обоим хотелось бежать друг от друга на край света! Лучше было бы мне не видеть Габриэль с того самого дня, как я потерял ее, а эти постоянные встречи слишком глубоко тревожат прошлое и отнимают у меня силы и самообладание. Это – такое страдание!

– Так, значит, вы случайно попали сюда? Я так и думал.

– Вы ведь слышали – я был в командировке и, возвращаясь, решил удивить вас и Макса неожиданным приездом.

– Так Макс не сказал вам, что Габриэль здесь?

– Как здесь? – воскликнул пораженный Георг. – Габриэль?

– Да, и с матерью. Они уже несколько недель живут в своей вилле, там, наверху. Здоровье баронессы несколько расстроилось, и она лечится у одного из знаменитых здешних врачей. Макс и Агнеса уже несколько раз встречали обеих дам во время прогулки и разговаривали с ними, но более близкие отношения между ними, конечно, не могут завязаться. Мне не нужно напоминать, какие воспоминания мешают Габриэли посещать дом, в котором я живу.

Георг даже не заметил тона, которым были произнесены последние слова; он с трудом подавил страстное волнение, охватившее его при неожиданном известии.

– Слава Богу, что я завтра уезжаю! – воскликнул он. – Может быть, судьба и здесь не избавила бы меня от неожиданной встречи, именно здесь, где я узнал любовь, узнал счастье! Я не вынес бы этого...

– Так вы все-таки не хотите сделать попытку к сближению? Подумайте хорошенько, Георг! Дело ведь идет о счастье всей жизни. На вашем месте я взглянул бы на неожиданную возможность встречи здесь, где родилась ваша любовь, как на перст судьбы, и еще раз попы-

тался бы получить желанный ответ. Ваше положение и будущность, которой вы вправе ожидать, дают вам полную возможность предложить свою руку даже очень богатой наследнице. Когда вы в первый раз высказали баронессе Гардер свою любовь, вы могли предложить ей гораздо меньше.

– Но тогда я был любим! – с невыразимой горечью воскликнул Георг, – или по крайней мере верил, что Габриэль любит меня. Теперь между нами стоит стеной час разлуки, разрушивший мою чудную мечту; Габриэль нисколько не расположена вернуть ее мне – я слишком часто видел это по тому, как она стремится избегать меня. Уже одна мысль, что я могу снова искать сближения, пугает ее. О, она может быть спокойна: добровольно я к ней никогда не подойду!

– Между тем именно этот ее страх и должен был ободрить вас, – прервал Бруннов: – Мы ведь спокойно и холодно проходим только мимо тех, к кому равнодушны. Неужели вы не решитесь узнать наверное, в самом ли деле Габриэль...

– Никогда! – страстно воскликнул Георг. – Подойти к ней, чтобы еще раз услышать из ее уст, что ее любовь навсегда отдана другому, что его одного она может любить, даже когда он в могиле! Один раз я уже вынес это – с меня довольно! Не будем больше, доктор, вы сами видите, что я не могу хладнокровно говорить на эту тему. Ради Бога, избавьте!

Бруннов замолчал, но разговор и без того должен был прекратиться, потому что вернулся Макс и завладел своим другом. Доктор скоро оставил товарищей вдвоем и ушел к себе в кабинет. Походив с четверть часа по комнате в глубокой задумчивости, он взял шляпу и вышел из дома...

Вилла баронессы Гардер была несравненно богаче маленькой дачи, где мать и дочь жили когда-то. Старая баронесса считала необходимым жить в соответствующей их теперешнему положению обстановке, которой ей прежде так не хватало, а Габриэль во всем, что касалось внешней жизни, уступала желаниям матери. Баронесса привезла с собой слуг, лошадей, экипажи. Сегодня она выехала в город, и Габриэль была дома одна. Она стояла на террасе, выходящей на озеро. Нежная, распускающаяся, подобно цветку, красота молоденькой девушки за эти четыре года достигла полного расцвета. Это было все то же свежее, очаровательное личико, но очарование его носило совершенно иной характер. Напрасно было бы искать в нем следы прежней шаловливости и ключом бьющего веселья – они исчезли вместе с беззаботностью счастливого детского настроения, искрившегося когда-то радостным смехом в ясных карих глазах; зато прекрасное лицо приобрело одухотворенное выражение. Было ли оно следствием легкой горькой складки около губ, которую даже смех не мог согнать с лица, или тени грусти, таившейся в глубине глаз, но это выражение никогда не исчезало, придавая всему облику молодой девушки какую-то особую прелесть, без малейшего оттенка счастья. Погруженная в мечты или скорее в воспоминания, Габриэль смотрела на расстилавшийся перед ней ландшафт и обернулась с неудовольствием при появлении лакея, подавшего ей карточку. Девушка равнодушно взяла ее, но едва прочла стоящее на ней имя, как рука ее задрожала и лицо покрылось бледностью.

– Господин просит баронессу принять его по очень важному делу, – передал слуга.

Габриэль подавила волнение.

– Проводите господина в гостиную, – сказала она и пошла вслед за слугой.

Через минуту перед ней стоял доктор Бруннов.

В продолжение нескольких мгновений доктор и Габриэль молча смотрели друг на друга. Они виделись в первый раз в жизни, но знали друг о друге так много, словно были давно знакомы. Старик и молодая, цветущая девушка были до этого мгновения совершенно чужды один другому, но одно имя – имя усопшего – связывало их невидимой цепью.

Доктор поклонился и подошел ближе, Габриэль невольно отшатнулась. Он заметил ее движение и остановился.

– Вы, конечно, не ожидали, баронесса, что я явлюсь к вам? – начал он. – Я сделал это, несмотря на возможность не быть принятым. Мое имя приобрело в ваших глазах роковое значение.

Габриэль, все еще бледная, ответила дрожащим голосом:

– Во всяком случае я поражена вашим посещением, доктор. Я не предполагала, что встречи со мной будет искать человек, который...

Она замолкла: роковое слово не шло у нее с языка. Бруннов закончил за нее фразу:

– Человек от руки которого пал Арно Равен? Вы правы, что не хотели видеть меня, но, поверьте, эта смерть всего ужаснее поразила меня самого. Мне легче было бы самому получить пулю в сердце, чем видеть убитым Арно.

– Так он принудил вас к дуэли? – тихо спросила Габриэль. – Я давно подозревала это.

– Да, принудил, и таким образом, что у меня не оставалось выхода. Если бы я знал, что он действует намеренно, я как-нибудь уклонился бы, но ведь я думал, что он требует удовлетворения за оскорбление, которое я нанес ему, не желая этого. Даже в последний момент, когда мы стояли друг против друга, как противники, я был уверен, что мы одинаково рискуем жизнью. Его револьвер был так решительно направлен на меня, – мне и в ум не приходило, что в последний момент он отведет его. Моя рука дрожала, я целился так, чтобы только ранить его, но эта дрожь и оказалась роковой... я попал прямо в сердце...

Габриэль содрогнулась, однако глубокая скорбь, звучавшая в словах Бруннова, обезоружила ее.

– Арно не питал к вам ни малейшей ненависти, – сказала она. – Когда за несколько часов до своей смерти он рассказывал мне о своем прошлом, я узнала, кем вы были для него когда-то... и кем он был для вас.

– И он все-таки причинил мне это! – с глубокой горечью сказал Бруннов. – Пусть он хотел умереть – я когда-то сам слышал из его уст, что он может погибнуть в борьбе, но не перенесет падения, – но зачем ему понадобился для этого именно друг его юности? Зачем он принудил меня?.. Это было жестоко: наказание было неизмеримо тяжелее, чем я заслужил за свое недоверие. Арно должен был знать, какой страшной тяжестью обременит последние годы моей жизни. Я ведь изнемогаю!

Габриэль взглянула на бледное, искаженное горем лицо своего собеседника, яснее всяких слов говорившее о пережитых и переживаемых страданиях, и поняла, как горько и глубоко любил он покойного. Это уничтожило преграду между ней и доктором, и в порыве глубокого чувства она протянула ему руку.

– Я знал, что здесь меня поймут, – сказал Бруннов. – Арно любил вас, – этим все сказано.

Он пристально смотрел на прелестное молодое Лицо и, казалось, искал на нем отпечаток пережитого прошлого – юность ведь легче и скорее побеждает горе, чем старость. Но здесь победа еще не была одержана: Бруннов видел печать страдания и грустную тень во взгляде и знал, откуда они явились.

– Я пришел к вам с просьбой, которая, будь она высказана кем-нибудь другим, может быть, оскорбила бы вас. Я сейчас только говорил вам, как дорог был мне Арно, поэтому вы не истолкуете мои слова ложно, когда узнаете, зачем я пришел. У моего сына есть друг, которого и вы знаете. Когда-то он любил вас и мог надеяться на счастье с вами, но явился Равен, и надежды молодого человека развеялись, как дым. Мне в этом случае не нужны ни объяснения, ни оправдания: я лучше всякого другого знаю, как Арно умел привязывать к себе каждого из тех, кого хотел привязать. Я понимаю, что юная любовь побледнела перед ярким пламенем его страсти. Но теперь, когда его нет в живых... когда вы свободны... неужели из-за вас должно разбиться благородное сердце? Неужели ничто в вашем сердце не говорит в пользу того, кому принадлежала ваша юная любовь?

– Она никогда не переставала жить в моем сердце, даже тогда, когда я порвала с Георгом, но я пожертвовала и его любовью, и его счастьем, – не могла не пожертвовать, потому что другое чувство было сильнее... Арно я не могу забыть.

– Забыть? – с ударением повторил Бруннов. – Конечно, не можете, и любить другого так, как любили его, также не можете. Я вполне вам верю.

– Да, – твердо сказала Габриэль, – поэтому я не могу стать женой Георга.

– Разве непременно нужно быть и самому счастливым? – печально спросил Бруннов. – Дать счастье другому – также чего-нибудь да стоит. Сейчас Винтерфельд в гостях у моего сына... приехал случайно, не подозревая, что вы здесь. Он все также горячо любит вас и никогда не найдет счастья с другой, никогда! Я его знаю. Одиноко пройдет он через всю жизнь и среди успехов, которые его ожидают, будет только глубже чувствовать пустоту, которую оставила в его сердце разлука с вами. Габриэль, вы так еще молоды, перед вами – вся жизнь! Посвятите ее Георгу – он стоит этого.

Молодая девушка отшатнулась.

– Ни слова больше, доктор! Пощадите, не будите старых воспоминаний! Если вы говорите от имени Георга...

– Он даже не подозревает, что я здесь, – перебил ее доктор, – он не пустил бы меня к вам, и не думайте, что Георг когда-либо попытается снова сблизиться с вами, – он и мысли подобной не допускает. И он прав: вы от него отказались, вы же должны и вернуть его...

Терзаясь жестокой борьбой, Габриэль крепко прижала стиснутые руки к груди, точно стремясь подавить в ней какое-то чувство.

– Не могу! Не могу!.. И Георг тоже не захочет той любви, которую я могла бы предложить ему теперь.

– Нет, захочет, потому что он принадлежит к тем бескорыстным натурам, которые всегда дают больше, чем получают; а его сердце принадлежит вам, вам одной.

Габриэль подняла на Бруннова глаза, полные грустного упрека.

– И все это говорите мне вы, друг Арно? Вы хотите, чтобы его место занял другой?

– Боже избави! Я вовсе этого не желаю! – с жаром воскликнул доктор. – «Его» место ни Винтерфельд, ни кто-либо иной не может занять. Светлыми, прекрасными людьми, без бурь идущими по дороге жизни, не омраченной ни единым пятном или тенью, восхищаются и высоко их ценят. Натуры же, подобные Арно Равену, не могут давать счастье другим, – даже тем, кого они любят, всегда угрожает мрачная тень, нависшая над их собственной судьбой. Однако страдать за них и с ними, даже погибнуть с ними бывает завлекательнее, ценнее, чем быть счастливым с другими. Да, Габриэль? Вы ведь сами это испытали?

Былое пламя снова вспыхнуло из-под пепла. Сгорбленная фигура Бруннова выпрямилась, слова зазвучали страстью, глаза на мгновение загорелись прежним блеском.

Габриэль опустила голову на его плечо и заплакала, и плакала так, словно сердце ее разрывалось.

– Не дайте мне уйти без ответа, – после некоторого молчания сказал Бруннов, – за всю свою жизнь я редко кому мог доставить счастье; мне хотелось бы еще раз испытать это, прежде чем... я уйду, а уйду я скоро. Могу я подать Георгу некоторую надежду? Хотите вы увидеться с ним?

Габриэль пришла в себя и протянула доктору руку.

– Попробую! – тихо промолвила она.

* * *

Что-то странное творилось в доме Бруннова в этот вечер. Сначала у доктора в его кабинете был какой-то разговор наедине с сыном, который произвел на Макса до такой степени

ошеломляющее впечатление, что он бросился к отцу с бурными объятиями вроде тех, которыми душил когда-то папашу-советника. Затем молодой доктор имел такой же таинственный разговор в столовой наедине со своей женой, и оба вышли из комнаты взволнованные. После этого Агнеса куда-то исчезла и долго не показывалась, а ее муж в это время усердно занимал своего друга разговорами, ни на минуту не отпуская его от себя.

При других обстоятельствах Георг, вероятно, догадался бы, что происходит нечто необыкновенное, но весть о близком соседстве Габриэли совершенно нарушила его душевное равновесие: он с трудом сохранял внешнее спокойствие. К сожалению, Макс несколько не считался с элегическим настроением друга, хотя прекрасно знал, в чем дело. Напротив, он беспощадно приставал к нему, под всевозможными предлогами стараясь снова вытащить его в сад.

– Да что мне делать в саду? – почти с досадой возражал Георг, – я ведь уже был там утром и вдоволь налюбовался прекрасным видом.

– Теперь ты должен полюбоваться выдумкой моего отца, – ответил Макс, – выдумкой, устроенной в твою честь. В виде исключения отец раз в жизни поступил практично. Ну, пойдем же! Ты будешь поражен!

На самом берегу озера возвышался маленький павильон, из которого открывался действительно чудный вид. Когда друзья подошли к беседке, Георг бросил беглый взгляд в окно.

– Там какие-то дамы, – сказал он.

– Ну да, – спокойно ответил Макс, – у Агнесы гости. Да вот и она.

Агнеса вышла из павильона и обменялась быстрым взглядом с мужем, который ловко пропустил своего друга вперед и, толкнув его в беседку, запер за ним дверь.

– Теперь оба попались в ловушку, – с торжествующим видом обратился он к жене, – и горе Георгу, если он не выйдет оттуда женихом. Теперь дело за тем, чтобы устранить все, что могло бы им помешать. Собственно говоря, женатому человеку и отцу не пристало изображать стража при любовном свидании, но, принимая во внимание исключительность обстоятельств и мой старый опыт, я уж, так и быть, снизойду до этого. Отправляйся, Агнеса, и извести папу, что все удалось великолепно, что оба сидят взаперти, а я стою здесь, как ангел-хранитель, и выпущу из беседки только парочку обрученных – больше никого!

В павильоне в это время разыгралась короткая, но знаменательная сцена.

Ничего не подозревая, Георг перешагнул порог и даже не заметил, что дверь за ним закрылась и Макс остался в саду. Он вообще ничего не видел и стоял, как пригвожденный к полу, не сводя взора с женской фигуры, облокотившейся на подоконник.

Она нерешительно, почти испуганно обернулась.

Георг пришел в себя лишь тогда, когда увидел ее лицо.

– Габриэль! – вскрикнул он и рванулся было к ней, но тотчас опомнился и остановился. – Баронесса Гардер...

– Георг! – с кротким упреком перебила Габриэль. Его собственное имя в ее устах позвучало для него с прежней властной силой, он забыл свою сдержанность и медленно приблизился.

– Прости! Я не знал... не подозревал... как ты попала сюда?

Габриэль не отвечала, но в ее молчании уже крылась надежда, и Георг понял.

– Почему ты пришла? – со страстным нетерпением повторил он. – Габриэль, отвечай! Ты знала, что я здесь?

– Знала, – прозвучал тихий, но твердый ответ. Георг стоял совсем близко от любимой и даже не притронулся к ее руке. В его голосе дрожала тревога и бесконечная нежность, когда он проговорил:

– Габриэль! Это не первое наше свидание после того дня, когда мы стали чужими друг другу, и до сих пор твои глаза неизменно повторяли мне, что чужими мы навсегда и останемся. Можно ли прочесть в них другое?

И он прочел это «другое» во взгляде, обращенном на него.

– Георг, – сердечным тоном сказала Габриэль, – я причинила тебе горе. Ты знаешь, что нас разлучило, что стояло между нами целые годы. Я отняла у тебя счастье, заставила глубоко страдать. Я так хотела бы вернуть тебе утраченное... но в моей ли это власти?

Ему не пришлось отвечать: горячее чувство, с которым он прижал Габриэль к своему сердцу, без слов дало ей ответ.

И вот она опять в его объятиях и опять, как прежде, слышит его признание. Тогда она не знала бурного, всепоглощающего счастья, которое испытала потом в объятиях Арно, блаженства, вознесшего ее на самые светлые вершины бытия и подарившего в одно короткое мгновение счастьем целой жизни, чтобы потом заставить заплатить за него горем всей жизни! Теперь, вопреки прошлому, солнечный свет и тепло снова наполнили ее душу. Габриэль не была бы женщиной, если бы ее сердце не трепетало радостью от сознания, что она так глубоко, так верно любима, и не чувствовала бы, какое великое счастье – сделать счастливым другого.

Впереди, купаясь в солнечном блеске, сверкало широко раскинувшееся озеро, голубые горы уходили вдаль. И так же широко открывалась жизнь перед двумя молодыми людьми, только что заключившими союз. Все кругом было ясно, солнечно-ярко, – и все же на миг невеста ощутила какое-то дуновение... В ушах ее зазвучало журчание отдаленного ручья, в душе смутно промелькнула картина лунной ночи, и глаза, затуманившиеся набегавшими слезами, на мгновение перестали видеть солнечный свет. Габриэль чувствовала, что вернулась к жизни, к любви, но какой дорогой ценой!